

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

16 2026
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (619) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Станислав Густавович Струмилин* (1877–1974), советский экономист и статистик.

Станислав Густавович родился в селе Дашковцы Подольской губернии, ныне Литинского района Винницкой области Украины, в семье обедневшего дворянина (настоящая фамилия — Струмилло-Петрашкевич). Он обучался в Скопинском реальном училище, а затем поступил в Электротехнический институт в Санкт-Петербурге. В 1897 году присоединился к революционному движению, в 1899-м участвовал во всеобщей студенческой забастовке, в том же году был отчислен из института и отдан в солдаты. Вступил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1899 году стал членом РСДРП, сначала как меньшевик, а с 1923 года — большевик.

Впоследствии его еще дважды исключали из института; три раза он был арестован; выдержал страшное избиение в петербургской тюрьме «Кресты»; дважды был приговорен к ссылке, дважды бежал из ссылки. Несмотря ни на что, окончил Петербургский политехнический институт по экономическому отделению в 1914 году.

После Октябрьской революции Струмилин организовал отдел статистики в Высшем совете народного хозяйства. С 1919 года он стал уделять особое внимание статистике труда. После того, как Ленин ознакомился с некоторыми опубликованными статьями Струмилины по этой теме, он пригласил его работать в Госплан. Позже Струмилин стал заместителем председателя Госплана, а потом членом Президиума.

Одновременно Станислав Густавович вел научную и педагогическую работу в МГУ, Институте народного хозяйства имени Плеханова, Московском государственном экономическом институте.

Под руководством Струмилины была разработана первая в мире «система материальных балансов».

Струмилин является автором более 700 работ в области экономики, статистики, управления народным хозяйством, планирования, демографического прогнозирования, политэкономии социализма, экономической истории, научного коммунизма, социологии, философии.

Ему также принадлежит авторство одного из методов построения индекса производительности труда, получившего название «индекс Струмилины».

Изучая проблемы экономической эффективности образования, ученый сформулировал закон «убывающей продуктивности школьного обучения», согласно которому с возрастанием количества ступеней обучения снижается его экономическая рентабельность для государства, а квалификация рабочих повышается медленнее, чем число лет, затраченных на обучение.

В то же время Струмилин исследовал зависимость между степенью квалифицированности работников и сроками их обучения. Им были установлены методы определения оптимального периода школьного обучения и размеров расходов на образование каждого рабочего с учетом роста национального дохода государства. По данным Струмилины, введение всеобщего начального образования в СССР дало экономический эффект, в 43 раза превышающий затраты на его организацию; рентабельность начального обучения лиц, занятых физическим трудом, в 28 раз превысила себестоимость обучения, а капитальные затраты на него окупались через полтора года.

Выводы Струмилины о высокой рентабельности обучения в вузах преимущественно малоимущих выходцев из рабочих и крестьян подтверждали окупаемость бесплатного высшего образования и содержания студентов за государственный счет, а также давали возможность обосновать обязательную трехлетнюю работу выпускников вузов по распределению, установление им заработной платы не ниже, чем у квалифицированных рабочих. Известно его высказывание: «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие».

Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в развитии экономической науки и в связи с девяностолетием со дня рождения Станиславу Густавовичу Струмилину было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Он награжден также четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом Трудового Красного Знамени, а также медалями, в том числе «За трудовую доблесть».

Умер Станислав Густавович в 1974 году в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Агаджанова Н. С.

Проблема выбора правовой модели регулирования отношений с единоличным исполнительным органом: коллизия трудового и гражданского права 231

Алексеев К. А.

Влияние цифровизации на трансформацию способов совершения коррупционных преступлений 233

Алексеев К. А.

Правовое регулирование противодействия коррупции в СССР 235

Алиев В. А.

Проблема уголовноправового определения картельного сговора в рамках статьи 178 УК РФ 236

Апрелкова М. В.

Анализ рисков и перспектив применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве 238

Болатчиев Д. А.

Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за незаконную миграцию 240

Бондарь Е. В.

Виды и процедуры разрешения административных споров 244

Бондарь Е. В.

Правовой и процессуальный порядок разрешения административных споров в современных реалиях 249

Бочкарева С. Г., Гатауллина М. С.

Особенности производства следственного эксперимента 254

Волкова Т. М.

Институт свидетельского иммунитета в гражданском процессе 256

Гавриш А. Е.

Актуальные проблемы квалификации нецелевого использования бюджетных средств 259

Гвозденко Е. А., Долгова Н. Н.

«Русская Правда» как памятник права: происхождение, источники, редакции 263

Гетт А. С.

Типичные ситуации первоначального этапа расследования убийств, совершенных с особой жестокостью. Действия следователя 265

Гречаная А. В.

Коррупция как антиконституционный фактор: от частных нарушений к угрозе государственному строю 267

Гузеева Е. К.

Самозанятость как способ ведения бизнеса: скрытые риски 270

Гуренков Д. А.

Ответственность предпринимателя за нарушение антимонопольного законодательства 273

Дергунова Д. И.

Проблемные вопросы регулирования имущественных отношений 275

Джалалян К. М.

Классификация, виды и основные методы оперативно-розыскных мероприятий 278

Дичалаев А. М., Ахунц А. Н.

Договор поставки: проблемы правового регулирования и ответственности сторон 280

Добросельский Д. А.

К вопросу об определении непосредственного объекта состава преступления о незаконном предпринимательстве (статья 171 УК РФ) 283

Епифанов С. В.

Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 108 УК РФ 286

Жукова А. Н.

Обязательный финансовый контроль в деятельности предпринимателей: баланс между публичными интересами и банковской тайной 288

Загайнов М. Р.

Организация прокурорского надзора
за исполнением законов органами,
осуществляющими оперативно-розыскную
деятельность 290

Захаров А. С., Фролов Г. А.

Актуальные проблемы организации
расследования отдельных видов
мошенничества 292

Игнатьков А. В.

Некоторые проблемы квалификации
убийства в состоянии аффекта 295

Казымова Ш. Ш.

Зарубежный опыт правового регулирования
в области сохранения и защиты
региональных языков 298

Каймакова А. И.

Особенности возбуждения уголовного дела
в отношении несовершеннолетних 300

Карпова К. И.

Правовое регулирование договора купли-
продажи недвижимости: существенные
условия и порядок регистрации 302

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблема выбора правовой модели регулирования отношений с единоличным исполнительным органом: коллизия трудового и гражданского права

Агаджанова Нана Сумбатовна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена проблеме выбора между трудовым и гражданско-правовым договором при оформлении отношений с единоличным исполнительным органом (ЕИО) хозяйственного общества. Анализируется двойственная природа статуса руководителя, обусловленная его положением одновременно как органа юридического лица и как физического лица, осуществляющего управленческую деятельность. Исследуются критерии разграничения трудовой и гражданско-правовой моделей, эволюция судебной практики и правовые последствия каждого из подходов. На основе проведенного анализа формулируются практические рекомендации для участников обществ и руководителей.

Ключевые слова: единоличный исполнительный орган, генеральный директор, трудовой договор, гражданско-правовой договор, правовой статус руководителя, корпоративное управление, судебная практика.

Правовой статус единоличного исполнительного органа (ЕИО) хозяйственного общества остается одним из наиболее дискуссионных вопросов в российской правовой доктрине. Противоречие между корпоративно-правовой сущностью ЕИО как органа юридического лица и его потенциальным статусом как работника создает правовую неопределенность, влекущую значительные риски для обеих сторон [4].

Нормативной основой полномочий ЕИО служит статья 53 Гражданского кодекса РФ, согласно которой юридическое лицо приобретает права и обязанности через свои органы. Действия органов юридического лица признаются действиями самого юридического лица, что исключает их рассмотрение в качестве самостоятельных субъектов гражданских правоотношений [7]. Однако арбитражная практика демонстрирует отсутствие единообразия: нижестоящие суды нередко применяют к действиям ЕИО нормы о представительстве. Так, Арбитражный суд Архангельской области признал ничтожной сделку, заключенную директором в свою пользу, сославшись на нарушение п. 3 ст. 182 ГК РФ, что противоречит позиции высших судов о неприменимости норм о представительстве к органам юридического лица [6].

Данная коллизия имеет исторические корни: советское право стремилось охватить трудовым законодательством любые отношения по поводу управленческого труда, тогда как современный гражданский оборот требует признания особой природы полномочий руководителя. В зарубежных правовых системах (например, в англосаксонской системе) статус «officer» или «director»

изначально регулируется корпоративным правом, что позволяет четко развести исполнительные и трудовые функции [2]. Российский законодатель, предоставив сторонам выбор между трудовым и гражданско-правовым договором (ст. 273 и 57.1 ТК РФ), пошел по пути гибридного регулирования, что создает как гибкость, так и риски злоупотреблений.

Ключевой проблемой на практике является разграничение трудового и гражданско-правового договора с ЕИО. Суды выработали систему критериев для такой квалификации. В пользу трудового характера отношений свидетельствуют: подчинение правилам внутреннего трудового распорядка; выплата регулярного вознаграждения (оклада), не зависящего от результата; предоставление социальных гарантий. На гражданско-правовой характер указывает связь вознаграждения с конкретными результатами работы и отсутствие фиксированного графика [3].

Судебная практика претерпела значительную эволюцию: если изначально суды склонялись к признанию отношений с директором исключительно трудовыми, то теперь высшие инстанции заняли более гибкую позицию. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ прямо указано, что отношения с ЕИО могут регулироваться как трудовым, так и гражданским законодательством, а ключевое значение имеет не формальное наименование договора, а его реальное содержание [1]. Однако отсутствие четких законодательных критериев приводит к тому, что каждая ситуация становится предметом отдельного судебного разбирательства, увеличивая судебную нагрузку и правовые издержки бизнеса.

Выбор между трудовым и гражданско-правовым договором влечет кардинально различные правовые последствия для обеих сторон. Трудовой договор предоставляет ЕИО широкий спектр социальных гарантий: ежегодный оплачиваемый отпуск (ст. 115 ТК РФ), пособия по временной нетрудоспособности, защиту от необоснованного увольнения, а также особую норму о полной материальной ответственности (ст. 277 ТК РФ). Прекращение трудового договора с директором возможно по общим основаниям, а также по специальным основаниям, закрепленным в ст. 278 ТК РФ. Гражданско-правовой договор исключает применение большинства норм трудового права. Отношения строятся на принципах равенства и автономии воли сторон. Прекращение полномочий осуществляется в соответствии с условиями договора и корпоративным законодательством. Вознаграждение ЕИО не носит характера заработной платы, зато гражданское законодательство предусматривает более широкие возможности для взыскания убытков, включая упущенную выгоду (ст. 15 ГК РФ) [8].

Существенным риском для участников общества при выборе гражданско-правовой модели является возможность реквалификации договора в трудовой судом. Последствия реквалификации могут быть крайне негативными: общество будет обязано выплатить руководителю все невыплаченные социальные пособия, компенсации за неиспользованный отпуск, а также может быть привлечено к финансовым санкциям за уклонение от оформления трудовых отношений (ст. 5.27 КоАП РФ). Для руководителя, в свою очередь, риск заключается в том, что, полагаясь на гражданско-правовой договор, он может оказаться лишенным защиты при незаконном прекращении полномочий, поскольку корпоративное законодательство не содержит аналога ст. 278 ТК РФ, а условия досрочного расторжения договора могут быть прописаны не в его пользу.

Для минимизации рисков предлагаются следующие рекомендации.

1. Участникам общества целесообразно разработать детализированный гражданско-правовой договор об ока-

зании услуг управления, привязывающий вознаграждение ЕИО к конкретным финансовым показателям (рост чистой прибыли, увеличение рыночной доли и т. д.), исключающий признаки трудовых отношений (подчинение правилам внутреннего распорядка, фиксированный оклад, право на ежегодный оплачиваемый отпуск) и включающий положение о добровольном страховании ответственности руководителя за убытки, что частично компенсирует повышенные риски по ст. 15 ГК РФ.

2. Руководителю при выборе гражданско-правовой модели необходимо проводить независимую юридическую экспертизу договора и включать в него четкий перечень оснований и процедуры досрочного прекращения полномочий, исключающий произвольные решения общего собрания, а также условие о гарантированном выходном пособии при прекращении договора по инициативе общества, не связанной с виновными действиями ЕИО [5].

3. Для законодателя и правоприменительной практики целесообразно закрепить на уровне разъяснения Пленума Верховного Суда РФ примерный перечень критериев, однозначно свидетельствующих о гражданско-правовом характере отношений с ЕИО, а также рассмотреть возможность введения специального смешанного договора (корпоративно-трудового), который в едином документе регламентировал бы как корпоративные полномочия и ответственность по ГК РФ, так и отдельные, индивидуально согласованные социальные гарантии, не в полном объеме подпадающие под действие ТК РФ.

Таким образом, двойственная правовая природа отношений с единоличным исполнительным органом является объективной и устойчивой. Эволюция судебной практики в сторону признания допустимости обеих моделей демонстрирует поиск баланса интересов. Однако отсутствие единообразных критериев создает правовые риски. Необходим активный, осознанный и документально безупречный выбор модели регулирования, что позволит трансформировать коллизию из источника конфликтов в управляемый правовой выбор.

Литература:

1. Алтухова С. М. Правовой статус единоличного исполнительного органа юридического лица // *Legal Concept*. 2011. Т. 15, № 2. С. 171–174.
2. Бутырина М. В. Зарубежные модели местного самоуправления // *Вестник ИГЭУ*. 2008. Т. 1, № 1. С. 1–5.
3. Коваль В. П. Правовые позиции высших федеральных судов Российской Федерации в сфере трудового права и их влияние на трудовое законодательство и правоприменительную практику: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 32 с.
4. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 476 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2015. № 8.
6. Филипенко В. А. Представительская природа единоличного исполнительного органа корпорации: несколько дополнительных аргументов // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. № 4. С. 72–81.
7. Цепов Г. В. Понятие органа юридического лица по российскому законодательству // *Правоведение*. 1998. № 3. С. 89–93.
8. Черепяхин Б. Б. Органы и представители юридического лица // *Труды по гражданскому праву*. М.: Статут, 2001. С. 469–479.

Влияние цифровизации на трансформацию способов совершения коррупционных преступлений

Алексеев Константин Андреевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Цифровизация общественных отношений существенно трансформирует не только легальные сферы деятельности, но и криминальную среду, включая механизмы совершения коррупционных преступлений. Внедрение информационных технологий в государственное управление, банковскую сферу и систему межличностных коммуникаций создало качественно новые возможности для коррупционных проявлений, требующих переосмысления традиционных подходов к противодействию этому явлению.

Традиционные формы взяточничества, предполагавшие физическую передачу денежных средств или материальных ценностей, постепенно вытесняются более латентными способами. Современные коррупционеры активно используют электронные платежные системы, криптовалюты и офшорные счета для сокрытия незаконного обогащения. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2] определяет коррупцию достаточно широко, охватывая получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, однако законодатель не всегда успевает за темпами технологического развития.

О. В. Харченко справедливо отмечает, что механизм противодействия коррупции будет успешно работать при постоянном совершенствовании норм уголовного права, поскольку сегодня обсуждаются новые способы и предметы при совершении коррупционных преступлений [9, С. 143–144]. Действительно, цифровая трансформация создала целый спектр инновационных коррупционных схем, которые сложно квалифицировать по традиционным составам преступлений.

Одним из наиболее распространенных способов цифровой коррупции стало использование криптовалют для передачи взяток. Анонимность криптовалютных транзакций, отсутствие централизованного контроля и сложность отслеживания финансовых потоков делают этот инструмент привлекательным для коррупционеров. Как отмечает С. В. Власова, «биткоин, эфириум и другие цифровые активы позволяют осуществлять трансграничные переводы без участия традиционных финансовых посредников» [4, С. 238], что затрудняет выявление и документирование преступной деятельности правоохранными органами.

Развитие электронных платежных систем также способствовало трансформации коррупционных схем. Многочисленные электронные кошельки, системы денежных переводов и онлайн-банкинг создали возможности для быстрого и относительно анонимного перемещения де-

нежных средств. Коррупционеры используют сложные цепочки транзакций через различные платежные системы для сокрытия происхождения и назначения финансовых потоков. Регистрация электронных кошельков на подставных лиц, использование предоплаченных банковских карт и дробление крупных сумм на множество мелких транзакций существенно затрудняют работу следственных органов.

Цифровизация государственных услуг, призванная снизить коррупционные риски за счет минимизации личного контакта граждан с чиновниками, парадоксальным образом породила новые формы коррупции. Должностные лица, обладающие доступом к электронным системам, могут манипулировать базами данных, ускорять или замедлять обработку заявлений, предоставлять неправомерный доступ к конфиденциальной информации. С. А. Попова и С. В. Акулин указывают на то, что «появились случаи получения взяток за внесение изменений в электронные реестры, незаконное предоставление доступа к информационным системам, фальсификацию электронных документов» [8, С. 178–179].

Особую опасность представляет коррупция в сфере государственных закупок, где цифровизация создала новые возможности для злоупотреблений. Электронные торговые площадки, автоматизированные системы отбора поставщиков и электронный документооборот теоретически должны были повысить прозрачность закупочных процедур. Однако на практике коррумпированные чиновники научились обходить защитные механизмы: создаются фиктивные электронные подписи, манипулируются технические характеристики в электронной документации, осуществляется координация действий участников торгов через защищенные мессенджеры.

Социальные сети и мессенджеры стали новым каналом коррупционной коммуникации. Telegram, WhatsApp и другие платформы с end-to-end шифрованием обеспечивают конфиденциальность переписки, затрудняя оперативно-розыскную деятельность. Договоренности о взятках, обсуждение условий коррупционных сделок, координация действий соучастников осуществляются в защищенных чатах, не оставляя традиционных доказательственных следов [5, С. 283–284].

Использование офшорных юрисдикций в сочетании с цифровыми технологиями создало сложные многоуровневые схемы легализации коррупционных доходов. Электронная регистрация офшорных компаний, дистанционное открытие счетов в зарубежных банках, использование номинальных директоров и бенефициаров позволяют скрывать действительных владельцев неза-

конно полученных средств. Цифровые следы размываются через множество юрисдикций, что делает расследование чрезвычайно трудоемким и длительным.

Развитие технологий искусственного интеллекта и больших данных открывает перспективы как для совершенствования коррупционных схем, так и для противодействия им. Как отмечает И. А. Громов, «с одной стороны, алгоритмы машинного обучения могут использоваться для выявления коррупционных паттернов в массивах данных, анализа связей между должностными лицами и бенефициарами коррупционных схем, прогнозирования коррупционных рисков. С другой стороны, эти же технологии могут применяться коррупционерами для выявления слабых мест в системах контроля, оптимизации схем сокрытия незаконных доходов, создания правдоподобных легенд и алиби» [6, С. 67–68].

Цифровая трансформация государственного управления породила феномен «цифрового посредничества», когда «лица, обладающие техническими компетенциями и доступом к информационным системам, выступают посредниками между заинтересованными гражданами и государственными органами» [7, С. 62–63]. Такие посредники могут за вознаграждение ускорять административные процедуры, влиять на принятие решений, обеспечивать положительные результаты проверок. Квалификация таких действий вызывает сложности, поскольку формально посредники не являются должностными лицами в смысле примечаний к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

Необходимо признать, что действующее антикоррупционное законодательство не в полной мере адаптировано к реалиям цифровой эпохи. Указание Генеральной прокуратуры России № 462/11 и Министерства внутренних дел России № 2 от 25 июня 2024 года «О введении в действие

перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [3] выделяет преступления коррупционной направленности, однако критерии отнесения не всегда учитывают специфику цифровых схем.

Противодействие цифровой коррупции требует комплексного подхода, включающего модернизацию законодательства, совершенствование оперативно-розыскных методов, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в области цифровых технологий. Необходимо развитие международного сотрудничества, поскольку многие коррупционные схемы носят трансграничный характер. Внедрение технологий блокчейн в государственное управление, создание централизованных систем мониторинга финансовых потоков, использование искусственного интеллекта для выявления коррупционных паттернов могут повысить эффективность антикоррупционной деятельности.

Таким образом, цифровизация существенно трансформировала способы совершения коррупционных преступлений, создав качественно новые возможности для незаконного обогащения должностных лиц и одновременно усложнив задачи правоохранительных органов по выявлению и пресечению коррупционных проявлений. Использование криптовалют, электронных платежных систем, защищенных мессенджеров, офшорных схем и искусственного интеллекта позволяет коррупционерам создавать более латентные и сложные для расследования схемы. Эффективное противодействие цифровой коррупции требует адаптации законодательства к технологическим реалиям, развития специальных компетенций у сотрудников правоохранительных органов, внедрения современных технологий контроля и международного сотрудничества.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2024 г.) // Парламентская газета от 31 декабря 2008 г. N 90.
3. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 25 июня 2024 г. N 462/11/2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «Гарант». url: <https://base.garant.ru/409554119/> (дата обращения: 10.04.2026 г.).
4. Власова С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики: монография / С. В. Власова; под ред. А. С. Александрова. — Москва: Юрлитинформ, 2020. 438 с.
5. Выжимко О. И. Инновационные подходы к антикоррупционной борьбе в Российской Федерации // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 283–286.
6. Громов И. А. Электронная инфраструктура государственного и муниципального управления как фактор обеспечения экономической безопасности: диссертация... кандидата экономических наук: 08.00.05. — Санкт-Петербург, 2019. 160 с.
7. Коррупция: анатомия явления: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 12–13 марта 2020 года) / Уральский государственный юридический университет [и др.]. — Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2020. 162 с.

8. Попова С. А., Акулин С. В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 178–185.
9. Харченко О. В. Противодействие преступлениям коррупционной направленности как угрозе национальной безопасности: криминологическое исследование // Закон. Право. Государство. 2025. № 2(46). С. 141–144.

Правовое регулирование противодействия коррупции в СССР

Алексеев Константин Андреевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Советский период отечественной истории характеризовался особым подходом к правовому регулированию коррупционных проявлений, основанным на идеологических установках социалистического государства. Официальная доктрина рассматривала коррупцию как явление, чуждое социалистическому строю и свойственное исключительно капиталистическим отношениям. Данная позиция предопределила специфику нормативного закрепления мер противодействия коррупции, при котором сам термин практически отсутствовал в законодательстве.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года стал первым систематизированным актом, устанавливающим ответственность за деяния коррупционной направленности. Статья 114 предусматривала наказание за получение взятки, а статья 115 — за дачу взятки должностному лицу [3]. Законодатель определял взятку как получение лицом, состоящим на государственной службе, лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которое это лицо могло или должно было совести по своему служебному положению. Санкция статьи 114 предусматривала лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества, а при отягчающих обстоятельствах — расстрел с конфискацией имущества.

Л. В. Борисова отмечает, что «в первые годы советской власти борьба со взяточничеством носила преимущественно карательный характер, что отражало стремление государства искоренить данное явление репрессивными методами» [8, С. 109–110]. Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 года «О взяточничестве» [6] впервые установил уголовную ответственность за взяточничество в советском государстве, определив его как тягчайшее преступление против порядка управления. Данный акт закрепил наказание в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет, соединенного с принудительными работами на тот же срок.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года расширил перечень составов преступлений коррупционной направленности. Статья 117 предусматривала ответственность за получение взятки, статья 118 — за дачу взятки, статья 109 устанавливала наказание за злоупотребление властью или служебным положением [2]. Законодатель

дифференцировал ответственность в зависимости от характера совершенного деяния и наличия квалифицирующих признаков. Особо опасными признавались случаи получения взятки ответственным работником или взятки, сопряженной с явным нарушением обязанностей по службе.

Н. А. Ныrkova подчеркивает, что «советское уголовное законодательство формировалось под значительным влиянием политической конъюнктуры» [10, С. 59], что приводило к периодическому ужесточению санкций за коррупционные преступления. Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 года «О революционной законности» [5] установило более строгие меры ответственности для должностных лиц, совершивших преступления при исполнении служебных обязанностей. Однако реальная правоприменительная практика нередко зависела от партийной принадлежности правонарушителя и его положения в номенклатурной иерархии.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года систематизировал нормы об ответственности за должностные преступления в главе VII. Статья 173 устанавливала наказание за злоупотребление властью или служебным положением, статья 174 — за превышение власти или служебных полномочий, статьи 173¹ и 173² — за получение и дачу взятки соответственно [1]. Законодатель определял получение взятки как получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения.

А. В. Мазеин и Е. Е. Кузнецов справедливо указывали на существенный разрыв между декларируемыми принципами социалистической законности и фактическим распространением коррупционных практик в государственном аппарате. Партийный контроль за деятельностью должностных лиц создавал систему двойных стандартов, при которой формально существующие правовые нормы применялись выборочно [9, С. 335–336]. Закрытость судебной статистики по делам о коррупционных преступлениях препятствовала объективной оценке масштабов явления и эффективности правовых механизмов противодействия.

Особенностью советского законодательства являлось отсутствие специализированных антикоррупционных органов. Функции выявления и пресечения коррупционных проявлений распределялись между органами прокуратуры, государственной безопасности и партийного контроля. Данная позиция критикуется С. А. Артюховым, который отмечает неэффективность такой организационной модели в условиях номенклатурной системы управления [7, С. 37–38].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» [4] ужесточил санкции за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, предусмотрев наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без таковой либо смертной

казни с конфискацией имущества. Однако данные меры не привели к существенному снижению коррупционных проявлений, что свидетельствует о системном характере проблемы.

Таким образом, правовое регулирование противодействия коррупции в СССР характеризовалось формальным запретом коррупционных деяний при одновременном отрицании самого явления коррупции как свойственного социалистическому строю. Законодательство устанавливало достаточно строгие санкции за взяточничество и должностные преступления, однако эффективность правоприменения ограничивалась политизированностью правоохранительной системы и номенклатурным принципом подбора кадров, что создавало условия для латентного существования коррупционных практик в государственном аппарате.

Литература:

1. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // СПС «КонсультантПлюс». url: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 11.04.2026 г.).
2. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Электронная библиотека исторических документов. url: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/391620> (дата обращения: 10.04.2026 г.).
3. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. url: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 10.04.2026 г.).
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» // Ведомости ВС СССР, 1962, N 8, ст. 85.
5. Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 года «О революционной законности» (с изм. от 13.07.1955 г.) // СЗ СССР, 1932, N 50, ст. 298.
6. Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 года «О взяточничестве» // Исторические материалы. url: <https://istmat.org/node/29479> (дата обращения: 11.04.2026 г.).
7. Артюхов С. А. Воровская держава: история коррупции в СССР и в современной России, 2017. 207 с.
8. Борисова Л. В. «Бунт нэпа против пролетарской диктатуры». Борьба со взяточничеством и экономическими преступлениями в 1920-е годы: монография / Л. В. Борисова. — Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 209 с.
9. Мазеин А. В., Кузнецов Е. Е. Правовые аспекты противодействия коррупции в СССР в исторической ретроспективе // Право и управление. 2023. № 7. С. 335–339.
10. Ныrkova Н. А. Институты общей части уголовного права в истории советского законодательства и действующем УК РФ: монография / Н. А. Ныrkova. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2006. 159 с.

Проблема уголовноправового определения картельного сговора в рамках статьи 178 УК РФ

Алиев Вагиф Азерович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматривается проблема уголовноправового определения картельного сговора как формы ограничения конкуренции, регулируемая ст. 178 УК РФ. Анализируется содержание объективной и субъективной стороны преступления, а также сложности квалификации картельного сговора в условиях неоднозначности дефиниций в теории и практике. В работе показывается, что действующее уголовноправовое определение картельного сговора не в полной мере отражает специфику экономического сговора, что приводит к правовым и правоприменительным коллизиям. Обосновывается необходимость уточнения конструкции состава преступления и совершенствования критериев выявления картельных соглашений. [1]

Ключевые слова: картельный сговор, ограничение конкуренции, ст. 178 УК РФ, уголовноправовая квалификация, конкуренция, антимонопольное законодательство.

В современной России одним из ключевых элементов правовой защиты конкуренции выступает **ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции»**, призванная обеспечить ответственность за нарушение принципа свободной конкуренции, включая проявления картельных сговоров. Вместе с тем уголовноправовое определение картельного сговора в рамках указанной статьи носит неоднозначный характер, что порождает существенные проблемы как для правоведа-теоретика, так и для практикующего юриста [1].

Традиционно в экономической теории и антимонопольном праве под картельным сговором понимается соглашение между субъектами предпринимательской деятельности, направленное на ограничение конкуренции (например, установление монопольно высоких/низких цен, закрепление сегментов рынка, ограничение объёмов производства и т. д.). При этом такие соглашения могут быть как формальными (договорными), так и неформальными (молчаливое согласие, практика координации поведения на рынке). **Есаков Г. А.** отмечает, что именно неформальный характер картельного сговора часто затрудняет его доказывание и квалификацию по уголовному закону, что особенно актуально для ст. 178 УК РФ [2].

В правоприменительной практике обращение именно к ст. 178 УК РФ объясняется тем, что она предусматривает уголовную ответственность за **ограничение конкуренции**, которое включает в себя и действия, направленные на заключение запрещённых картелей. Однако в самой статье УК РФ картельный сговор не упоминается прямо как отдельный вид преступных действий, что приводит к необходимости его соотнесения через положения антимонопольного законодательства.

Так, **Тенишев А. П.** подчёркивает, что картельный сговор в рамках уголовного права целесообразно рассматривать как специальную форму ограничения конкуренции, поскольку он предполагает скоординированное поведение нескольких субъектов, направленное на ограничение конкуренции и получение незаконной выгоды. При этом подчёркивается, что в отличие от одностороннего злоупотребления доминирующим положением картельный сговор характеризуется субъектным составом из нескольких лиц, что усложняет выявление и доказывание сговора [3].

Существует ряд проблем, связанных с **объективной стороной** преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, в контексте картельного сговора. Во-первых, в диспозиции статьи не определена ни специфика действий, ни признаки сговора как такового, что приводит к расширительному толкованию нормы и возможной «подтягиванию» под неё обычных рыночных практик. **Чучаев А. И.** указывает на эти проблемы квалификации экономических преступлений. Во-вторых, отсутствие чётких критериев доказывания сговора (прямые доказательства, косвенные

выводы, модель поведения на рынке) создаёт риск ложной квалификации [4].

Не менее важной представляется проблема **субъективной стороны**. Картельный сговор, как правило, носит умышленный характер: участники осознают, что их соглашения или координация ведёт к ограничению конкуренции и ущемлению интересов экономических субъектов и потребителей. **Есаков Г. А.** указывает, что в ряде случаев может возникать ситуация, при которой участники не имеют прямого умысла на ограничение конкуренции, но фактически создают совокупность действий, эквивалентную картельному сговору. В этом случае вопрос о квалификации по ст. 178 УК РФ становится предметом спора и требует балансирования между уголовно-правовым и антимонопольным подходом [2].

Дополнительную сложность вносит разделение ответственности между антимонопольным (КоАП РФ) и уголовным правом. **Тенишев А. П.** подчёркивает, что не каждое ограничение конкуренции, квалифицируемое по антимонопольным нормам, должно автоматически рассматриваться как уголовное преступление. Переход от административного к уголовному наказанию требует установления особо тяжких последствий, значительного масштаба сговора и систематического характера действий. В настоящее время отсутствие единообразных критериев в УК РФ и судебной практике приводит к дроблению подходов и неоднозначности в решении вопроса о применении ст. 178 [3].

Кроме того, в научной доктрине обсуждается необходимость системного подхода к уголовноправовому определению картельного сговора:

- интеграции положений ст. 178 УК РФ с Федеральным законом «О защите конкуренции»;
- использования экономического анализа рыночного поведения для доказывания сговора;
- развития специальных следственных и доказательственных механизмов, свойственных антимонопольным и уголовным делам об экономических преступлениях [4].

Рассматривая правовые аспекты данного вопроса невозможно не упомянуть и проблемы экономические, которые порождаются в связи с законодательными изъянами. Картельный сговор оказывает влияние на множество сфер жизни человека, и в последующем снижает уровень жизни общества. Опасность картельных сговоров видна при раскрытии факторов их отрицательного влияния на рыночную ситуацию, среди которых можно выделить: — создание дополнительных барьеров, препятствующих входу на рынок новых фирм; — затруднение рыночной саморегуляции и, соответственно, ограничение конкуренции; — «замораживание» НТП, отсутствие мотивации к обновлению технической оснащённости производственных мощностей; — опасность политической

дестабилизации вследствие расширения производства в экономике и влияния на баланс в общественном регулировании; — нарушение интересов потребителей, вызванное искусственным завышением цен, снижением качества и ассортимента товара.

Таким образом, уголовноправовое определение картельного сговора в рамках ст. 178 УК РФ, имеет большое значение для общества в целом и сталкивается с рядом проблем, связанных с отсутствием чёткой дефиниции,

неоднозначностью критериев доказывания и размытостью границ между административным и уголовным наказанием. Это требует дальнейшего теоретического осуждения и, возможно, законодательного уточнения конструкции состава преступления, а также развития единой правоприменительной практики, учитывающей как специфику экономического поведения на рынке, так и принципы справедливого уголовного наказания [2] [3] [4].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Есаков Г. А. Судебная практика по ст. 178 УК РФ: спорные вопросы квалификации // Уголовное право. 2022. № 6. С. 39–47.
3. Тенишев А. П. и Даниловская А. В.: Приоритетные направления уголовно-правовой политики в сфере защиты конкуренции // Законодательство. 2022. № 5. С. 41–49.
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 30.12.2023) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
5. Чучаев А. И. Проблемы квалификации экономических преступлений // Вестник ИГП РАН. 2022. № 4. С. 33–42.

Анализ рисков и перспектив применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве

Апрелкова Мария Викторовна, студент
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

В статье рассматриваются этические проблемы применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Обосновывается, что ИИ может использоваться только как вспомогательный инструмент, не подменяющий судебское усмотрение, основанное на нравственных ориентирах и совести.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная система, уголовное судопроизводство, внутреннее убеждение судьи, цифровизация правосудия, судебское усмотрение.

Analysis of the risks and prospects of using artificial intelligence in criminal proceedings

The article discusses the ethical issues of using artificial intelligence in criminal proceedings. It is argued that AI can only be used as an auxiliary tool that does not replace judicial discretion based on moral principles and conscience.

Keywords: artificial intelligence, judicial system, criminal proceedings, judicial discretion, digitalization of justice.

Вопрос об этических границах применения технологий искусственного интеллекта в судебной системе занимает одно из центральных мест в современной дискуссии о цифровизации правосудия. Развитие алгоритмических систем анализа данных, автоматизации юридических процессов и интеллектуальной обработки судебной практики открывает новые возможности для повышения эффективности правоприменительной деятельности. Однако одновременно использование подобных технологий ставит перед правовой наукой и судебной системой ряд этических проблем, затрагивающих базовые принципы

правосудия — справедливость, независимость судьи, презумпцию невиновности и гуманистическую природу судебного акта.

Следует согласиться, что искусственный интеллект может выступать только в качестве вспомогательного инструмента в судебной деятельности. Опасения связаны прежде всего с риском трансформации правосудия из индивидуализированного акта в статистически обусловленный алгоритмический процесс, где судьба конкретного человека будет определяться не правосознанием судьи, а математической моделью. Поэтому вынесение

приговора или оценка доказательств — это прерогатива исключительно человека [3, с. 12].

Одной из этических проблем применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве является невозможность формирования алгоритмом внутреннего убеждения судьи. В соответствии со ст. 17 УПК РФ судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью [1]. Данное положение отражает принцип уголовного судопроизводства, предполагающий не только формальную оценку доказательств, но и их нравственно-правовое осмысление.

Искусственный интеллект, функционирующий на основе алгоритмов машинного обучения, анализирует статистические зависимости и закономерности в массиве данных. Он способен выявлять корреляции между различными параметрами, однако не обладает правосознанием, нравственными ориентирами и способностью к сомнению — теми элементами, которые являются неотъемлемой частью судебного усмотрения.

ИИ — это технология, не обладающая правосубъектностью, опытом, морально-этическими качествами и компетенциями, необходимыми для осуществления правосудия. Только человек, руководствуясь совестью и законом, может решать судьбу обвиняемого [4].

Например, при рассмотрении уголовного дела о причинении тяжкого вреда здоровью судья может учитывать широкий спектр обстоятельств, характеризующих личность подсудимого: его поведение после совершения преступления, раскаяние, отношение к потерпевшему, жизненные обстоятельства, наличие иждивенцев и иные факторы. В ряде случаев суд признает смягчающими обстоятельствами факты, прямо не указанные в ст. 61 УК РФ, поскольку перечень таких обстоятельств носит открытый характер [2]. Искусственный интеллект, ориентированный на формализованные критерии, не способен самостоятельно выявить подобные нюансы человеческого поведения и придать им юридическое значение.

Решение о виновности или невиновности лица представляет собой не только юридический, но и нравственный акт. Судья, принимая решение, руководствуется не только буквой закона, но и совестью, принципами справедливости и гуманизма. Алгоритм, лишенный морального измерения, не может воспроизвести данный механизм правового мышления.

Как верно указывает О. В. Качалова, внедрение современных технологий в производство по уголовным делам также несет в себе риски того, что алгоритмы машинного обучения могут допускать ошибки, которые могут привести к несправедливым решениям, сбор и обработка больших объемов данных может нарушать конфиденциальность персональных данных [5, с. 74].

Многие алгоритмы машинного обучения формируют выводы на основе сложных математических моделей, логика функционирования которых остается непрозрачной.

В рамках судебной деятельности данное обстоятельство вызывает опасения. Суд обязан обосновывать выводы относительно фактических обстоятельств дела, правовой квалификации деяния и назначения наказания. Участники процесса должны понимать, на основании каких доказательств и юридических аргументов суд пришел к соответствующему выводу.

Если алгоритм искусственного интеллекта будет использоваться при оценке доказательств или прогнозировании судебных решений, возникает вопрос о том, каким образом можно проверить корректность такого анализа. Участник процесса вправе знать, какие факторы повлияли на итоговое решение. Однако нейросетевая модель зачастую не может предоставить объяснения своей логики, так как результат формируется в результате обработки большого количества скрытых параметров.

Еще одним этическим вызовом является проблема алгоритмической предвзятости. Искусственный интеллект обучается на основе массивов данных, сформированных в результате предыдущей правоприменительной практики. Если в этих данных присутствуют системные ошибки, стереотипы, алгоритм воспроизводит такие искажения.

Юридическое сообщество столкнулось с проблемой выдуманных искусственным интеллектом толкований норм права и актов судебной практики, на которых стороны основывают свою позицию в суде. Программисты называют это явление «галлюцинациями нейросетей»: ИИ заполняет генерируемый им текст в части пробелов вымышленным контентом [6].

Например, если в обучающей выборке преобладают приговоры с более строгими санкциями по определенной категории преступлений, система может формировать рекомендации, ориентированные на более суровые наказания, даже в тех случаях, когда конкретные обстоятельства дела требуют более мягкого подхода.

Подобная ситуация противоречит принципу индивидуализации наказания. Судебное решение должно учитывать особые обстоятельства каждого конкретного дела, а не опираться исключительно на статистические закономерности.

Несмотря на риски, отказ от технологий невозможен из-за растущей нагрузки на судей. Эксперты видят этический компромисс в использовании ИИ в качестве ассистента для задач, где его работа не влияет напрямую на существо решения и остается под полным контролем человека, в частности:

- стенографирование и протоколирование — приведет к повышению точности и скорости подготовки протоколов;
- составление описи материалов дела, автоматическую регистрацию и контроль сроков подачи документов — поможет упорядочить документооборот и снизить риск процессуальных ошибок, связанных со сроками;

– автоматическое создание кратких обзоров (самари) представленных сторонами документов, заключений экспертов и показаний — ускорит изучение материалов дела судьей;

– проверку соблюдения формальных требований к документам, контроль ссылок на нормы закона и судебную практику, выявление технических ошибок — позволит минимизировать основания для обжалования, связанных с недочетами оформления [4].

Таким образом, с одной стороны, цифровые технологии способны существенно повысить эффективность судебной системы, в частности, ускорить обработку документов, облегчить анализ судебной практики, снизить нагрузку на судей и работников аппарата суда. С другой стороны, чрезмерная алгоритмизация правоприменительной деятель-

ности может привести к утрате индивидуального подхода к человеку, превращению судебного процесса в механическую процедуру статистической обработки данных.

В данной связи следует подчеркнуть необходимость соблюдения принципа человека в центре правосудия. Искусственный интеллект может использоваться в качестве вспомогательного инструмента, например, для поиска судебной практики, анализа документов или автоматизации административных процедур. Однако окончательное решение по делу должно приниматься только судьей, который способен оценить не только юридические, но и морально-этические аспекты уголовного дела. Использование технологий допустимо лишь в той мере, в какой они усиливают возможности судьи, но не подменяют его профессиональное и нравственное усмотрение.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) (ред. от 27.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 7. — 2024.
3. Воскобитова, Л. А. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации: монография / отв. ред. Л. А. Воскобитова, В. И. Пржиленский. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 288 с.
4. Искусственный интеллект вместо судьи: что делать, если приговор пишет нейросеть? [Электронный ресурс]. — URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/iskusstvennyi-intellekt-vmesto-sudi-chto-delat-esli-prigovor-pishet-neiroset> (дата обращения: 12.03.2026).
5. Качалова, О. В. Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства / О. В. Качалова // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 1 (79). — С. 69–77.
6. Нейросети как угроза развитию судебной практики и профессиональная юридическая этика [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravo.ru/opinion/260283/> (дата обращения: 12.03.2026).

Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за незаконную миграцию

Болатчиев Динислам Аликович, студент магистратуры
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье автор исследует развитие российского уголовного законодательства об ответственности за незаконную миграцию.

Ключевые слова: незаконная миграция, уголовный закон, преступление, иностранцы, уголовная ответственность.

Значительная доля преступлений, совершенных иностранцами приходится на миграционную преступность. Согласно «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации» на 2019–2025: «за последние годы существенно возросла миграционная активность вблизи внешних границ Российской Федерации и в зоне ее интересов. Интенсивный миграционный поток из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу, возникший в 2014–2015 годах, становится причиной негативных социально-экономических

процессов в европейских государствах, а также способствует проникновению в эти государства членов криминальных, террористических и экстремистских структур. Такие негативные проявления могут стать угрозой как для Российской Федерации, так и для приграничных с ней государств» [1].

Следовательно, основным фактором большей части преступлений, совершенных иностранцами и в их отношении, является незаконная миграция. Проблемы незаконной миграции в наше время далеки от решения, по-

скольку представляют собой сложную систему вопросов, для решения которых необходимы совместные усилия законодателя и правоохранительных органов.

Для того чтобы провести всесторонний уголовно-правовой анализ такого преступного деяния, как организация незаконной миграции, необходимо исследовать все стадии становления института контроля миграционных процессов и развития уголовной ответственности в РФ за организацию незаконной миграции.

Необходимо отметить, что развитие уголовного законодательства Российского государства за организацию незаконной миграции, как и развитие уголовного законодательства в РФ в целом, имеют свою длительную и сложную историю.

На ранних стадиях развития российской государственности невозможно увидеть процессы государственного контроля над миграционными явлениями.

Обращаясь к истории, можно проследить, как земли северо-востока нашей страны, где проживали на тот момент финно-угорские племена, заселялись славянами. Данные миграционные процессы прослеживались не одно столетие, взяв свое начало с IX века. Предпосылками к таким переселениям являлась неблагоприятная обстановка, вызванная набегами, войнами, стихийными бедствиями и природными катаклизмами [11, с. 23].

Данный период становления Русского государства не был знаменателен регламентацией и правовым регулированием миграционных процессов. Сами процессы миграции на тот момент были вызваны переселением из одних земель в другие как следствие спасения от набегов кочевников и сохранения жизни [12, с. 22].

Миграционные процессы на Руси на всех этапах исторического развития можно поделить на три вида:

- добровольная миграция;
- принудительная миграция;
- вынужденная миграция [16, с. 108].

Добровольная миграция подразумевает под собой добровольное переселение населения из одной местности в другую, иными словами, данное переселение не вызвано давлением со стороны или страхом выживания и спасения.

Принудительная миграция — это миграция, которая происходит под давлением внешних факторов, как правило, это решение органов власти. Если обращаться к истории древней Руси, то основной целью принудительной миграции было заселение присоединенных земель.

Вынужденная же миграция в большинстве своих случаев была вызвана такими факторами, как:

- военные действия;
- природные катаклизмы;
- экономические факторы [17, с. 105].

Переломным моментом в миграционной политике государства того времени стало правление Ивана Грозного. Великий государь всея Руси стал заниматься расширением границ своего государства, путем завоевания Казанского ханства он присоединил восточные земли [18, с. 313].

В судебнике Ивана IV содержались уголовные нормы, которые защищали иностранцев и одновременно уста-

навливали уголовную ответственность за преступления, совершенные иностранцами. Данный уголовный закон можно назвать истоком уголовного законодательства, которое начинало регулирование миграционных процессов нашего государства [7, с. 117].

Первым нормативно-правовым актом на Руси, который в полной мере начал регламентировать практически все сферы жизни населения, в том числе и процессы миграции, стало Соборное Уложение 1649 г. Данный законодательный акт был утвержден царем Алексеем Михайловичем Романовым [8, с. 7].

Именно с этого времени выезд за границу стал строго регламентироваться государством. Незаконный, под которым подразумевался самовольный выезд за рубеж, влек за собой уголовную ответственность в виде строго уголовного наказания.

Если целью незаконного пересечения государственной границы была государственная измена либо иные преступные цели, то преступник нес уголовную ответственность вплоть до смертной казни [15, с. 254].

Следующим переломным этапом в уголовном законодательстве Российского государства стало правление царя-реформатора Петра I. С его приходом к власти была введена пропускная система выезда за границу.

Прорывом в миграционной политике той эпохи стало привлечение Петром I специалистов в Россию из-за границы. Причем иностранцам, привлеченным таким образом, присваивался особый статус и им полагалось множество льгот и преференций. Также их права были закреплены в Манифесте 1702 года «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповеданий» [9, с. 118].

В основном данным манифестом регламентировался въезд в России людей, целью которых была военная служба, торговля, а также людей, занимающихся искусством. Данная миграционная политика Петра I отвечала его реформаторским введениям для модернизации различных сфер жизни общества русского государства.

Следующим шагом Петра Великого на пути регламентирования и установления государственного контроля над процессами миграции стало издание им Указа от 1719 г. «О поимке беглых драгун, солдат, матросов и рекрут», который устанавливает, что «никто без проезжих или прохожих писем из города в город и из села в село не ездил бы и не ходил». Таким образом, Петром I была практически введена система паспортного контроля в отношении людей, перемещающихся между городами и селами [9, с. 105].

Следующий шаг в преобразовании миграционной политики был сделан Екатериной II. Ей были изданы следующие законодательные акты, предназначением которых было регламентация незаконной миграции:

- Манифест от 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам селиться в России»;
- Указ от 19 ноября 1793 г. «Об объявлении в главной полицмейстерской канцелярии о приезжающих, отъезжающих и живущих всякого звания людях».

В Манифесте от 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам селиться в России» говорилось, что Российское государство готово принять и простить всех беглецов, покаявшихся и желающих вернуться в Россию, а также иных иностранцев, имеющих желание поселиться в Российской Империи.

Указ же от 19 ноября 1973 г. «Об объявлении в главной полицмейстерской канцелярии о приезжающих, отъезжающих и живущих всякого звания людях» был направлен на изгнание из страны тех иностранцев, которые могут подорвать безопасность государства путем сеяния смуты и беспорядков среди населения. При этом пограничные службы были обязаны выяснять цели въезда иностранцев в Россию и причины, по которым их могли пригласить граждане государства [14, с.425]. Это можно назвать началом миграционного контроля со стороны государства, контролем над соблюдением правил въезда и выезда в страну, а также установлением уголовной ответственности за незаконную миграцию.

Последующее развитие миграционной политики нашего государства пришлось на начало XIX века и было обусловлено Французской революцией и войнами Наполеона, что объясняет введение определенных ограничений в этой правовой сфере государства.

Подтверждением этому является Указ Александра I от 1806 г. «О высылке из России всех поданных Французских и разных немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; о непропуске оных в Россию без паспортов министра иностранных дел; о прекращении действия торгового двора с Францией и об учреждении комиссии для разбора иностранцев» [14, с.233].

Другим важным событием XIX века стало введение обязательной регистрации, которое началось с жителей города Санкт-Петербурга и города Москвы.

Николай I за период своего правления навел порядок во многих законодательных сферах Российского законодательства. Не стала исключением и уголовная сфера. В 1846 году было введено в действие «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Данным нормативно-правовым актом устанавливалась уголовная ответственность за преступные действия в сфере миграции, в частности за незаконную миграцию, она содержалась в главе 7 «О недозволенном оставлении Отечества» [10, с.130].

Данная глава Уложения о наказаниях уголовных и исправительных включала следующие статьи:

1. ст. 354. «Кто, отлучась из отечества, войдет в иностранную службу без позволения правительства, или вступит в подданство иностранной державы, тот за сие нарушение верноподданнического долга и присяги подвергается:
 - лишению всех прав состояния и вечному из пределов государства изгнанию, или в случае самовольного потом возвращения в Россию, ссылке в Сибирь на поселение»;
2. ст. 355. «Кто, отлучась из отечества, не явится в оное обратно по вызову правительства, тот за сие ослушание приговаривается также:
 - к лишению всех прав состояния и к вечному изгнанию из пределов государства, если в назначенный по

усмотрению суда срок он не докажет, что сие учинено им по независевшим от него, или по крайней мере, уменьшающим вину его обстоятельствам, а дотоле почитается безвестно отсутствующим, и имение его берется в опекуносское управление на основании постановленных для сего Гражданскими законами правил» [3].

Уголовная ответственность за незаконную миграцию находит свое дальнейшее развитие и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, редакция от 1885 года. Причем данная группа преступлений относится здесь к категории тяжких преступлений [5, с.317].

Данный законодательный акт несет в себе уголовное наказание за такие миграционные преступления, как:

- повторное незаконное пересечение Российской границы;
- подстрекательство к незаконному побегу из страны;
- подстрекательство к незаконному переселению из одной территории в другую.

Целью законодателя была охрана границ государства от незаконных ее пересечений в обе стороны.

Необходимо отметить, что Уложение от 1885 года также устанавливает уголовную ответственность за составление поддельных паспортов и видов на жительство, а также уголовному наказанию подлежали должностные лица, выдававшие такие документы [9, с.252].

Начало XX века характерно для миграционной политики Российского государства появлением ряда послаблений, которые были обусловлены революционными волнениями того периода.

Свидетельством тому стал Закон от 6 июня 1904 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев», который отменял множество ограничений, законодательно введенных на протяжении практически двух столетий [13, 221].

Первая Мировая Война и Великая Октябрьская революция детерминировали рост миграционных потоков как внутри государства, так и за его пределы.

Данный период можно охарактеризовать отменой социальной стратификации, провозглашением принципа равенства всех граждан перед законом, универсализацией уголовных норм.

Далее начинается сильное ужесточение в сфере контроля государства над миграционными процессами. Устанавливается уголовно-правовой запрет на въезд и выезд в страну без установленного паспорта или без разрешения подлежащих властей. Запрет был установлен УК РСФСР, введенным в действие 1922 г. Данные преступления были отнесены к государственным и к контрреволюционным преступлениям одновременно.

Буквально через год Постановлением ВЦИК «Об изменениях и дополнениях УК РСФСР» от 10.07.1923 г. наказания за незаконную миграцию ужесточаются.

Новый УК РСФСР от 1926 г. устанавливает также уголовную ответственность не только за незаконную миграцию, но и за способствование пересечению границы государства без соответствующего разрешения государ-

ственных органов, исключив данное преступление из группы государственных преступлений и причислив его к преступлениям против порядка управления [1].

Однако через год преступления, связанные с незаконным пересечением государственной границы и способствующие его совершению, вновь приобретают статус государственных и контрреволюционных преступлений, чему способствовало Постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. [14, с.417].

Следующий этап развития миграционной политики приходится на период индустриализации и коллективизации. В 30–40 г. г. прошлого века усиленно растут темпы внутренней миграции, связанные с необходимостью привлечения специалистов к сферам строительства и промышленности.

Период Великой Отечественной Войны также внес свои коррективы в процессы миграции. Произошла массовая эвакуация оборонных предприятий на восток страны и депортация ряда народов СССР.

Окончание Великой Отечественной Войны также породило за собой движение определенных миграционных потоков:

- репатриация армян из Турции и Ближнего Востока на земли Армянской ССР;
- возвращение на родину из советских лагерей японских и германских военнопленных;
- возвращение советских граждан немецкой национальности в западную Германию.

Начинается также массовая внутренняя миграция, вызванная освоением целины, комсомольскими стройками и строительством БАМа.

УК РСФСР от 27 октября 1960 г. сохранил уголовную ответственность за незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР. Причем данные уголовные нормы не распространялись на иностранных граждан, которые въезжали в СССР без необходимых на то документов и разрешений с целью приобретения государственного убежища [6, с.125].

УК РФ 1996 г. в корне расширил перечень преступных деяний в сфере миграционных процессов, за которые

была предусмотрена уголовная ответственность. К таким деяниям теперь относились незаконное пересечение государственной границы (ст. 322 УК РФ), противоправное изменение государственной границы (ст. 323 УК РФ), организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или месту жительства в жилом помещении Российской Федерации или фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания или месту жительства в жилом помещении Российской Федерации (ст. 322.2 УК РФ), фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации УК РФ (ст.322.3 УК РФ) [4, с.112].

Таким образом, мы видим, что на протяжении развития уголовного законодательства, уголовно — правовая регламентация и контроль со стороны государств над миграционными процессами с годами только растут и усиливаются. Это можно объяснить ростом миграционных потоков в РФ.

Причем необходимо отметить, что подход к решению уголовно-правовых проблем в сфере миграционных процессов повторяет собой подход к этой проблеме, ранее продемонстрированный законодателем и нашедший свое проявление еще в дореволюционной России.

Во многом нынешнее уголовное законодательство в части регламентации данных видов преступлений повторяет уголовные Уложения 1845, 1885 и 1903 гг.

Иными словами, современное уголовное законодательство в части регулирования незаконной миграции представляет собой реализацию механизма, разработанного задолго до тех изменений, которые произошли в современной геополитике. Это говорит о своего рода цикличности в законодательной оценке характера и степени общественной опасности преступлений в сфере миграционных процессов, которую можно отметить через призму исторических изменений, отражающихся в современной законодательной сфере.

Литература:

1. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 г. /Под ред. И. Т. Голякова. — М.: 1953.
2. Указ Президент РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства РФ, 05.11.2018, № 45, ст. 6917.
3. «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1885 года- Режим доступа: URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845>
4. Андрюшенков В. А. Установление уголовной ответственности за организацию незаконной миграции // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий № 3 (27) 2018. С. 81.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Ростов-н/Д: 1995.
6. Герцензон А. А. Основные положения Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. (Научно-популярный очерк). — М.: Юридическая литература, 1961.
7. Зимин А. А. Правда Русская. — М.: Норма.1999.
8. Мартысевич И. Д. Соборное Уложение 1649 года //Советское государство и право. 1949. № 5.
9. Очерки истории государства и права России с древнейших времен до 1917 года: Учебное пособие / Под ред. И. А. Исаева. — М.: Юридическая литература, 1992.

10. Пашковская А. Б. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Государство и право. 1995. № 11. С. 130.
11. Ремизова, М. Н. Рассказы из русской истории: нашествие монголов на Русь. — М.: 1901.
12. Рогов В. А. История государства и права России IX — начало XX веков. — М.: Юрист, 1995.
13. Российское законодательство XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова, Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. — М.: Наука, 1988.
14. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 г. / Под ред. И. Т. Голякова. — М.: 1953.
15. Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарий / Абрамович Г. В., Ивина Л. И., Маньков А. Г., Миронов Б. Н., и др. — Л.: 1987. Суслин Э. В. Правовое регулирование миграции и свободы передвижения в России в XIX–XX веках (историко-правовое исследование): дис....докт. юр. наук. — М.: 2006.
16. Фоменко Д. Д. Организация незаконной миграции в контексте российского, международного и зарубежного опыта криминализации: дис....канд. юр. наук. — Краснодар.: 2022.
17. Чебышев-Дмитриев А. П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. — М.: Статут, Классика права, 2004.

Виды и процедуры разрешения административных споров

Бондарь Елена Викторовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются основные виды административных споров и действующие процедуры их разрешения в Российской Федерации. Обосновывается, что классификация административных споров имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку именно от правильного определения вида спора зависят компетентный орган, обязательность досудебного порядка, сроки обращения, особенности доказывания и допустимый способ защиты. Рассматриваются внесудебные и судебные процедуры, анализируются специальные правила для налоговых и контрольно-надзорных споров, а также особенности рассмотрения дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости. Делается вывод о том, что современная модель разрешения административных споров носит многоуровневый характер и требует согласования общих процессуальных гарантий с отраслевыми административными процедурами.

Ключевые слова: административный спор, виды административных споров, административное обжалование, КАС РФ, досудебный порядок, кадастровая стоимость

Types and procedures for resolving administrative disputes

Bondar Yelena Viktorovna, master's student
Moscow University of Finance and Law

This article examines the main types of administrative disputes and the current procedures for their resolution in the Russian Federation. It argues that the classification of administrative disputes has not only theoretical but also practical value, since the competent authority, the mandatory nature of pre-trial review, time limits, standards of proof, and the proper remedy depend on the correct identification of the type of dispute. The paper analyses extra-judicial and judicial procedures, special rules applicable to tax and control-and-supervision disputes, and the procedural features of cases challenging cadastral valuation results. It is concluded that the contemporary model of resolving administrative disputes is multi-level in nature and requires coordination between general procedural guarantees and sector-specific administrative procedures.

Keywords: administrative dispute, types of administrative disputes, administrative appeal, Code of Administrative Procedure, pre-trial procedure, cadastral value

Введение

Современное развитие публичного управления сопровождается устойчивым ростом числа ситуаций, в которых гражданин или организация вынуждены оспаривать действия, решения либо бездействие субъекта, наделенного

публичными полномочиями. Такие ситуации охватывают налоговые, регистрационные, миграционные, земельные, социальные, контрольно-надзорные и иные отношения, в которых государство выступает не как равный участник частноправового оборота, а как носитель властной компетенции. Именно поэтому административный спор нельзя

сводить к разновидности гражданско-правового конфликта. Он имеет самостоятельную публично-правовую природу и разрешается с учетом особых процессуальных гарантий.

Постановка вопроса о видах административных споров и процедурах их разрешения имеет непосредственное прикладное значение. Неверная квалификация публично-правового разногласия способна привести к обращению в ненадлежащий орган, пропуску срока обжалования, несоблюдению обязательного досудебного порядка либо выбору неэффективного способа защиты. И напротив, правильное определение вида административного спора позволяет выстроить верный процессуальный маршрут: понять, требуется ли предварительное обращение в вышестоящий орган, подлежит ли спор рассмотрению по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации либо Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, какие доказательства являются ключевыми и в каком объеме суд вправе контролировать усмотрение публичной администрации.

В отечественной доктрине административный спор описывается как разногласие о субъективном публичном праве, публичной обязанности, компетенции либо законности административного акта, возникающее при участии субъекта публичной власти и разрешаемое в предусмотренной законом процедуре. При этом научная литература подчеркивает, что спор в сфере публичного управления всегда несет двойную нагрузку. С одной стороны, он служит восстановлению нарушенного права конкретного лица. С другой стороны, он обеспечивает поддержание режима законности в деятельности публичной администрации и тем самым влияет на качество государственного управления в целом.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы систематизировать основные виды административных споров и раскрыть логику действующих процедур их разрешения в современных условиях. Для достижения поставленной цели необходимо: во-первых, определить критерии классификации административных споров; во-вторых, показать различие между внесудебными и судебными процедурами; в-третьих, проанализировать специальные процедурные режимы для отдельных категорий споров; в-четвертых, выявить наиболее заметные проблемы правоприменения, возникающие при выборе и реализации соответствующей процедуры.

1. Критерии классификации административных споров

Проблема классификации административных споров не является исключительно теоретической. От того, по какому основанию выделяются отдельные категории дел, зависит последующее нормативное регулирование, формирование судебной практики и даже структура административно-процессуального законодательства. В современной литературе предлагается несколько основных

критериев систематизации: предмет спора, субъектный состав, характер оспариваемого акта или действия, вид требуемой защиты, наличие обязательного досудебного порядка и процессуальный режим рассмотрения.

По предмету административные споры целесообразно делить на споры об оспаривании нормативных правовых актов, споры об оспаривании ненормативных актов, решений, действий и бездействия органов власти, споры о взыскании обязательных платежей и санкций, споры о предоставлении публичных благ и услуг, споры о статусных правоотношениях и споры, связанные с реализацией контрольных и надзорных полномочий. Такое деление отражает материальную природу конфликта. Например, при оспаривании нормативного акта предметом контроля выступает соответствие правового регулирования актам более высокой юридической силы, тогда как при оспаривании индивидуального решения в центре внимания находится вопрос о том, насколько правомерно орган применил норму к конкретной жизненной ситуации.

По субъектному составу административные споры могут быть сведены к нескольким устойчивым моделям: «гражданин — публичный орган», «организация — публичный орган», «публичный орган — публичный орган», а также споры, в которых в защиту публичного интереса или прав иных лиц обращается прокурор либо иной уполномоченный субъект. На первый взгляд основным видом является спор частного лица с органом публичной власти. Однако не менее значимы и внутри-публичные конфликты, когда предметом разногласия становится компетенция, распределение обязанностей либо законность реализации публичного полномочия. Подобные дела особенно важны с точки зрения обеспечения принципа законности и разграничения полномочий в системе публичного управления.

По способу защиты административные споры можно разделить на дела о признании акта незаконным либо недействующим, дела об обязанности совершить определенные действия, дела о признании бездействия незаконным, дела о возложении обязанности устранить нарушение, а также дела о присуждении соответствующих платежей или компенсаций. Такой критерий имеет непосредственное процессуальное значение. Так, спор о признании бездействия незаконным и возложении обязанности рассмотреть заявление по существу требует одного набора доказательств, тогда как спор об установлении кадастровой стоимости в размере рыночной предполагает совершенно иную доказательственную модель, основанную на специальных знаниях и результатах оценки.

Наконец, существенным является деление административных споров на материальные и процедурные. Материальный спор связан с существованием либо отсутствием самого права, публичной обязанности или административного статуса. Процедурный спор возникает тогда, когда ключевое значение приобретает нарушение формы принятия решения: неполное исследование обстоятельств, отсутствие мотивировки, нарушение срока рас-

смотрения обращения, непредоставление лицу возможности представить доводы и доказательства. В реальной практике указанные элементы часто переплетаются. Тем не менее различение материальной и процедурной составляющих позволяет точнее определить пределы судебного контроля и понять, в чем именно выражается нарушение субъективного публичного права.

2. Виды административных споров в современной правоприменительной практике

Наиболее распространенной категорией административных споров остаются дела об оспаривании решений, действий и бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, наделенных отдельными публичными полномочиями. Эти споры охватывают широкий спектр ситуаций: отказ в предоставлении государственной услуги, отказ во внесении записи в государственный реестр, незаконное привлечение к публичной обязанности, нарушение сроков рассмотрения обращения, непринятие административного решения, а также принятие решения с нарушением порядка либо мотивировки. Именно в данной категории наиболее отчетливо проявляется классическая модель административного спора, при которой заявитель требует проверки законности властного поведения.

Значительную долю составляют налоговые споры. Их специфика связана не только с предметом обжалования, но и с обязательным административным порядком пересмотра решений налогового органа. Налоговый кодекс Российской Федерации закрепляет правило, согласно которому ненормативные акты налоговых органов, действия или бездействие их должностных лиц в предусмотренных случаях подлежат предварительному обжалованию в вышестоящий налоговый орган. В результате налоговый спор приобретает двухступенчатую структуру: административная стадия здесь не факультативна, а обязательна. Это влияет и на сроки, и на содержание доводов, и на объем материалов, которые впоследствии могут быть представлены в суд.

Отдельную и практически значимую категорию образуют споры в сфере государственного контроля (надзора). Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ сформировал особый порядок досудебного обжалования решений, действий (бездействия) контрольных органов и их должностных лиц. В литературе справедливо подчеркивается, что данная категория споров демонстрирует изменение роли внесудебных процедур: они перестают быть лишь предварительной формальностью и претендуют на самостоятельное значение как механизм оперативного исправления дефектов административной деятельности. При этом эффективность таких процедур зависит от того, насколько они действительно позволяют пересмотреть решение по существу.

Особое место занимают споры об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости. Их важ-

ность объясняется тем, что кадастровая стоимость влияет на налоговую базу, размер арендной платы, выкупную цену и иные имущественные последствия для собственников и иных правообладателей объектов недвижимости. После развития специального регулирования и обновления главы 25 КАС РФ данная категория споров окончательно закрепилась как самостоятельный вид публично-правовых дел. Здесь спор нередко возникает не только по поводу итоговой величины стоимости, но и по поводу действий бюджетного учреждения, порядка рассмотрения заявления и достаточности представленных доказательств.

Наряду с указанными категориями следует выделить споры в сфере миграционного регулирования, споры о социальных выплатах и пенсионном обеспечении, избирательные споры, а также дела, связанные с применением принудительных административных мер. Все они обладают собственными процессуальными особенностями, однако объединяются общим признаком: в центре конфликта находится проверка законности реализации публичного полномочия и восстановление нарушенного субъективного публичного права.

3. Внесудебные процедуры разрешения административных споров

Внесудебные процедуры разрешения административных споров включают несколько различных по юридической природе форм. К ним относятся: рассмотрение обращений граждан и организаций, административное обжалование в вышестоящий орган, специальные досудебные процедуры в отдельных отраслях, обращение к уполномоченным субъектам публичной защиты, а также ограниченно допустимые примирительные механизмы. Общим признаком таких процедур является отсутствие на данной стадии судебного рассмотрения. Вместе с тем это не означает их второстепенного характера. Во многих случаях именно внесудебная стадия позволяет восстановить право быстрее, дешевле и организационно проще, чем обращение в суд.

Общая рамка административного обращения закреплена Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Этот закон формирует базовые требования к срокам, порядку регистрации и рассмотрения обращений, обязанностям органа дать ответ, а также пределам рассмотрения жалобы по существу. Однако для полноценного разрешения административного спора общего закона недостаточно, поскольку он не всегда предусматривает развернутые гарантии доступа к материалам, участия в процедуре, представления дополнительных доказательств либо приостановления исполнения спорного решения. Поэтому в публично-правовой сфере большое значение приобретают специальные процедуры, которые строятся по более детальной модели.

Наиболее устойчивую конструкцию имеет административное обжалование в налоговой сфере. Здесь вышестоящий налоговый орган проверяет законность и обоснованность решения нижестоящего органа, а лицо обязано обратиться к этому механизму до судебного разбирательства. В теории такая модель оправдывается необходимостью профессиональной фильтрации спора и возможностью исправления ошибок внутри административной системы без немедленного обращения в суд. Однако результативность данной процедуры зависит от качества мотивировки жалобы, полноты представленных материалов и реальной независимости должностного лица, осуществляющего пересмотр.

Сходная логика действует в сфере государственного контроля (надзора). Федеральный закон № 248-ФЗ закрепляет цифровизированный механизм подачи и рассмотрения жалоб контролируемых лиц. Современные исследования отмечают, что цифровая платформа досудебного обжалования действительно упрощает доступ к процедуре и делает сроки более предсказуемыми, но одновременно порождает риск технологического формализма, когда жалоба превращается в последовательность стандартизированных полей, а пространство для полноценного правового аргумента оказывается ограниченным. Кроме того, в случае технических сбоев либо недостаточной прозрачности электронного статуса жалобы заявитель может оказаться в менее защищенном положении, чем при традиционной бумажной процедуре.

Внесудебная защита реализуется и через институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Хотя обращения к омбудсмену не заменяют судебную защиту и не всегда ведут к формальному пересмотру административного решения, они выполняют важную корректирующую и медиативную функцию, особенно в тех случаях, когда нарушение права носит системный характер либо связано с уязвимым положением заявителя. В то же время классические примирительные механизмы в административных спорах допустимы лишь в ограниченном объеме, поскольку субъект публичной власти не вправе свободно распоряжаться своей компетенцией. Поэтому медиация и переговорные практики применимы здесь лишь постольку, поскольку они не выходят за пределы закона и не подменяют требование к органу действовать строго в установленной компетенции.

В целом внесудебная процедура может считаться эффективной лишь при наличии нескольких условий: понятной компетенции органа, разумного срока, реальной возможности представить дополнительные доводы, обязанности органа дать мотивированный ответ и существования механизма фактического пересмотра спорного решения. Если же административное обжалование превращается в формальное подтверждение позиции нижестоящего органа, оно утрачивает самостоятельную правозащитную ценность и начинает выполнять лишь фильтрующую функцию перед обращением в суд.

4. Судебные процедуры разрешения административных споров

Судебное разрешение административных споров представляет собой центральную гарантию защиты субъективных публичных прав. Именно суд обеспечивает независимую проверку действий и решений публичной администрации, оценивает соблюдение процедуры, мотивировки, целей полномочия и принципа соразмерности. В Российской Федерации судебный порядок разрешения административных споров реализуется прежде всего по правилам КАС РФ, а в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности — по правилам АПК РФ.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации закрепляет процессуальную модель, рассчитанную на компенсацию фактического неравенства между гражданином либо организацией и носителем публичной власти. Эта компенсация проявляется в активной роли суда, возможности истребования доказательств по инициативе суда, а также в особом распределении бремени доказывания. Орган, принявший оспариваемое решение, обязан доказать его законность, тогда как заявитель должен указать, какое право нарушено и каким образом оспариваемый акт затрагивает его правовую сферу. Подобная конструкция выражает идею подотчетности публичной администрации и отличает административное судопроизводство от классического частноправового спора между равными субъектами.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации применяется к административным и иным публичным спорам, связанным с предпринимательской и иной экономической деятельностью. Такая двойственность процессуальных режимов традиционно рассматривается как одна из особенностей российской модели административной юстиции. С одной стороны, наличие специальных правил в арбитражном процессе позволяет учитывать специфику экономических споров с участием публичной администрации. С другой стороны, именно разграничение компетенции между КАС РФ и АПК РФ нередко порождает сложности правоприменения, особенно в тех случаях, когда публично-правовой спор имеет одновременно имущественные и управленческие последствия.

Показательной категорией судебных административных дел являются споры об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости. По данным официальной судебной статистики, в 2024 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 12 245 дел данной категории, причем значительная часть требований была удовлетворена. Эти показатели свидетельствуют о практической востребованности судебной защиты в сфере кадастровой оценки. Одновременно они показывают, что административный спор может иметь существенные финансовые последствия и потому требует особенно высокого стандарта мотивировки, качества доказательств и единообразия судебной практики.

В современной судебной модели существенное значение имеют и специальные сокращенные сроки для отдельных категорий публично-правовых дел, письменные формы рассмотрения, электронный документооборот, а также инструменты дистанционного участия в процессе. С одной стороны, эти механизмы способствуют процессуальной экономии и делают доступ к суду организационно более простым. С другой стороны, их использование не должно снижать уровень гарантий для заявителя. Переход к электронным способам взаимодействия допустим лишь при условии, что он не препятствует полноценному представлению доказательств, ознакомлению с материалами дела и реализации права на участие в судебном разбирательстве.

Следовательно, судебная процедура в административных спорах представляет собой не только способ индивидуальной защиты права, но и важнейший механизм формирования стандартов законного поведения публичной администрации. Каждое мотивированное судебное решение по публично-правовому делу воздействует не только на конкретных участников спора, но и на последующую административную практику, побуждая органы власти корректировать типовые ошибки и совершенствовать внутренние регламенты.

5. Проблемы выбора процедуры и направления совершенствования

Современная практика показывает, что ключевая проблема состоит не столько в отсутствии процедур разрешения административных споров, сколько в их фрагментарности и неодинаковой эффективности. Законодательство предусматривает широкий набор внесудебных и судебных механизмов, однако заявителю нередко трудно определить, какая именно процедура применима в конкретном случае, обязательен ли предварительный административный порядок, какие сроки обращения подлежат применению и в какой процессуальной форме должен быть заявлен спор. Такая ситуация особенно заметна на стыке разных отраслей — например, в спорах, где экономические последствия публичного решения сочетаются с проверкой его законности.

Не менее существенной проблемой является различие между формальной и реальной эффективностью внесудебного порядка. С точки зрения закона административное обжалование может быть детально урегулировано, однако на практике оно нередко сводится к повторению аргументации органа, принявшего оспариваемый акт. В результате обязательная досудебная стадия воспринимается заявителем как дополнительное препятствие перед обращением в суд. Между тем усиление качества административного пересмотра выгодно не только частному лицу, но и самой публичной администрации, поскольку позволяет устранять ошибки без судебных издержек и снижать общий конфликтный потенциал в сфере публичного управления.

Цифровизация процедур также обладает двойственным эффектом. С одной стороны, она упрощает подачу жалоб

и заявлений, делает сроки более прозрачными, облегчает отслеживание движения дела. С другой стороны, цифровая среда создает риск технологического формализма, когда правовая аргументация оказывается подчиненной интерфейсу системы, а технический сбой либо неполнота электронного статуса затрудняют доступ к эффективному средству защиты. В связи с этим дальнейшее развитие цифровых административных и судебных процедур должно сопровождаться закреплением гарантий для заявителя: права на подтверждение подачи обращения, права на доступ к цифровому досье, права на получение понятного мотивированного ответа и права на восстановление срока в случае доказанного технического сбоя.

Наконец, актуальной остается проблема исполнения итоговых решений по административным спорам. Признание акта незаконным либо возложение обязанности совершить определенные действия не всегда автоматически приводит к фактическому восстановлению нарушенного права. Поэтому при совершенствовании процедур необходимо уделять внимание не только стадиям рассмотрения спора, но и стадиям реального исполнения судебных и внесудебных решений. Иначе правозащитная функция административной юстиции будет реализована лишь частично.

Таким образом, основными направлениями совершенствования процедур разрешения административных споров выступают: повышение прозрачности критериев выбора процессуального маршрута, укрепление мотивационной обязанности органов при административном пересмотре, развитие цифровых гарантий заявителя и обеспечение действенных механизмов исполнения итоговых решений. Именно сочетание указанных мер способно повысить реальную, а не только формальную эффективность существующей модели.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что виды административных споров и процедуры их разрешения образуют сложную, но внутренне связанную систему. Административный спор является самостоятельной разновидностью публично-правового конфликта, а его классификация по предмету, субъектному составу, способу защиты и процессуальному маршруту имеет непосредственное практическое значение. От правильного определения вида спора зависит выбор компетентного органа, необходимость соблюдения досудебного порядка, набор доказательств и пределы судебного контроля.

Внесудебные процедуры выполняют важную правозащитную и организационную функцию, однако их эффективность определяется не формальным наличием, а качеством процессуальных гарантий, доступностью процедуры и реальной возможностью пересмотра ошибочного решения. Судебные процедуры, в свою очередь, остаются основным гарантом независимой проверки законности действий публичной администрации и формирования единообразных стандартов правоприменения.

В современных условиях дальнейшее совершенствование системы разрешения административных споров должно быть связано с устранением фрагментарности регулиро-

вания, усилением мотивационной обязанности органов власти, развитием цифровых гарантий и обеспечением действенного исполнения итоговых решений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке».
8. Кулюшин Е. Н. Суд первой инстанции как субъект административного судопроизводства: монография. М.: Статут, 2023.
9. Лифанов Д. М. Административно-правовой спор и тенденции его трансформации в современных условиях // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6.
10. Носенко А. В. Обжалование в механизме урегулирования административных споров при осуществлении государственного контроля (надзора) // Административное право и процесс. 2026. № 1.
11. Порываев С. А. К вопросу о понимании и систематизации административных споров в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 1.
12. Стахов А. И. Административные споры как ориентир в систематизации административно-процессуального законодательства Российской Федерации // Административное право и процесс. 2026. № 2.
13. Ярков В. В., Малюшин К. А. (ред.) Административное судопроизводство: практикум. М.: Статут, 2016.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2026), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.03.2026.
15. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики за 2024 год.

Правовой и процессуальный порядок разрешения административных споров в современных реалиях

Бондарь Елена Викторовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье раскрываются нормативные и процессуальные основы разрешения административных споров в современных реалиях. Показано, что действующий порядок носит многоуровневый характер и включает конституционные гарантии, общие и специальные процессуальные кодексы, а также обязательные и факультативные внесудебные процедуры. Особое внимание уделяется соотношению административного и судебного обжалования, составу участников спора, распределению бремени доказывания, цифровизации административных и судебных процедур и проблемам исполнения итоговых решений. Обосновывается, что эффективность разрешения административных споров зависит не только от наличия процедур, но и от реальности их правозащитного содержания.

Ключевые слова: правовой порядок, процессуальный порядок, административный спор, судебное обжалование, административное обжалование, цифровизация

The Legal and Procedural Framework for Resolving Administrative Disputes in Contemporary Practice

Bondar Yelena Viktorovna, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article explores the normative and procedural foundations of resolving administrative disputes in contemporary practice. It demonstrates that the current framework is multi-level in nature and comprises constitutional guarantees, general and special procedural codes, as well as mandatory and optional extra-judicial mechanisms. Particular attention is paid to the relationship

between administrative and judicial review, the composition of participants in the dispute, the allocation of the burden of proof, the digitalisation of administrative and judicial procedures, and the problems of enforcing final decisions. The paper argues that the effectiveness of administrative dispute resolution depends not only on the existence of procedures but also on their genuine protective capacity.

Keywords: legal framework, procedural framework, administrative dispute, judicial review, administrative appeal, digitalisation

Введение

Вопрос о правовом и процессуальном порядке разрешения административных споров в современных реалиях приобрел особую значимость в связи с усложнением административных процедур, цифровизацией взаимодействия граждан и организаций с государством, развитием обязательных досудебных форм обжалования и ростом требований к мотивированности публичных решений. Сегодня административный спор выступает не только как средство индивидуальной защиты нарушенного публичного права, но и как форма институционального контроля за качеством деятельности публичной администрации.

Современная модель разрешения административных споров в России не сосредоточена в одном нормативном акте. Она формируется на основе Конституции Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, специальных федеральных законов, регулирующих досудебные процедуры, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Следовательно, исследование правового и процессуального порядка требует междотраслевого подхода, позволяющего увидеть не только отдельные стадии рассмотрения спора, но и логику их взаимосвязи.

Цель статьи состоит в комплексном анализе правового и процессуального порядка разрешения административных споров в современных условиях. Для достижения данной цели необходимо рассмотреть нормативную основу соответствующего порядка, охарактеризовать его субъектный состав, исследовать особенности внесудебного и судебного обжалования, а также выделить те современные факторы, которые влияют на эффективность защиты: цифровизацию, стандарты доказывания, исполнение итоговых решений и наличие специальных процедур по отдельным категориям дел.

1. Нормативная основа правового порядка разрешения административных споров

Правовой порядок разрешения административных споров строится на нескольких уровнях нормативного регулирования. На конституционном уровне ключевое значение имеют статьи 18, 33, 45, 46, 118 и 123 Конституции Российской Федерации. Они закрепляют право на обращение, право на судебную защиту, обязанность государства обеспечивать соблюдение прав и свобод, а также основы осуществления правосудия. Именно

эти положения задают общий стандарт: любое решение публичной администрации, затрагивающее права лица, должно быть проверяемым и подлежать эффективному оспариванию.

Центральное место в системе судебного разрешения административных споров занимает Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Этот акт определяет круг административных дел, принципы процесса, права и обязанности участников, правила доказывания и полномочия суда при рассмотрении публично-правовых конфликтов. КАС РФ закрепил самостоятельную процессуальную форму для дел, ранее в значительной мере рассматривавшихся по правилам гражданского судопроизводства, и тем самым усилил специфику защиты субъективных публичных прав.

Одновременно необходимо учитывать Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, поскольку часть административных и иных публичных споров, связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью, рассматривается арбитражными судами. В результате российская модель административной юстиции отличается двойственностью процессуальных режимов. Это позволяет учитывать специфику экономических споров, но одновременно порождает проблему разграничения процессуальной формы. Практика показывает, что именно вопрос о том, следует ли применять нормы КАС РФ либо АПК РФ, нередко становится исходной процессуальной проблемой по делу.

Важную роль играют и специальные федеральные законы, регулирующие обязательные досудебные процедуры. Так, статья 138 Налогового кодекса Российской Федерации устанавливает правила административного обжалования актов налоговых органов и действий их должностных лиц. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ закрепляет механизм досудебного обжалования решений контрольных (надзорных) органов. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ формирует общую рамку рассмотрения обращений граждан. Наконец, Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ и глава 25 КАС РФ определяют особенности разрешения споров, связанных с кадастровой стоимостью.

Следовательно, правовой порядок разрешения административных споров представляет собой не единичную норму, а комплекс взаимосвязанных правил, распределенных между конституционным, процессуальным и специальным отраслевым регулированием. Его специфика заключается в сочетании общих гарантий и специальных процедур, рассчитанных на отдельные категории публично-правовых конфликтов.

2. Процессуальная структура и участники административного спора

Процессуальный порядок разрешения административного спора начинается с определения его субъектного состава и правильного выбора процессуальной формы. В делах, рассматриваемых по правилам КАС РФ, основными сторонами выступают административный истец и административный ответчик. В арбитражном процессе по делам публично-правового характера используются понятия «заявитель» и «заинтересованное лицо», однако функционально речь идет о тех же сторонах конфликта: одна из них требует проверки законности публичного решения, а другая обязана подтвердить его правомерность.

Особенностью административного процесса является то, что процессуальное равноправие сторон не устраняет их материального неравенства. Орган публичной власти располагает административным досье, внутренними регламентами, кадровыми и информационными ресурсами, тогда как заявитель чаще всего лишь реагирует на уже принятое решение. В связи с этим процессуальный закон строится таким образом, чтобы компенсировать указанную асимметрию. Наиболее ярко это проявляется в правилах распределения бремени доказывания: орган, принявший акт или совершивший действие, обязан доказать их законность, а заявитель — указать, какое право нарушено и каким образом.

Существенное значение имеет участие прокурора. Его роль не сводится к абстрактному надзору: прокурор вправе обращаться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, а также интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в случаях, прямо предусмотренных законом. В административных спорах участие прокурора особенно важно в тех ситуациях, когда нарушение выходит за пределы индивидуального интереса и затрагивает режим законности в публичном управлении.

Наряду со сторонами и прокурором в административных делах участвуют представители, заинтересованные лица, эксперты, специалисты и свидетели. Во многих категориях споров именно специальные знания определяют исход дела. Это особенно заметно в делах об оспаривании кадастровой стоимости, где ключевое значение имеют отчет об оценке, характеристики объекта, выводы специалистов и допустимость экспертного заключения. Таким образом, процессуальный порядок административного спора охватывает не только формальную подачу заявления и вынесение решения, но и сложную систему доказательственных, организационных и правозащитных механизмов.

3. Внесудебный порядок разрешения административных споров

Современный процессуальный порядок разрешения административных споров в значительной степени стро-

ится на сочетании внесудебных и судебных стадий. Внесудебный порядок включает общие обращения, административное обжалование, ведомственный пересмотр, специальные цифровые процедуры, а также обращение к уполномоченным правозащитным институтам. Его значение состоит не только в снижении нагрузки на суды, но и в том, чтобы предоставить органу власти возможность самостоятельно исправить допущенную ошибку.

Вместе с тем досудебная стадия имеет разную юридическую силу. В одних случаях она носит факультативный характер: заявитель вправе попытаться урегулировать спор внутри административной системы, но может и непосредственно обратиться в суд. В других случаях досудебный порядок является обязательным. Такова ситуация в налоговой сфере, где административное обжалование выступает необходимой предпосылкой последующего судебного разбирательства. Сходный подход применяется и в сфере государственного контроля (надзора), где закон предусматривает обязательное предварительное обжалование решений контрольных органов через специальную систему.

Эффективность внесудебного порядка зависит от нескольких факторов. Во-первых, орган, рассматривающий жалобу, должен обладать реальной возможностью пересмотра спорного акта, а не только функцией формального подтверждения решения нижестоящего органа. Во-вторых, заявителю должна быть обеспечена возможность представить дополнительные доводы и документы, а также получить мотивированный ответ в разумный срок. В-третьих, существенное значение имеет доступность процедуры в электронной форме без утраты содержания права на защиту.

На современном этапе особого внимания заслуживает цифровизация досудебного обжалования. Электронные платформы облегчают подачу жалоб, позволяют отслеживать сроки и движение обращения, сокращают издержки на взаимодействие с органом. Однако цифровая среда создает и новые риски: зависимость от технической инфраструктуры, ограниченность интерфейса для сложной правовой аргументации, возможность формального отказа без надлежащего объяснения. Поэтому правовая оценка современного внесудебного порядка должна учитывать не только его формальную доступность, но и качество процедурных гарантий, обеспечиваемых в электронной форме.

Особой разновидностью внесудебной защиты выступает обращение к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. Хотя подобное обращение не заменяет административный или судебный пересмотр, оно имеет важное значение в случаях, когда нарушение права связано с системными недостатками деятельности органа власти, затрагивает уязвимые категории лиц либо требует дополнительного публичного внимания. Тем самым современный внесудебный порядок представляет собой разветвленную систему, в которой сочетаются классические административные средства защиты и новые цифровые формы взаимодействия.

4. Судебный порядок и стандарты процессуальной защиты

Судебное разрешение административных споров является центральной гарантией защиты субъективных публичных прав. Именно суд обеспечивает независимую оценку законности решения, действия или бездействия публичной администрации, а также проверяет соблюдение процедуры, мотивировки и целей полномочия. Современный процессуальный порядок в этой части строится на сочетании состязательности и активной роли суда.

Специфика административного судопроизводства состоит в том, что суд не ограничивается пассивной оценкой представленных сторонами материалов. Он вправе истребовать доказательства, задавать вопросы о компетенции органа, выяснять полноту административного производства, проверять, были ли исследованы относимые обстоятельства и не скрывается ли за формально законным решением произвольное усмотрение. Такая модель оправдана публично-правовой природой спора, поскольку фактическое неравенство сторон требует дополнительных гарантий для заявителя.

Особую роль играют пределы судебного контроля. Суд не должен подменять публичную администрацию и принимать управленческое решение вместо нее, если закон относит данный вопрос к сфере административного усмотрения. Однако это не означает ограниченности судебной защиты. Суд обязан проверить, действовал ли орган в пределах компетенции, соблюдены ли обязательные процедуры, учтены ли все юридически значимые обстоятельства, не нарушены ли принципы равенства, разумности и соразмерности. Таким образом, судебный контроль в административных делах направлен не только на формальное сопоставление акта с текстом нормы, но и на содержательную проверку законности публичного решения.

Современный судебный порядок тесно связан с вопросом исполнения итогового решения. В административном споре недостаточно признать акт незаконным; необходимо добиться реального восстановления нарушенного права: обязать орган повторно рассмотреть заявление, внести сведения в реестр, произвести выплату, устранить препятствие, изменить правовой статус либо установить кадастровую стоимость в надлежащем размере. Проблемы исполнения судебных актов по административным делам показывают, что процессуальная защита не исчерпывается стадией вынесения решения.

Судебная статистика подтверждает устойчиво высокий уровень нагрузки по публично-правовым делам. По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 году судами общей юрисдикции было рассмотрено 4 702 406 административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений; при этом 12 245 дел составили споры об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости. Эти цифры демонстрируют, что судебная защита в административной сфере

имеет массовый характер и требует постоянного совершенствования процессуальной организации.

5. Современные реалии: цифровизация, специальные категории дел и проблемы эффективности

Современные реалии разрешения административных споров определяются прежде всего цифровизацией публичного управления. Сегодня значительная часть взаимодействия гражданина и организации с государством осуществляется через электронные сервисы. Административные решения принимаются и доводятся до сведения заявителя в цифровой форме, жалобы подаются через платформенные механизмы, судебные документы направляются посредством электронных кабинетов и информационных систем. Это объективно меняет и правовую, и процессуальную картину защиты.

Цифровизация предоставляет очевидные преимущества: ускорение документооборота, снижение издержек, более четкий контроль сроков, упрощение доступа к процедуре для заявителя, проживающего вне места нахождения органа или суда. Вместе с тем она не должна превращать административную защиту в технологический конвейер. Для административного спора принципиально важно, чтобы лицо могло представить полноценную правовую позицию, приложить доказательства, понять мотивы отказа и получить проверяемое подтверждение подачи обращения. Поэтому в современных условиях процессуальный порядок должен включать цифровые гарантии: прозрачный статус обращения, доступ к электронному досье, возможность восстановления срока при доказанном техническом сбое, а также понятный и мотивированный ответ.

Отдельного внимания заслуживают специальные категории дел, в которых современные реалии особенно отчетливо проявляются. К таким делам относятся споры, связанные с кадастровой стоимостью, государственным контролем, налоговым администрированием, регистрацией прав, социальными выплатами и миграционным регулированием. Например, в спорах о кадастровой стоимости цифровизация затрагивает как сбор данных для оценки, так и доступ к сведениям об объекте недвижимости, взаимодействие с бюджетным учреждением и представление доказательств в суде.

Несмотря на развитие процедур, сохраняются и системные проблемы. К ним относятся фрагментарность регулирования, сложность выбора процессуальной формы, неодинаковая эффективность обязательных досудебных стадий, формальный характер отдельных цифровых процедур, а также трудности исполнения решений. Следовательно, дальнейшее совершенствование правового и процессуального порядка должно быть направлено на согласование общих принципов административной юстиции с отраслевыми особенностями конкретных категорий споров.

Таким образом, современные реалии не отменяют базовых целей административной защиты, но требуют их нового процессуального воплощения. Эффективный порядок разрешения административного спора сегодня должен быть одновременно законным, технологически доступным, доказательно обоснованным и ориентированным на фактическое восстановление нарушенного права.

Заключение

Правовой и процессуальный порядок разрешения административных споров в современных реалиях представляет собой сложную многоуровневую систему, соединяющую конституционные гарантии, общие и специальные процессуальные нормы, обязательные и факультативные внесудебные процедуры, а также судебные механизмы контроля за законностью деятельности публичной администрации. Его эффективность зависит не только от наличия нормативно закрепленного маршрута обжалования, но и от качества реальных процессуальных гарантий на каждой стадии.

Современный административный спор требует особого подхода к распределению бремени доказывания, к оценке мотивированности решений, к цифровым формам взаимодействия и к исполнению итоговых решений. Именно поэтому совершенствование соответствующего порядка должно быть связано с дальнейшей унификацией процедурных стандартов, укреплением мотивационной обязанности органов власти, развитием цифровых гарантий для заявителя и устранением разрыва между формальным решением спора и фактическим восстановлением нарушенного права.

Наконец, правовой и процессуальный порядок разрешения административных споров должен оцениваться через категорию реальной исполнимости. Для заявителя конечной целью является не само по себе признание акта незаконным, а фактическое получение результата: выдача документа, включение в реестр, перерасчет платежа, предоставление информации, назначение выплаты, повторное рассмотрение вопроса с учетом указаний суда. Поэтому процедура не может считаться завершенной в момент вынесения решения. Она должна завершаться в момент реального устранения нарушения. В современных условиях это требует как эффективных механизмов понуждения органов власти к исполнению, так и более четкой внутренней административной организации, при которой судебный акт быстро переводится в стадию практической реализации. Только при таком подходе административная юстиция действительно выполняет свою правозащитную функцию.

Особое внимание должно быть уделено проблеме доказательств, сформированных в цифровой среде. Современные административные процедуры все чаще порождают электронные документы, автоматические уведомления, протоколы информационных систем, машино-

читаемые записи реестров и иные цифровые следы. Для эффективного разрешения административного спора необходимо, чтобы такие данные были доступны заявителю, сохранялись в неизменном виде и могли быть проверены судом. Иначе цифровизация превращается не в средство упрощения, а в дополнительный барьер: лицо видит лишь результат, но не имеет доступа к той цифровой логике, которая привела к принятию решения. Поэтому современный процессуальный порядок должен включать гарантии идентификации источника цифрового доказательства, гарантии неизменности данных, возможности их выгрузки и проверки, а также правила оценки технических сбоев как уважительной причины процессуальных нарушений.

Еще одним значимым элементом является стандарт административной мотивировки. В современных реалиях качество решения публичного органа все чаще оценивается не только по итоговому выводу, но и по тому, насколько прозрачно изложены основания решения, какие доводы заявителя исследованы, какие доказательства признаны убедительными и почему отклонены иные материалы. Такая тенденция соответствует общему движению от формального административного акта к акту, который может быть полноценно проверен на стадии досудебного или судебного обжалования. Чем выше требования к мотивировке, тем эффективнее как административный пересмотр, так и последующий судебный контроль, поскольку спор смещается из плоскости предположений в плоскость проверяемых юридических аргументов. Следовательно, развитие правового и процессуального порядка должно сопровождаться закреплением минимального стандарта мотивированного административного решения, пригодного для последующей верификации.

Практическая ценность современного процессуального порядка определяется также тем, насколько быстро заявитель может понять собственное процессуальное положение. В административной сфере это особенно важно, поскольку спор часто возникает в связи с отказом в услуге, решением по проверке, начислением обязательного платежа или бездействием органа в социально значимом вопросе. Для лица, не обладающего специальной юридической подготовкой, различие между обращением, жалобой, административным иском, заявлением в арбитражный суд и специальной отраслевой процедурой нередко выглядит неочевидным. Поэтому качественный правовой порядок предполагает не только наличие формальных норм, но и обязанность государства обеспечить понятную навигацию по этим нормам. Такая навигация должна включать разъяснение порядка и срока обжалования в самом административном решении, указание на обязательность либо факультативность досудебной стадии, а также описание последствий пропуска срока и способов его восстановления. Отсутствие подобных разъяснений заметно снижает фактическую доступность права на защиту, даже если процессуальная модель в целом выглядит развитой.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке».
8. Зеленцов А. Б. Судебный административный процесс: учебник. М.: Норма, 2017.
9. Кулюшин Е. Н. Суд первой инстанции как субъект административного судопроизводства: монография. М.: Статут, 2023.
10. Лифанов Д. М. Административно-правовой спор и тенденции его трансформации в современных условиях // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6.
11. Носенко А. В. Обжалование в механизме урегулирования административных споров при осуществлении государственного контроля (надзора) // Административное право и процесс. 2026. № 1.
12. Порываев С. А. К вопросу о понимании и систематизации административных споров в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 1.
13. Стахов А. И. Административные споры как ориентир в систематизации административно-процессуального законодательства Российской Федерации // Административное право и процесс. 2026. № 2.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2026), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.03.2026.
15. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики за 2024 год.

Особенности производства следственного эксперимента

Бочкарева София Геннадьевна, студент;

Гатауллина Милена Сергеевна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты производства следственного эксперимента как самостоятельного следственного действия. Авторами обобщаются подходы к оценке условий проведения эксперимента, а также формулируются направления совершенствования правового регулирования и тактического обеспечения данного следственного действия. Выделяются возникающие при производстве проблемы, обусловленные его особенностями.

Ключевые слова: следственный эксперимент, условия, производство, следственные действия, проблемы.

Следственный эксперимент является одним из важных следственных действий, закреплённых в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Однако его производству посвящена одна статья, которая устанавливает цели его проведения и условия проведения. В связи с этим, актуальным является рассмотреть особенности его производства и проблемы, связанные с ним, чтобы установить процесс и необходимость проведения следственного эксперимента, его актуальность в настоящее время.

Согласно статье 181 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) следственный эксперимент проводится: «в целях проверки и уточнения данных, име-

ющих значение для уголовного дела», «путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определённого события», в процессе проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определённых действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов [2]. При этом не допускается его производство, когда создаётся опасность для здоровья лиц, участвующих в нем.

Данная норма является единственной, посвящённой производству данного следственного действия. Несмотря на то, что в УПК РФ имеются статьи, которые содержат

общий порядок производства всех следственных действий, особенности производства следственного эксперимента содержатся в рекомендациях и научной литературе.

Сущность следственного эксперимента состоит в воспроизведении обстановки, существовавшей при совершении преступления. А его цель — установление объективной возможности реализации действий обвиняемого в предполагаемых условиях, и выяснения последовательности их совершения.

Однако при производстве данного следственного действия выявляются особенности и проблемы. Главная особенность состоит в том, что следственный эксперимент необходимо проводить в обстановке, тождественной или максимально приближенной к той, в которой произошло исследуемое событие (действие, явление) [3, с. 654]. Ввиду того, что воссоздать абсолютно похожую ситуацию достаточно сложно, а иногда практически невозможно. На практике возникают проблемы, связанные с невозможностью полного воспроизведения исходной обстановки, из-за изменения погодных условий или полного изменения места совершения преступления (в связи со строительством, благоустройством территорий и т. д.), или субъективным фактором поведения участников.

Недостоверное воспроизведение обстановки чаще возникает в связи с изменениями окружающей среды, например, преступление было совершено весной во время дождя и тумана, а следственный эксперимент проводится летом (когда температура воздуха стала выше, почва высохла, а дождь не идет и нет тумана, а их моделирование не сможет в точности воспроизвести исходные условия), следовательно, изменение погодных условий меняет скорость и возможность совершения некоторых действий, а значит, правильно оценить действия обвиняемого, указанные при производстве данного следственного действия, не представляется возможным. Наиболее ярко эта проблема проявляется при расследовании ДТП: дорожная ситуация в момент аварии всегда уникальна, поскольку зависит от случайного сочетания множества факторов (погода, освещённость, сцепление шин с дорогой, температура). Большинство этих параметров либо невозможно восстановить точно, либо чрезвычайно трудно смоделировать. Помимо этого необходимо учитывать неразрывную взаимосвязь с изменением психологического восприятия обстановки обвиняемым.

Однако само проведение следственного эксперимента уже влияет на поведение его участников, так как данное действие часто воспринимается как «проверочное», участники не испытывают те же эмоции, которые были у них во время совершения преступления, осознавая присутствие посторонних людей в момент производства данного следственного действия. Р. С. Белкин в своих трудах отмечает, что «в каждом случае производства следственного эксперимента участвующие в нем лица будут иметь дело с новым событием, т. к. воспроизвести в полной достоверности поведение жертвы и преступника во время совершения преступления не представляется возможным» [5].

Следовательно, наибольшую сложность при производстве следственного эксперимента представляет воссоздание психологического состояния виновного, в котором он находился в момент преступления. По причине того, что эмоции, переживаемые преступником во время совершения уголовно наказуемого деяния, не поддаются сознательному контролю (особенно, если преступление совершено в состоянии аффекта), как и эмоции потерпевших и свидетелей. В результате чего участник эксперимента, оказавшись в непривычной для себя обстановке и переживая заново травматичный опыт, может испытывать стресс, проявляющийся в волнении, растерянности и других реакциях. Это способно сделать невозможным точное воспроизведение ранее совершённых действий.

В то же время, проблемой производства следственного эксперимента является отсутствие в действующем уголовно-процессуальном законодательстве детально описанной процедуры проведения следственного эксперимента — закон устанавливает лишь общие принципы, но не регламентирует конкретные шаги, условия и границы допустимых действий. С одной стороны, это даёт следователю необходимую тактическую свободу для адаптации к обстоятельствам дела. С другой стороны, именно отсутствие чёткого механизма его проведения порождает повышенные риски процессуальных ошибок: нарушение порядка фиксации хода и результатов эксперимента, смешение эксперимента со следственной проверкой показаний на месте, искажение условий проведения (несоответствие исходной обстановке), нарушение прав участников. Кроме того, в УПК РФ не предусмотрена возможность изъятия документов и предметов, обнаруженных при производстве этого следственного действия, однако на практике данные действия совершаются нередко. Подобные ошибки способны повлечь признание полученных данных недопустимым доказательством, а значит ставит под сомнение возможность их использования для обоснования выводов следствия и суда.

Следующей особенностью производства следственного эксперимента является его проведение в жилом помещении (если преступление было совершено в нем), не принадлежащем ни потерпевшему, ни обвиняемому. Проблемой является то, что в законодательстве не указано, как следует действовать, если собственник жилого помещения, в котором необходимо провести следственный эксперимент, не даёт своё согласие на его производство [4, с. 255]. Статья 25 Конституции РФ закрепляет принцип неприкосновенности жилища, согласно которому никто не вправе проникать в жилище против воли лиц, в нем проживающих, не иначе как в случаях, установленных законом [1]. В то же время, в ч. 2 ст. 29 УПК РФ следственный эксперимент не включён в перечень следственных действий, которые могут быть произведены в жилище лица против его воли, то есть согласно положениям данной статьи при отсутствии согласия проживающих в жилом помещении лиц суд может принять решение только о про-

изготовлении осмотра жилища, обыска или выемки в квартире. Следовательно, производство следственного эксперимента невозможно в жилище, собственник которого против осуществления данного следственного действия у него в квартире.

Для решения указанных проблем предлагается ввести в УПК РФ статьи, которые будут регламентировать порядок проведения следственного эксперимента, перечень и статус участвующих в нем лиц, перечень мест, в которых он может быть произведен, и выделение достаточных материальных и технических ресурсов, необходимых для его

качественного проведения. Наряду с тем, разработать методические пособия для следователей, которые будут содержать правила проведения данного следственного действия и оценки его результатов.

Таким образом, следственный эксперимент, являясь важным следственным действием, при производстве имеет проблемы, которые носят системный характер. Вследствие чего, их устранения требуется комплекс мер, как направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, так и на уровне повышения квалификации следователей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 15.04.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 08.03.2026). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=mnlmj0a59c405088843 (дата обращения: 15.04.2026).
3. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА•М), 2000. — 990 с.
4. Морозова Н. В., Лагуточкин А. В. Некоторые проблемные аспекты производства следственного эксперимента // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2023. — Т. 9 (75). № 4. — С. 254–258.
5. Тюегалиева А. Е. Следственный эксперимент: Особенности и проблемы производства // Вестник науки. — 2023. — № 10 (67). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sledstvennyy-eksperiment-osobennosti-i-problemy-proizvodstva> (дата обращения: 15.04.2026).

Институт свидетельского иммунитета в гражданском процессе

Волкова Таисия Михайловна, студент
Тульский государственный университет

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу института свидетельского иммунитета в гражданском процессе Российской Федерации, который рассматривает вопросы функционирования свидетельского иммунитета. Выбор темы исследования продиктован насущной потребностью в модернизации норм ГПК РФ, регламентирующих свидетельский иммунитет. Существующий перечень лиц, обладающих этим правом, не в полной мере отвечает современным реалиям и требует корректировки. Центральное место в работе занимает обоснование необходимости введения понятия «пределы свидетельского иммунитета» как инструмента, определяющего границы его действия в различных процессуальных ситуациях.

Ключевые слова: гражданский процесс Российской Федерации, свидетель, свидетельские показания, свидетельский иммунитет, пределы свидетельского иммунитета, доказывание, участники гражданского судопроизводства, гражданское судопроизводство, судебное разбирательство, суд.

Институт свидетельского иммунитета в российском праве выступает в известной степени исключением основополагающего принципа равенства прав и свобод граждан. Развитие данного института позволяет рассматривать его не только как субъективное право лица на освобождение от определенных юридических обязанностей, но и как регулятор, ограничивающий правомочия иных субъектов в отношении носителя данного статуса.

В рамках системы государственных правовых исключений иммунитеты занимают особое место, отличаясь от обычных льгот своей сложностью и дискуссионностью. Уникальность категории иммунитета обусловлена специфическим набором функций и целей, присущих исключительно данному виду правовых преимуществ. В гражданском судопроизводстве этот особый статус реализуется, в частности, через институт свидетельского иммунитета.

В рамках гражданского судопроизводства суд обязан подвергнуть тщательному анализу совокупность доказательств, сформированных сторонами спора. В таком случае говорится об одном из ключевых институтов гражданского процесса — институте доказывания, так как именно через исследование фактических данных реализуется принцип всесторонности рассмотрения дела, вынесения законного и обоснованного решения. Одним из видов средств доказывания, перечисленных в статье 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [2], являются свидетельские показания.

В современной правоприменительной практике свидетельские показания как вид доказательств довольно часто применяются в силу того, что выступают многофункциональным средством доказывания, которое характерно для любой категории гражданских дел. Несмотря на их применимость во всех видах гражданских процессов и реализацию через процедуру допроса, круг потенциальных свидетелей ограничен законом. Существуют определенные категории лиц, которые в силу процессуальных запретов или наличия иммунитета не могут сообщать суду необходимые сведения.

Процессуальное положение свидетеля в гражданском судопроизводстве включает в себя совокупность прав и обязанностей, среди которых ключевую роль играет институт иммунитета. Свидетельский иммунитет рассматривается как значимая материально-процессуальная привилегия, закрепленная в части 3 и 4 статьи 69 ГПК РФ. Данная норма наделяет субъектов правом на законный отказ от дачи показаний, что обусловлено необходимостью защиты приоритетных интересов: наличие близкого родства с участниками спора, либо специфика служебной деятельности свидетеля.

Истоки формирования института свидетельского иммунитета прослеживаются в трудах Е. В. Васьковского, который классифицировал категории лиц, чье участие в допросе исключалось. К ним относились субъекты с физическими или психическими недостатками, лица, неспособные адекватно транслировать информацию, а также лица, чья беспристрастность вызывала сомнения в силу родственных связей или сомнительной репутации. Эти доктринальные положения заложили фундамент для понимания иммунитета как правового исключения из общего правила получения свидетельских показаний [8].

В трактовке Н. Ю. Волосовой институт свидетельского иммунитета наделяется статусом важного социального регулятора. Его ценность обусловлена способностью обеспечивать комплексную защиту прав индивида, а также поддерживать баланс между частными интересами личности и публичными интересами общества и государства [9]. Свидетельский иммунитет в таком случае является своего рода привилегией и служит инструментом обеспечения фундаментальных и специальных потребностей как отдельного гражданина, так и общества в целом.

В современной науке принято выделять две формы реализации свидетельского иммунитета:

1) общий свидетельский иммунитет, выражающийся в конституционном праве гражданина не давать показания против самого себя, своего супруга, а также круга близких родственников;

2) особый или специальный свидетельский иммунитет, закрепленный за определенными субъектами, которые освобождаются от процессуальной обязанности свидетельствовать в силу специфики их должностного положения или профессиональной деятельности.

Институт свидетельского иммунитета остается одной из наименее разработанных категорий гражданского процессуального права: например, в ГПК РФ отсутствует нормативно закрепленное определение этого понятия, что создает правовую неопределенность. В связи с этим ключевым ориентиром для судебной практики выступает позиция высших судебных инстанций, согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [5] при рассмотрении гражданских и уголовных дел, а также дел об административных правонарушениях судам необходимо опираться на статью 51 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует освобождение от обязанности давать показания в отношении себя и членов своей семьи в рамках гражданских, уголовных и административных процессов [1].

Содержание статьи 69 ГПК РФ предусматривает развернутый перечень оснований для реализации свидетельского иммунитета, который не исчерпывается лишь конституционным правом — не давать показания против самого себя или круга близких родственников.

Обозначенный в норме процессуального кодекса перечень имеет некоторые упущения, в частности, отсутствуют такие лица, как сожители или гражданский супруг, гражданская супруга. Несмотря на широкую распространенность подобных союзов в современном обществе, российское право традиционно признает правовые последствия лишь за браком, зарегистрированным в органах ЗАГС, здесь речь идет только о праве выразить отказ относительно свидетельских показаний. Хотя в истории России был период, когда фактический брак приравнивался к официальным брачным отношениям: Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 года (утратил силу) определял, что лица вправе в любое время оформить свои отношения путем регистрации, с указанием срока фактической совместной жизни; более того это влекло за собой возникновение режима совместной собственности [3]. Позднее данные нормы были аннулированы, и лишь в 2018 году была предпринята очередная попытка возрождения института фактических брачных отношений в рамках проекта федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации», предлагавшая приравнивать фактические отношения к официальному браку при соблюдении определенных условий: длительного проживания (от двух до пяти лет), ведения общего хозяйства и наличие общих

детей. Однако инициатива не получила поддержки законодателя, что оставляет вопрос о праве сожителей на отказ от дачи показаний открытым [6].

Принимая во внимание изложенное, лица, состоящие в близких отношениях с одной из сторон процесса, могут быть рассмотрены в рамках общего понятия «близких лиц» для целей реализации свидетельского иммунитета. Основная цель данного правового механизма — снижение вероятности лжесвидетельства в гражданском процессе и устранение сомнений суда относительно добросовестности показаний лиц, прямо или косвенно заинтересованных в исходе дела. Таким образом, показания таких лиц подлежат особо тщательной оценке на предмет их достоверности и объективности.

Представляется целесообразным расширить перечень субъектов свидетельского иммунитета за счет включения в него психологов, чья профессиональная деятельность связана с получением конфиденциальных сведений, ставших ему известными в связи с выполнением своих непосредственных профессиональных функций. Актуальность данного предложения обусловлена возрастающей востребованностью психологических услуг и критической важностью сохранения профессиональной тайны. Этический кодекс психолога, разработанный Российским психологическим обществом, прямо устанавливает принцип конфиденциальности, в соответствии с которым запрещается преднамеренное или случайное разглашение информации, полученной в условиях доверия, за исключением заранее оговоренных условий [7]. Важно, что разработка положений настоящего кодекса осуществлялась в строгом соответствии с требованиями Конституции РФ, Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», Всеобщей декларации прав человека, а также довольно большого перечня международных и национальных актов, которые были использованы при составлении кодекса, при этом принципы конфиденциальности и сохранности профессиональной тайны рассматриваются не только как этические нормы, но и как правовые категории, реализуемые, в том числе, через механизмы свидетельского иммунитета специалиста.

Не подлежат допросу в качестве свидетелей представители по гражданскому делу или медиаторы, судебные примирители об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя или медиатора, судебного примирителя, причем последние субъекты были введены относительно недавно, что, несомненно, оправданно, ввиду того что разглашение сведений, связанных с примирением сторон конфликта, приведет к нарушению принципов конфиденциальности, беспристрастности и независимости. Характерно, что правовой режим тайны медиации, регламентированный статьей 3 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [4], где отмечается, что процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов

добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора, во многом схож с принципами психологической практики, что еще раз подчеркивает универсальную значимость института профессиональной тайны для всех сфер, где взаимодействие строится на принципах сотрудничества, добровольности и глубокого доверия между участниками.

Анализ пределов свидетельского иммунитета позволяет конкретизировать субъектный состав лиц, наделенных этим правом, а также разграничить случаи, когда отказ от дачи показаний является дискреционным правом, а когда — процессуальной обязанностью. Сложность проблемы усугубляется тем, что свидетель выступает ключевым источником информации, необходимой суду для установления фактических обстоятельств дела и формирования доказательственной базы. Иначе говоря, непосредственное восприятие обстоятельств дела свидетелем является ключевым квалифицирующим признаком и то, каким образом данное восприятие будет охарактеризовано в судебном процессе, напрямую зависит от границ свидетельского иммунитета. По этой причине возможно расхождение в субъективном восприятии этих границ между свидетелем и судом. Свидетельский иммунитет в гражданском судопроизводстве не может рассматриваться только как исключаящий фактор участия субъекта свидетельского иммунитета в рамках конкретного гражданского дела, где свидетель ничего не может сообщить суду либо может обозначить определенную информацию, которая, по его мнению, не затрагивает права и свободы его самого и других лиц, не нарушает взаимоотношение между ним и стороной процесса [11].

Свидетельский иммунитет представляет собой систему правовых ограничений, содержание которых варьируется от возможности отказа от свидетельствования до безусловного запрета на допрос, где важным критерием выступают, во-первых, отношения свидетеля со стороной процесса (обусловленное семейно-родственными связями со сторонами спора), которые порождают право отказаться от дачи показаний по гражданскому делу, во-вторых, особый статус свидетеля, который образует обязанность не давать ни при каких обстоятельствах свидетельские показания. Исходя из приведённого определения, целесообразно согласиться с классификацией свидетельского иммунитета, предлагаемой В. С. Ланиной, по следующим основаниям:

- 1) личный свидетельский иммунитет, когда свидетель имеет право не давать показаний против самого себя или своих близких родственников;
- 2) профессиональный свидетельский иммунитет, основанием которого выступает деятельность, дающая возможность отказаться от дачи показаний либо в принципе запрещающая свидетельствовать [10].

Предложенная классификация базируется на фундаментальных признаках свидетельского иммунитета, что обеспечивает её методологическую устойчивость. Даже

при возможной трансформации законодателем круга субъектов, наделенных правом либо обязанностью отказаться от дачи показаний, данная систематизация сохранит свою теоретическую и практическую актуальность.

В целях системного развития института свидетельского иммунитета необходимо легализовать его понятие

в гражданском процессуальном законодательстве и расширить перечень субъектов, обладающих правом на отказ от дачи показаний. Подобный подход позволит не только уточнить пределы реализации данного права в науке и практике, но и сбалансировать процессуальные возможности сторон, гарантируя защиту их законных интересов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 27.03.2026)
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> (дата обращения: 27.03.2026)
3. Кодекс законов о браке, семье и опеке (утвержденный постановлением ВЦИК РСФСР от 19 ноября 1926 года) URL: <https://base.garant.ru/71270856/> (дата обращения: 27.03.2026) (утратил силу)
4. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140445> (дата обращения: 27.03.2026)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8342/> (дата обращения: 27.03.2026)
6. Досье на проект федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (по вопросу о статусе фактических брачных отношений) (внесен 22.01.2018 года членов СФ А. В. Беляковым), снят с рассмотрения URL: <https://base.garant.ru/71860660/> (дата обращения: 27.03.2026)
7. Этический кодекс российского психологического общества URL: https://donschool150.gosuslugi.ru/netcat_files/33/44/Eticheskij_kodex_psihologa.pdf (дата обращения: 27.03.2026)
8. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса: учебник для вузов/ Е. В. Васьковский. — Москва: Юрайт, 2016. — 457 с. URL: <https://urait.ru/bcode/386275> (дата обращения: 27.03.2026)
9. Волосова Н. Ю. Понятие и правовая сущность свидетельского иммунитета // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 3 (97). С. 48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14795965> (дата обращения: 27.03.2026)
10. Ланина, В. С. Функционирование института свидетельского иммунитета в гражданском процессе / В. С. Ланина // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. — 2024. — № 1(53). — С. 80–88. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65623458> (дата обращения: 27.03.2026)
11. Ряполова, Я. П. Совершенствование института свидетельского иммунитета: актуальные проблемы и перспективы / Я. П. Ряполова, К. Г. Балашов, А. В. Выходцева // Современное общество и право. — 2024. — № 5(72). — С. 99–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=76064244> (дата обращения: 27.03.2026)

Актуальные проблемы квалификации нецелевого использования бюджетных средств

Гавриш Арина Евгеньевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы квалификации нецелевого использования бюджетных средств в современной российской правоприменительной практике. На основе анализа статистики контрольных органов и актуальных решений Верховного Суда РФ за 2024– 2025 годы выделяется ряд наиболее проблемных аспектов, возникающих при оценке подобных нарушений. В работе также рассматриваются основные научные подходы к пониманию бюджетных средств и сущности нецелевого использования. Для более полного раскрытия проблемы анализируются конкретные примеры из судебной практики, а также материалы прокурорских проверок, связанных с расходованием бюджетных средств. Обосновывается важность выработки более четких критериев разграничения различных видов финансовых нарушений, а также усиления дифференциации ответственности с учетом формы вины, характера допущенного нарушения и наличия реального ущерба бюджету.

Ключевые слова: бюджетные средства, нецелевое использование, квалификация правонарушений, судебная практика, административная ответственность, коды бюджетной классификации, получатель бюджетных средств, эффективность использования бюджетных средств, финансовый контроль.

Ежегодно государство направляет колоссальные объемы бюджетных ресурсов на реализацию национальных проектов, развитие инфраструктуры, поддержку социальной сферы и обеспечение обороноспособности страны. Однако наряду с этим неизбежно проявляется и обратная сторона распределения публичных финансов: получатели средств нередко стремятся приспособить выделенные «целевые» ресурсы под собственные потребности, которые далеко не всегда совпадают с первоначальными задачами финансирования. В результате нецелевое использование бюджетных средств постепенно превращается в устойчивую проблему бюджетной системы, требующую постоянного внимания со стороны государства и совершенствования механизмов финансового контроля.

Следует отметить, что сама проблема не является новой. Еще в советский период существовало понятие так называемой «нецелевки», а ведомственные инструкции достаточно жестко определяли допустимые направления расходования государственных средств. Тем не менее в современных условиях — при функционировании казначейской системы исполнения бюджета, использовании электронных финансовых платформ и внедрении механизмов казначейского сопровождения государственных контрактов — данное явление приобрело иные, более сложные формы. На практике оно нередко находится на границе между обычной технической ошибкой, обусловленной сложностью бюджетного учета, и умышленными действиями, направленными на хищение средств, которые маскируются под формально корректные финансовые операции. Парадокс современной системы финансового контроля заключается в том, что чем более сложными становятся процедуры учета и надзора, тем больше возможностей появляется для обхода установленных ограничений, вследствие чего правоприменительная практика вынуждена постоянно адаптироваться к новым способам злоупотреблений.

Масштабы подобного явления подтверждаются данными контрольных и надзорных органов. Например, согласно отчету Контрольно-счетной палаты Челябинской области за 2025 год, в одном только регионе выявлено нецелевое расходование бюджетных средств на сумму около 231 миллиона рублей, тогда как общий объем финансовых нарушений при реализации национальных проектов достиг 16,4 миллиарда рублей [11]. При этом значительная часть нарушений была связана не с прямым хищением средств, а с недостатками отчетности и ведения финансовой документации.

В ряде субъектов Российской Федерации — в Забайкальском крае, а также в Астраханской, Волгоградской, Ивановской, Курской, Новосибирской и Самарской областях, Ямало-Ненецком автономном округе — по итогам

прокурорских проверок возбуждены уголовные дела по фактам хищения бюджетных средств на сумму более трех миллиардов рублей при реализации таких национальных проектов, как «Безопасные качественные дороги», «Демография», «Жилье и городская среда», «Здравоохранение» и «Экология» [13]. В целом же только за первое полугодие 2025 года органами прокуратуры было выявлено свыше 58 тысяч нарушений, связанных с использованием бюджетных средств; для их устранения внесено около 22 тысяч представлений, а к дисциплинарной и административной ответственности привлечено почти 15 тысяч должностных лиц [13].

Очевидно, что приведенные показатели отражают лишь часть реальной картины. Значительная доля подобных нарушений остается либо невыявленной, либо квалифицируется по иным составам правонарушений. В этой связи проблема заключается не только в недобросовестности отдельных должностных лиц или в их халатности, но и в недостаточной четкости самого механизма правовой квалификации подобных деяний. Существующая система нередко позволяет наиболее изобретательным нарушителям избегать ответственности, тогда как добросовестные участники бюджетного процесса могут подвергаться санкциям за формальные ошибки в документации.

Актуальность темы во многом определяется тем, что современная правоприменительная практика столкнулась с своеобразным парадоксом. Формальный подход к определению нецелевого использования бюджетных средств, закрепленный в Бюджетном кодексе [1] Российской Федерации и ряде подзаконных актов, нередко дает возможность недобросовестным руководителям скрывать реальные злоупотребления, представляя их как технические ошибки. Одновременно с этим учреждения, добросовестно выполняющие свои функции, могут нести значительные финансовые потери из-за банальных неточностей в кодах бюджетной классификации либо из-за неоднозначного толкования ведомственных разъяснений.

Особую значимость эта проблема приобретает в условиях экономической нестабильности, внешнего санкционного давления и дефицита бюджетных ресурсов. В подобных обстоятельствах вопрос сохранности и рационального использования каждого бюджетного рубля становится принципиальным. Однако неопределенность правовых формулировок, отсутствие устойчивой и единообразной судебной практики, а также различия в ведомственных подходах к трактовке финансовых нарушений создают благоприятную среду не только для коррупционных проявлений, но и для снижения эффективности всей системы публичных финансов. В результате часть

бюджетных средств расходуется не на достижение общественно значимых целей, а на судебные споры, восстановление нарушенных прав и устранение последствий неправомочных решений контрольных органов.

Переходя к анализу проблем квалификации нецелевого использования бюджетных средств, необходимо прежде всего определить понятийные основы рассматриваемого явления. Следует отметить, что в юридической науке и правоприменительной практике данное понятие трактуется неоднозначно.

В соответствии со статьей 306.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации [1] под нецелевым использованием понимается направление средств бюджета бюджетной системы Российской Федерации либо оплата денежных обязательств на цели, которые полностью или частично не соответствуют целям, установленным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной сметой, договором или иным документом, выступающим правовым основанием для предоставления данных средств [1].

В то же время в научной литературе содержание данного понятия рассматривается более широко. Так, А. Гусев обращает внимание на то, что нецелевое использование связано прежде всего с нарушением принципа адресности и целевого характера бюджетных средств [6], закрепленного в статье 38 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Данный принцип предполагает доведение средств до конкретного получателя для достижения строго определенной цели. Следовательно, любое отклонение от установленного направления расходования — даже в случае, когда средства направлены на иные социально значимые нужды — должно рассматриваться как нарушение бюджетного законодательства.

Иной аспект проблемы подчеркивает Д. Л. Комягин [8, с. 19], рассматривающий нецелевое использование бюджетных средств в контексте бюджетного процесса как формы управленческой деятельности государства. По его мнению, подобные нарушения затрагивают установленный порядок публичных расходов и в определенной степени дестабилизируют систему государственного управления, поскольку нарушается логика планирования и распределения бюджетных ресурсов, а сами бюджетные назначения утрачивают свое регулирующее значение.

Н. А. Саттарова, в свою очередь, предлагает дополнить традиционное понимание данного явления критерием эффективности [10, с. 19]. По ее мнению, даже строгое соблюдение формального целевого назначения средств не всегда гарантирует их рациональное использование. Например, средства могут быть израсходованы в полном соответствии с бюджетной сметой, однако закупка товаров по завышенной стоимости или необоснованный перерасход средств свидетельствуют о нарушении принципа эффективности использования бюджетных средств, закрепленного в статье 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации. При этом формально такие действия не всегда подпадают под категорию «нецелевого использования»,

что создает дополнительные трудности для органов финансового контроля.

В практической деятельности финансовых органов понятие нецелевого использования трактуется достаточно широко и охватывает разнообразные формы нарушений. Речь идет не только о прямом присвоении бюджетных средств, но и о действиях, которые на первый взгляд могут показаться малозначительными или обусловленными хозяйственной необходимостью.

Например, типичной ситуацией является оплата услуг по одному коду бюджетной классификации вместо другого. Так, оплата охраны здания по коду «Бюджетные инвестиции» вместо кода «Прочая закупка товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд» рассматривалась в судебной практике как возможный признак нецелевого использования. Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих решений указал, что ошибка заказчика при выборе кода бюджетной классификации сама по себе не может служить основанием для привлечения к ответственности исполнителя государственного контракта, если услуги были фактически оказаны и оплачены в установленном порядке [4].

Подобные ситуации возникают и в иных случаях: при финансировании ремонта арендуемых помещений, оплате командировочных расходов за счет средств, предназначенных для закупки оборудования, либо при неправильном распределении расходов между различными статьями бюджетной классификации. На практике довольно распространены ошибки при применении подстатей классификации операций сектора государственного управления (КОСГУ). Так, учреждения иногда оплачивают капитальный ремонт объектов за счет средств, предназначенных для текущего содержания имущества, либо, напротив, относят текущие ремонтные работы к капитальным вложениям. В отдельных случаях заработная плата внештатных сотрудников выплачивается за счет экономии по статьям, предназначенным для приобретения материальных запасов, что формально может сопровождаться оформлением фиктивных закупок канцелярских товаров.

Подобные примеры встречаются и в зарубежной практике. Так, аудиторы в Казахстане выявляли случаи, когда получатели субсидий осуществляли фиктивные сделки по продаже одного и того же крупного рогатого скота между различными хозяйствующими субъектами, что позволяло многократно получать бюджетные средства. Также фиксировались ситуации, когда оборудование или сельскохозяйственная техника, оплаченные за счет государственных субсидий, либо вовсе не поставлялись, либо поставлялись в меньшем объеме при полном финансировании проекта.

Судебная практика последних лет показывает значительное количество спорных ситуаций, наглядно отражающих сложность квалификации нецелевого использования бюджетных средств. Показательным является дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации

в декабре 2025 года [12]. В этом споре частное охранное предприятие получило оплату за фактически оказанные услуги по охране объекта. Однако финансовый орган при проверке установил, что бюджетное учреждение оплатило данные услуги по коду «Бюджетные инвестиции», тогда как следовало применить иной код расходов. Прокуратура потребовала взыскать полученные средства с подрядчика как неосновательное обогащение.

Тем не менее Верховный Суд Российской Федерации занял иную позицию. Суд указал, что подрядчик выполнил предусмотренные контрактом обязательства, услуги были оказаны надлежащим образом, а доказательств обратного представлено не было. Следовательно, ответственность за ошибки в применении бюджетной классификации должна нести организация-заказчик, а не исполнитель контракта. Перекладывание подобных рисков на хозяйствующих субъектов противоречит принципам гражданского оборота и добросовестности участников правоотношений.

Анализ научной литературы, судебной практики и материалов контрольных органов позволяет выделить несколько ключевых проблем, связанных с квалификацией нецелевого использования бюджетных средств.

Первая проблема заключается в разграничении нецелевого и неэффективного использования бюджетных средств. Контрольные органы нередко стремятся квалифицировать как нецелевое использование ситуации, при которых средства были израсходованы строго по назначению, однако не привели к ожидаемому социально-экономическому результату. Например, учреждение может приобрести дорогостоящее медицинское оборудование за счет средств, выделенных на развитие здравоохранения, однако из-за отсутствия специалистов или лицензии оборудование длительное время не используется. Формально цели финансирования соблюдены, однако фактический результат оказывается неудовлетворительным. В подобных ситуациях речь скорее должна идти о неэффективном использовании средств, а не о нецелевом расходовании.

Еще одна проблема связана с ошибками при применении кодов бюджетной классификации и подстатей КОСГУ. Постоянные изменения нормативной базы, большое количество методических рекомендаций и разъяснений Министерства финансов создают значительные сложности для бухгалтерских служб учреждений. При этом не всякая ошибка в указании кода свидетельствует о нецелевом использовании средств. Важно установить, привело ли такое нарушение к фактическому расходованию средств на цели, не предусмотренные сметой, либо речь идет лишь о неточности бухгалтерского учета.

Можно также отметить определение субъекта ответственности в сложной системе бюджетного финансирования. В современных условиях денежные средства нередко проходят несколько уровней распределения: из федерального бюджета — в региональный, затем в муниципальный, после чего предоставляются учреждениям

в форме субсидий или грантов. В таких ситуациях возникает вопрос о том, на каком этапе и какое лицо должно нести ответственность за возможные нарушения целевого характера расходов.

Одна из проблем связана с квалификацией так называемых смешанных расходов и операций, осуществляемых учреждениями в рамках приносящей доход деятельности. Например, здания государственных учреждений могут использоваться одновременно для выполнения государственных функций и для оказания платных услуг. В таких случаях возникает необходимость пропорционального распределения расходов на коммунальные услуги, охрану и содержание имущества.

Одна из важных проблем касается определения размера ответственности и применения санкций за выявленные нарушения. Административные штрафы за нецелевое использование бюджетных средств могут быть весьма значительными. Однако судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к более взвешенному подходу при назначении наказаний. Суды все чаще учитывают наличие или отсутствие умысла, фактический ущерб бюджету и характер допущенных нарушений. Если средства были в конечном итоге использованы по назначению, а ошибка носила технический характер, суды нередко признают подобные нарушения малозначительными.

Таким образом, современная практика квалификации нецелевого использования бюджетных средств находится в стадии активного развития и переосмысления. Постепенно происходит переход от преимущественно карательной модели финансового контроля к более гибкому и дифференцированному подходу, предполагающему анализ конкретных обстоятельств каждого случая. При этом особое значение приобретают такие факторы, как наличие умысла, реальный ущерб бюджету, экономическая сущность совершенных операций и степень общественной опасности допущенных нарушений.

В то же время сохраняющиеся проблемы — размытость отдельных законодательных формулировок, отсутствие единообразной судебной практики, сложности разграничения различных видов финансовых нарушений, а также неопределенность в вопросах определения субъектов ответственности — говорят о необходимости дальнейшего совершенствования бюджетного и административного законодательства. Представляется, что выработка более четких критериев разграничения методологических ошибок бухгалтерского учета и действительно противоправных действий могла бы существенно повысить эффективность финансового контроля и одновременно обеспечить защиту добросовестных участников бюджетных правоотношений. В противном случае существует риск того, что значительная часть бюджетных ресурсов будет продолжать расходоваться не на достижение общественно значимых целей, а на разрешение многочисленных споров между учреждениями, контрольными органами и судами.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2025 № 305-ЭС25-7011 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информ.-правовой портал. — URL: <https://garant-pr.ru/news/spetsialista-po-zakupkam/vsrfsredstvapereschislennyeispol/> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2025 № 39-АД25-3-К1 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информ.-правовой портал. — URL: <https://base.garant.ru/412023782/> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 27.02.2012 № 020710/534 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Гусев, А. Нецелевое использование средств бюджетными учреждениями / А. Гусев [Электронный ресурс] // Клерк.Ру: сайт. — 08.12.2014. — URL: <https://www.klerk.ru/print/403264/> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Гусев, А. О нецелевом использовании бюджетных средств / А. Гусев // Ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности государственных (муниципальных) учреждений. — 2012. — № 9. [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информ.-правовой портал. — URL: <https://base.garant.ru/57860981/> (дата обращения: 05.03.2026).
8. Комягин, Д. Л. Система принципов бюджетного права: российское законодательство и научная доктрина / Д. Л. Комягин // Реформы и право. — 2012. — № 4. — С. 19–31.
9. Королева, Я. Ю. Ответственность за нецелевое использование средств субсидии на госзадание: пример из судебной практики / Я. Ю. Королева // Руководитель бюджетной организации. — 2022. — № 5. — С. 23–29.
10. Саттарова, Н. А. Об эффективности использования бюджетных средств / Н. А. Саттарова // Финансовое право. — 2022. — № 5. — С. 19–22.
11. «Тревожные тенденции». В Челябинской области нашли нарушения при закупках на 16,4 миллиарда рублей [Электронный ресурс] // MYSELDON.RU: сайт. — 26.02.2026. — URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/342358892> (дата обращения: 05.03.2026).
12. Аудиторские проверки выявили хищение бюджетных средств в частных школах и нецелевое использование в АПК [Электронный ресурс] // Vecher.kz: сайт. — 23.01.2026. — URL: <https://vecher.kz/ru/article/auditorskie-proverki-vyjavili-hishenie-biudjetnyh-sredstv-v-chastnyh-shkolah-i-neselevoe-ispolzovanie-v-apk.html> (дата обращения: 05.03.2026).
13. Генеральная прокуратура РФ: при реализации нацпроектов в регионах похищено более 3 миллиардов рублей [Электронный ресурс] // RUSSIA24.PRO: сайт. — 03.01.2026. — URL: <https://ecology.russia24.pro/volgograd-obl/385693201/> (дата обращения: 05.03.2026).

«Русская Правда» как памятник права: происхождение, источники, редакции

Гвозденко Екатерина Александровна, студент;
Долгова Наталья Николаевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья исследует крупнейший правовой памятник Древней Руси. Авторы детально анализируют ключевые источники и исторические редакции свода законов. Рассмотрены институты уголовного и гражданского процесса.

Ключевые слова: закон, право, кодификация, редакция, источник.

Происхождение документа вызывает давние научные споры. Формирование сложного письменного текста заняло у древних законодателей несколько долгих веков. Свод законов закрепил сложившиеся общественные отношения. Нормы отражают медленный переход государства от родового строя к раннему феодальному. Законодатель стремился ограничить произвол сильных землевладельцев. Документ стал крепкой базой новой

правовой системы молодого государства. Текст лишен абстрактных понятий. Кодекс содержит только конкретные казуистические нормы. Исследователи отмечают высокую юридическую технику составления всех дошедших древних списков [1, с. 113].

Источники документа весьма разнообразны по своей правовой природе. Базой послужило древнее обычное право славян. Нормы народного обычая планомерно до-

полнялись княжескими судебными уставами. Византийское право оказало минимальное воздействие на кодификацию. Князья активно адаптировали старые правила под новые экономические нужды общества. Законодатель строго учитывал актуальную судебную практику княжеского двора. В тексте прослеживается заметное влияние скандинавских юридических традиций. Важнейшим источником выступало устное народное предание. Судебные прецеденты формировали новые обязательные правила поведения. Статья 1 Краткой редакции прямо ограничивает кровную месть узким кругом ближайших родственников. Позже государственные власти заменили это право крупным денежным штрафом [2, с. 105].

Наука выделяет три основные редакции кодекса. Краткая редакция появилась первой в начале одиннадцатого века. Она включает Правду Ярослава и Правду Ярославичей. Текст содержит наиболее архаичные и суровые санкции. Пространная редакция создана юристами значительно позже при Владимире Мономахе. Правитель сильно расширил сферу регулирования сложных имущественных отношений. Авторы добавили обширный устав о закупничестве и резах. Документ подробно детализирует правовой статус зависимого сельского населения. Сокращенная редакция возникла в период наступившей феодальной раздробленности. Текст адаптировали для новых сложных политических условий пятнадцатого века. Писцы полностью убрали неработающие устаревшие правовые конструкции [3, с. 74–76].

Закон четко разделял население по правовому статусу. Жизнь представителя высшей знати охранялась усиленными мерами. Рядовичи заключали специальный договор для отработки долга. Нарушение условий письменного соглашения превращало свободного общинника в зависимого человека. Смерды вели самостоятельное хозяйство на княжеской земле. Имущество умершего смерда при отсутствии сыновей переходило государству. Холопство признавалось основным и самым тяжелым видом личной зависимости. Плен и добровольная продажа лишали человека всех гражданских прав. Рождение от несвободной матери автоматически делало ребенка полным холопом. Закон охранял княжескую собственность гораздо строже имущества обычных крестьян.

Преступление понималось законодателем как причинение физического или материального ущерба. Текст использует собирательный термин «обида». Правонарушения изначально не разделялись на уголовные и гражданские. Позже закон начал учитывать субъективную сторону опасного деяния. Убийство в открытой драке наказывалось стандартной государственной вирой. Скрытое умышленное убийство влекло полное разорение виновного. Разбойник передавался властям вместе с семьей для последующей продажи в рабство. Государство централизованно устанавливало фиксированные штрафы за посягательства на жизнь. Жизнь знатного мужа оценивалась значительно дороже простолюдина. Штраф за убийство княжеского тиуна достигал восьмидесяти гривен. Ли-

шение жизни простого смерда обходилось виновному всего в пять гривен [4, с. 53].

Имущественные преступления выделены в отдельную правовую категорию. Древнерусское право называло любую кражу татьбой. Законодатель сурово наказывал посягательства на чужую собственность. Конокрадство считалось наиболее тяжким и опасным деянием. Лошадь выступала главным средством производства и ведения войны. Виновный в конокрадстве лишался всего имущества и изгонялся из общины. Кража сельскохозяйственного инвентаря наказывалась небольшим штрафом в три гривны. Закон отдельно защищал бортные деревья и охотничьи угодья. Повреждение чужой собственности требовало обязательного возмещения убытков потерпевшему лицу.

Пространная редакция детально регулирует различные гражданские договоры. Статья 48 описывает строгий порядок взыскания долга с несостоятельного купца. Закон надежно охраняет имущественные интересы кредитора. Злостное банкротство влекло очень тяжелые финансовые последствия. Статья 54 жестко регламентирует правовой статус закупа. Закуп навсегда терял свободу при первой доказанной попытке побега. Суд активно защищал деловую репутацию иностранных торговцев. Торговые споры разрешались судьями в ускоренном порядке. Документ подробно описывает процедуру оформления займа. Начисление высоких процентов законодательно ограничивалось для защиты бедного населения [5, с. 24].

Институт наследования получил подробную правовую регламентацию. Свод законов заложил прочный фундамент отечественной цивилистики. Документ подробно описывает процедуру передачи родового имущества. Вдова умершего сохраняла законное право на часть нажитого состояния. Закон защищал имущественные права малолетних детей после смерти родителей. Дочери полностью лишались наследства при наличии живых сыновей. Княжеские дружинники пользовались особыми привилегиями при передаче имущества дочерям. Сыновья от домашней рабыни лишались права претендовать на основное наследство. Государство предоставляло им полную личную свободу после смерти хозяина. Институт опеки гарантировал сохранность имущества сирот до достижения ими совершеннолетия.

Судебный процесс носил ярко выраженный состязательный характер. Разбирательство начиналось исключительно по инициативе потерпевшего. Истец публично объявлял о пропаже вещи на площади. Процедура называлась закличем. Поиск украденного имущества осуществлялся через свод. Добросовестный приобретатель должен был указать продавца спорной вещи. Процесс продолжался до выявления настоящего вора. Гонение следа применялось при поиске преступника за пределами поселения. Территориальная община несла коллективную материальную ответственность при обнаружении следов вора на своей земле.

Правоприменение опиралось на показания свободных и полноправных свидетелей. Древнерусское право разде-

ляло свидетелей на видоков и послухов. Видоки являлись непосредственными очевидцами совершенного правонарушения. Послухи подтверждали добрую репутацию обвиняемого. Ордалии применялись при нехватке надежных устных доказательств. Суд назначал опасное физическое испытание холодной водой или раскаленным железом. Сбор штрафов формировал значительную часть княжеской казны. Решения суда исполнялись специальными уполномоченными должностными лицами. Вирник собирал штрафы при помощи собственной вооруженной стражи [6, с. 14].

Свод законов имел важнейшее историческое значение. Документ унифицировал разрозненные местные правовые обычаи. Нормы действовали на всей обширной территории Древней Руси. Текст переписывался и активно использовался юристами долгие столетия. Памятник оказал решающее влияние на формирование московских

Судебников. Литовские статуты прямо заимствовали многие удачные положения кодекса. Древний текст остается главным источником достоверных знаний о средневековом обществе.

Подводя итог, важнейшее историко-государственное значение Русской Правды, данный документ не просто унифицировал разрозненные местные обычаи, но и создал единое правовое пространство на всей обширной территории Древней Руси. Памятник стал первоисточником унифицированного гражданско-правового развития государства. Его нормы, доказавшие свою политическую и социальную эффективность, переписывались долгие столетия, оказав решающее влияние на формирование московских Судебников и Литовских статутов, и навсегда оставшись главным свидетельством победы государственного закона над родовым обычаем.

Литература:

1. Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде // Наука. 1953. С. 113.
2. Меркулов В. И. Русская Правда и истоки древнерусского права // Исторический формат. 2014. № 2. С. 104–106.
3. Георгиевский Э. В. К вопросу об общей характеристике и происхождении Русской Правды // Сибирский юридический вестник. 2009. № 3. С. 74–76.
4. Комарницкий О. Л. О возникновении и развитии в российском государстве уголовно-правовых норм — исторический аспект // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 4. С. 52–54.
5. Иншакова А. О., Турбина И. А. Русская Правда как первый прецедент национальной унификации норм о гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 1. С. 22–25.
6. Агиев А. Р. Криминалистический и цивилистический аспекты статуса потерпевшего в Русской Правде // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 12–15.

Типичные ситуации первоначального этапа расследования убийств, совершенных с особой жестокостью. Действия следователя

Гетт Александра Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Горбань Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует типичные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования убийств с особой жестокостью, а также действия следователя.

Ключевые слова: первоначальный этап расследования убийства, особая жестокость, типичные ситуации.

Первоначальный этап расследования данных преступлений, отличающихся особой жестокостью подразумевает выполнение действий, направленных на закрепление информации о личности подозреваемого.

Оперативный розыск осуществляется так же и при поиске трупа жертвы, украденного личного имущества и т. д. В данном и следующих этапах расследования убийств, совершенных с особой жестокостью, находятся решения задач составления и корректировки плана расследования преступления, а также организации сплоченного сотрудничества с органами дознания и др. [5, с. 54].

К числу типовых программ расследования, которые имеют первостепенное значение, относятся следующие действия: обследование местности, где произошло преступление, и трупа; проведение судебно-медицинской экспертизы трупа; опрос и допрос свидетелей и очевидцев, включая членов семьи, друзей и соседей убитого; организация подготовки к предъявлению трупа для опознания; наблюдение и поиск убийцы; арест, личный обыск, освидетельствование и допрос подозреваемого; подготовка и предоставление подозреваемого для опознания; обыски по месту жительства и работы подозреваемого; кримина-

листические экспертизы вещественных доказательств, обнаруженных во время обысков и осмотров [3, с. 76].

Для удобства описания первоначальных действий следователя при расследовании убийств, совершенных с особой жестокостью, разберем каждую ситуацию по порядковым номерам. Итак, к первой следственной ситуации отнесем открытое убийство, к второй следственной ситуации отнесем скрытое убийство, в случае, когда личность жертвы знакома преступнику, к третьей следственной ситуации отнесем скрытое убийство, которое замаскировано инсценировкой преступником. В данных следственных ситуациях в первоначальном этапе расследования следователем решается приблизительный ряд следующих проблем, как:

1) Определение локализации преступления является одной из ключевых задач в криминалистике, особенно когда место обнаружения жертвы не совпадает с местом совершения преступления. Для решения данной задачи необходимо провести тщательный осмотр трупa, в ходе которого фиксируется отсутствие или наличие определенных внешних повреждений. К таким повреждениям относятся обильные кровяные потеки и лужи, а также следы, указывающие на перемещение трупa, например, следы волочения, загрязнения на обуви, отсутствующие в месте обнаружения трупa, и трупные пятна, расположенные в неестественных для данной позиции тела местах.

2) Определение личности потерпевшего. Эта задача решается путем изучения документов, личных вещей, а также путем записи показаний тех, кто способен опознать потерпевшего по внешним признакам. После установления личности проводится анализ его образа жизни и характера отношений с родственниками, коллегами и знакомыми.

3) В рамках проведения судебно-медицинской экспертизы первичное определение причин летального исхода может быть осуществлено на основании внешнего осмотра трупa экспертом-судмедэкспертом.

4) Иногда промежуток времени между причинением увечий и моментом смерти может существенно отличаться. В таких случаях ключевым является правильное определение момента смерти, что требует внимательного изучения трупных изменений. Эти изменения зависят от условий окружающей среды, включая температуру и влажность воздуха, а также наличие осадков.

5) Поиск убийцы или его следов. Исследование предварительных данных способствует формированию следственных версий относительно идентификации потенциального преступника на начальном этапе осмотра места происшествия.

Первоначальные действия следователя при расследовании убийств, совершенных с особой жестокостью, связаны так же с допросами очевидцев, а именно свидетелей, так же следователь направляет поручение на осуществление оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых устанавливается, как неизвестный, в данном случае

субъект преступления, очутился в данном районе и когда, каким было его поведение, с кем разговаривал и поддерживал контакт, кто его видел либо мог наблюдать [4, с. 35].

В рамках использования инструментов массовой информации осуществляется обращение к общественности с целью содействия в процессе идентификации лица, чья личность остается неопределенной. Идентификация предполагается на основе анализа внешних характеристик, которые могут быть представлены в виде фотографических материалов или текстовых описаний. [1, с. 68].

В ходе расследования уголовных дел, связанных с обнаружением фрагментов человеческого трупa, сотрудники правоохранительных органов и следователи проводят детальный осмотр места происшествия и анализ обнаруженных останков. Ключевым аспектом является определение обстоятельств переноса части тела на место обнаружения, фиксация характеристик упаковки и индивидуальных особенностей останков, что имеет решающее значение для процесса идентификации личности и установления возможных особенностей методики нанесения травм, характерных для преступника [7, с. 97].

Ключевой целью судебно-медицинской экспертизы является установление соответствия всех обнаруженных фрагментов трупa, а также выявление наличия конкретных органов и частей тела; определение группы крови, расы, возраста, пола и национальности погибшего; выявление прижизненных травм, их особенностей, расположения и временных параметров; установление причины и продолжительности смерти; определение инструмента, использованного для расчленения трупa, и наличие следов профессионального мастерства; а также выявление последнего приема пищи потерпевшего перед смертью, включая анализ на наличие следов наркотических веществ, алкоголя и ядов. [6, с. 74].

Очевидно, что разработка таких предположений упрощается, если имеется хотя бы начальное представление о личности погибшего. Формируются следственные версии относительно личности преступника, который часто оказывается кем-то из близкого окружения или знакомых. Проверка следственных версий следователя осуществляется путем проведения осмотров и обысков с целью обнаружения вещественных доказательств, связанных с совершением убийства [8, с. 45].

Остальные действия следователя направлены на получение фотографий пропавшего, образцы его почерка, отпечатки пальцев. Определить время и место исчезновения: когда, где и в каких обстоятельствах его видели в последний раз, какие документы, одежда, вещи, ценности были у него, а какие остались дома и на месте его деятельности, какие события предшествовали исчезновению в его семейной, личной жизни и в работе, а также в разных сферах жизнедеятельности [2, с. 64].

Таким образом, следователь, занимающийся расследованием убийства, совершенного с особой жестокостью, сталкивается с множеством сложных задач и процедур. В процессе работы необходимо решить множество про-

межучточных и конечных вопросов, осуществить ряд следственных мероприятий, в которых участвуют различные специалисты. Важно документировать, собирать и анализировать разнообразные доказательства. Следователь должен соблюдать все правила и процедуры, иначе упро-

щение процесса может привести к некачественной работе, что, в свою очередь, может задержать расследование, привести к появлению ошибок и неиспользованию всех возможностей для наиболее эффективного раскрытия преступления.

Литература:

1. Дубровин С. В. Концептуальные основы учений о криминалистической прогностике и криминалистических версиях (криминалистической версиологии) // Вестн. Казанского юрид. ин-та МВД России. 2024. № 3.
2. Давыдов М. В. Проверка показаний на месте: перспективы совершенствования: монография / М. В. Давыдов; М-во внутренних дел Рос. Федерации, Федер. гос. каз. образоват. учреждение высш. проф. образования «Орловский юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации». Орел: ОрЮИ МВД России, 2023.
3. Зеленский В. Д., Влезько Д. А., Головин М. В., Грицаев С. И. Основные положения следственной тактики. Краснодар, 2011.
4. Попова Т. В. О проблеме технико-криминалистической подготовки участников раскрытия и расследования преступлений // Вестн. ЧелГУ. 2024. № 20.
5. Крюков А. В. Криминалистика: курс лекций / А. В. Крюков. — М.: МГУ, 2014.
6. Криминалистика: учебник / О. В. Волохова и др. — М.: Проспект, 2015.
7. Криминалистика: учебное пособие / Е. Ю. Фролова и др. — М.: Дашков и К, 2016.
8. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник / Н. П. Яблоков. — М.: Юрайт: ИД Юрайт, 2015.

Коррупция как антиконституционный фактор: от частных нарушений к угрозе государственному строю

Гречаная Анна Владимировна, аспирант
Московский гуманитарный университет

Статья посвящена рассмотрению феномена системной коррупции через призму конституционного права, выявлению ее сущностных признаков, анализу конституционных последствий, с учетом влияния процессов цифровой трансформации в Российской Федерации. Цель исследования: теоретическое обоснование необходимости выделения системной коррупции в качестве самостоятельного государственного-правового понятия и совершенствования научного инструментария правового познания для выявления, квалификации и минимизации данной угрозы государственному строю. Методология исследования базируется на сочетании общенаучных методов (диалектический, системный и функциональный, анализ и синтез) и специальных методов познания (формально-юридический, сравнительно-правовой и метод правового моделирования).

По итогам работы формулируются основные признаки системной коррупции как самостоятельного понятия науки конституционного права. Аргументируется вывод о том, что системная коррупция является антиконституционным явлением, требующим разработки особых правовых средств противодействия, учитывающих как ее традиционные, так и цифровые формы проявления.

Ключевые слова: конституционные принципы, системная коррупция, публичная власть, конституционная ответственность, государство, цифровизация, конституционное право.

Corruption as an anti-constitutional factor: from individual violations to a threat to the constitutional order

Grechanaya Anna Vladimirovna, graduate student
Moscow University for the Humanities

The article examines the phenomenon of systemic corruption through the prism of constitutional law, identifying its essential features, identifying its constitutional consequences, taking into account the impact of digital transformation processes in the Russian Federation. The aim of the study is to provide a theoretical justification for distinguishing systemic corruption as an independent state-

legal concept and to enhance the scientific tools of legal cognition for the identification, qualification, and mitigation of this threat to the constitutional order. The research methodology is based on a combination of general scientific methods (dialectical, systemic, functional, analysis and synthesis) and specialized methods of cognition (formal-legal, comparative-legal, and the method of legal modeling).

The study formulates the principal attributes of systemic corruption as an autonomous concept within constitutional law doctrine. The conclusion is substantiated that systemic corruption is an anti-constitutional phenomenon requiring the development of specific legal countermeasures that take into account both its traditional and digital forms of manifestation.

Keywords: constitutional principles, systemic corruption, public authority, constitutional responsibility, state, digitalization, constitutional law.

Проблема коррупции традиционно рассматривается в юридической науке сквозь призму административного и уголовного права — как совокупность конкретных, частных деликтов. Однако в условиях динамично протекающих в Российской Федерации процессов цифровой трансформации государственного управления [1] актуализировалась потребность в формировании целостного конституционно-правового подхода к исследованию коррупции. Такой подход позволил бы выявлять и анализировать не только единичные правонарушения, но и системные проявления данного феномена, неуклонно видоизменяющиеся под воздействием цифровой среды, и посягающие на саму природу публичной власти.

Обращение к конституционно-правовой природе данного явления представляется закономерным, поскольку, накапливаясь в узкой форме частных нарушений, распространение коррупционных практик в государственных институтах перерастает в угрозу основам конституционного строя, размывая демократические процедуры и верховенство закона. Коррупция становится непреодолимым препятствием для полноценной реализации прав и свобод человека, устойчивого политического и социально-экономического развития государственности.

С. Н. Шевердяев в своих работах, посвященных исследованию коррупции в парадигме конституционного права Российской Федерации, подчеркивал, что именно системная коррупция «способна угрожать демократической государственности, на что неоднократно обращало внимание и высшее российское руководство» [2, с. 73]. Владимир Владимирович Путин еще в 2012 году, занимая пост Председателя Правительства Российской Федерации, формируя экономические задачи государства, поднимал проблему системной коррупции, как основную угрозу деловому климату страны [3]. Логично, что системному явлению должен соответствовать и системный подход к его рассмотрению для выработки оптимального законодательного регулирования.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует нормативное определение системной коррупции. Статья 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» [4] определяет коррупцию в достаточно узком уголовно-правовом ключе как — дача (получение) взятки, злоупотребление служебным положением (полномочиями) либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным инте-

ресам общества и государства в целях получения выгоды для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление ему такой выгоды, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица. По сути, преступное поведение отдельных лиц (группы лиц), извлекающих выгоду из своего положения.

Несмотря на то, что, самостоятельный факт совершения подобного правонарушения (например, получение судьей взятки за рассмотрение дела в сжатые сроки) безусловно представляет собой серьезное правонарушение, когда подобная практика становится для судебной власти институциональной (только дача лицом взятки судье позволяет рассмотреть дело без искусственного затягивания процесса) фактически происходит подмена правовых норм теневыми коррупционными правилами. Действие законодательства Российской Федерации оказывается заблокированным на стадии правоприменения, что подрывает конституционные основы правопорядка (ст. 15 Конституции РФ [5]). Формируется среда, в которой неправомерное поведение воспринимается гражданами и государственной властью как обычная практика, создавая «массовую антиправовую нормативность» [6].

Кроме того, даже если нарушение в конкретном случае кажется малозначительным и не влекущим явных общественно опасных последствий (например, возможность записи гражданина в удобное для него время на личный прием к государственному служащему только за определенную негласную плату). При условии, когда оно становится нормой для данного института власти, возникает негативный социальный эффект. Гражданин, наблюдая невозможность реализации права «без мзды», переносит отрицательное отношение на всех представителей данных органов, что формирует миф о вседозволенности и продажности чиновников и подрывает самым доверие к власти. Таким образом, главная опасность системной коррупции заключается в том, что, укореняясь в структурах государственного управления, она «ставит под угрозу диалог и взаимодействие между обществом и государством, вызывая у народа недоверие и антипатию к публичной власти» [7, с. 33]. Системная коррупция постепенно разрушает демократические институты изнутри и подрывает доверие всех слоев общества к государству. Как отмечает В. Д. Зорькин «существует жесткая и многократно проявившая себя в мировой истории взаимосвязь между коррупцией и различными искажениями демо-

кратии» [6]. Более того, когда у людей складывается убеждение в повсеместном распространении коррупции, они и сами с большей вероятностью станут допускать коррупционные злоупотребления, ощущая бессилие перед сложившейся системой [8, с. 49].

В условиях системной коррупции искажается ключевой принцип демократического государства, заложенный в статье 3 Конституции РФ [5], — народовластие, лишая граждан конституционного статуса единственного источника власти. Административные процедуры публичного управления из механизма реализации публичного интереса трансформируются в механизм выражения интереса частного. Личные коррупционные интересы у представителей одной из ветвей власти неизбежно разрушают механизм их взаимного контроля (ст. 10 Конституции РФ [5]). Представители разных ветвей власти начинают закрывать глаза на правонарушения друг друга, вследствие чего коррупция со временем проникает во все сферы государственного управления.

Соответственно, системная коррупция — один из наиболее опасных видов коррупции, так как представляет собой явление, при котором коррупционные проявления становятся нормой властных отношений и встраиваются в алгоритмы принятия публично-значимых решений, поражают государственные структуры, нивелируя их способность к эффективной реализации полномочий. Отмечается высокий уровень латентности системной коррупции [7, с. 35], поскольку официальные статистические данные по преступлениям отражают лишь уровень индивидуальной коррупции (отдельных преступлений в указанной сфере), что существенно затрудняет получение достоверных данных о ее уровне в государстве и выработку наиболее эффективных мер противодействия.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие основные сущностные признаки системной коррупции, которые могут быть использованы для формирования единого определения «системной коррупции» в науке конституционного права, а в дальнейшем и использоваться на законодательном уровне:

1. Подмена публичного интереса частным: публично-властные полномочия используются для удовлетворения частных потребностей узкого круга (группы) лиц вместо обеспечения общественного блага.

2. Встроенность: злоупотребление властью (незаконное использование должностного положения (полномочием) с целью получения выгоды) становится неотъемлемой частью механизма государственного управления во всех ветвях власти и воспринимается как норма его функционирования.

3. Высокая степень общественной опасности: объектом выступают не отдельные правоотношения, а фундаментальные конституционные принципы: народовластие (статья 3 Конституции РФ [5]), разделение властей (статья 10 Конституции РФ [5]), верховенство закона (статья 15 Конституции РФ [5]), социальная справедливость (статья 19 Конституции РФ [5]).

Конституционно-правовые формы противодействия коррупции должны быть направлены на устранение и минимизацию именно системной коррупции как процесса угрожающего общему разложению публичной власти, при котором озабоченность личной выгодой превалирует над целями служения общества, ради которых функционирует государство.

Технологическую модернизацию всех сфер общества, в том числе государственного управления, также необходимо учитывать при формировании конституционно-правовых категорий для адекватного отражения системных проявлений коррупции. С одной стороны, цифровизация делает коррупционные связи менее транспарентными для традиционного надзора и общественного контроля, но при этом более системными и автоматизированными. Появляются новые цифровые инструменты, способные как упрощать коррупционную деятельность (криптовалюта, киберкоррупция, манипуляции данными, цифровые откаты), так и бороться с ней (ГИС «Посейдон», блокчейн-технологии, электронное правительство и государственные услуги). Данные процессы также требуют обогащения понятийного правового аппарата, в том числе, в конституционном праве. Именно совокупность юридических свойств Конституции РФ и закрепленных в ней принципов создает нормативную основу для необходимого комплексного регулятивного воздействия на общественные отношения и нейтрализации коррупциогенных факторов [9, с.33].

Закключение. В условиях динамичных процессов цифровизации исследование коррупции в рамках науки конституционного права является императивным требованием времени. Системная коррупция, представляющая одну из наиболее серьезных угроз государственному строю, требует адекватного конституционно-правового осмысления и реагирования.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что системная коррупция не может быть сведена к простой совокупности должностных преступлений. Она представляет собой качественно иное состояние публично-властных отношений, при котором деформации подвергается сама конституционная модель взаимодействия личности, общества и государства. Системная коррупция искажает само предназначение государства, превращая публичную власть из инструмента служения общему благу в средство извлечения частной выгоды. Данный феномен антиконституционен в самом прямом смысле этого слова и создает значительную угрозу государственному строю. Борьба с ним требует не только совершенствования уголовно-правовых механизмов, но и глубокого конституционного анализа. В этой связи с целью разработки эффективных, адаптированных к вызовам цифровой эпохи нормативных моделей противодействия коррупции, включающих саму возможность институционализации личного интереса в структурах государственного управления, перспективным направлением дальнейших научных изысканий в рассматриваемой области правоотношений видится детальная разработка специального

понятийного аппарата, призванного: отграничить системную коррупцию от смежных конституционно-правовых деформаций; оперативно выявлять коррупционные риски в организации публичной власти; разработать основания для конституционно-правовой ответственности в связи с высокой степени общественной опасности си-

стемной коррупции. Равным образом представляется целесообразным изучение потенциала цифровых технологий в качестве современных инструментов укрепления конституционной законности, позволяющих усилить контроль за всеми ветвями власти и сохранить прозрачность публичного управления.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. — 13.05.2024. — № 20. — Ст. 2584.
2. Шевердяев С. Н. Конституционно-правовые подходы к разработке антикоррупционной проблематики: основные маршруты // Сравнительное конституционное обозрение. — 2016. — № 4. — С. 73–91.
3. Владимир Путин_ «Нам нужна новая экономика» // Ведомости [сайт]. — URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения 01.12.2025).
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 29.12.2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2020. — № 31. — Ст. 4398.
6. Зорькин В. Д. Коррупция — угроза цивилизации права: Лекция на XIII Петербургском международном юридическом форуме // Российская газета [сайт]. — URL: https://rg.ru/2025/05/20/korrupciia-ugroza-civilizacii-prava.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.
7. Подольный Н. А., Подольная Н. Н. Системная коррупция-системная угроза взаимодействию между обществом и государством // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права — 2014. — № 3. — С. 33–39.
8. Нистоцкая М. С. Системная коррупция как проблема коллективного действия: обзор литературы и постановка программы исследований // Человек. Сообщество. Управление — 2014. — № 4. — С. 45–56.
9. Уваров А. А. Конституционное измерение и предотвращение коррупции как дефекта правовой системы // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 7. — С. 32–36. — DOI: 10.18572/1812-3767-2023-7-32-36.

Самозанятость как способ ведения бизнеса: скрытые риски

Гузеева Екатерина Кирилловна, студент

Научный руководитель: Рубцова Наталья Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируется современное состояние режима самозанятости как модели ведения малого бизнеса в России. Авторы выявляют ряд критических рисков, скрытых за внешней простотой режима. Акцент уделяется проблеме пере-квалификации гражданско-правовых отношений в трудовые в свете разъяснений ФНС 2025 года. Статья охватывает финансовые, юридические и социальные аспекты, в том числе, ограничения масштабирования бизнеса, зависимость от цифровых платформ, отсутствие социальных гарантий и риски жестких санкций за нарушение налоговой дисциплины. Эффективность самозанятости ограничена строгими рамками индивидуальной деятельности, а выход за их пределы без смены организационной модели ведет к накоплению институциональных угроз для предпринимателя.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, НПД, предпринимательские риски, налоговый контроль, трудовые отношения, малый бизнес, цифровая зависимость, налоговая оптимизация, правовой статус самозанятых, институциональные ловушки.

Самозанятость за несколько лет превратилась из экспериментального налогового режима в один из самых популярных способов ведения небольшого бизнеса. Регистрация занимает несколько минут, налоговые ставки остаются низкими, отчетность в привычном для предпринимателя смысле отсутствует, а сам режим налога на про-

фессиональный доход действует в рамках эксперимента до 31 декабря 2028 года. ФНС прямо указывает на сохранение базовых параметров режима, включая предельный доход и ставки, что делает его удобным инструментом для тех, кто работает самостоятельно и не выстраивает сложную организационную модель бизнеса.

Самозанятость часто воспринимается как универсальная форма ведения дела, хотя по своей правовой природе она подходит далеко не для любой деятельности и далеко не на каждом этапе развития. Пока человек работает один, оказывает ограниченный круг услуг, не нуждается в наемных работниках и удерживает выручку в пределах допустимого лимита, режим действительно выглядит рациональным. Но как только деятельность начинает расти, появляются постоянные заказчики, элементы управленческой структуры, регулярные платежи, расходы на развитие и зависимость от одного контрагента, выясняется, что самозанятость перестает быть нейтральным налоговым выбором и начинает создавать риски уже не только для самого исполнителя, но и для его клиентов [1, с. 57].

Первый скрытый риск связан с тем, что самозанятость часто подменяет собой не предпринимательскую самостоятельность, а фактические трудовые отношения. Налоговая служба в своих разъяснениях 2025 года прямо называет признаки такой подмены, как то, выполнение работы на регулярной основе, отсутствие в договоре конкретного измеримого результата, фиксированное вознаграждение, длительный характер сотрудничества, подчинение правилам заказчика, контроль процесса работы, системность выплат и выполнение функций, по существу совпадающих со штатной должностью. ФНС отдельно подчеркивает, что, если самозанятый оказывает услуги из месяца в месяц одному и тому же заказчику, это рассма-

тривается как индикатор подмены трудовых отношений [5, с. 172].

Для бизнеса это означает риск доначисления НДФЛ и страховых взносов, а для самого самозанятого — риск утраты тех социальных гарантий, которые обычно связываются с трудовым договором. ФНС указывает, что в подобных ситуациях недобросовестный заказчик фактически экономит на обязательных платежах и социальных гарантиях, а работник лишается обычной защиты в части больничных, отпусков, пособий и иных гарантий трудового права. Юридически это выглядит как упрощение взаимодействия, но фактически речь часто идет о переносе всех издержек на более слабую сторону.

Второй риск носит финансовый характер и связан с ложным ощущением низкой налоговой нагрузки. Налог на профессиональный доход действительно проще и обычно ниже, чем совокупная нагрузка у классического малого бизнеса, однако самозанятый оплачивает эту простоту ограничением собственных возможностей. Он не вправе нанимать работников по трудовым договорам, а при превышении лимита дохода теряет право на режим. ФНС разъясняет, что при возникновении оснований, препятствующих применению НПД, налогоплательщик снимается с учета по решению налогового органа. В момент роста бизнеса это может означать резкий переход в иную налоговую и организационную реальность, к которой человек часто не готов ни документально, ни финансово.

Сведем ключевые скрытые риски в компактную таблицу.

Таблица 1. Скрытые риски самозанятости [6, с. 185]

Скрытый риск	В чем проявляется	Практическое последствие
Подмена трудовых отношений	Регулярная работа на одного заказчика, контроль процесса, фиксированные выплаты	Переквалификация отношений, доначисления налогов и взносов
Ограниченность роста	Нельзя нанимать работников, есть лимит по доходу	Необходимость срочной смены режима при расширении бизнеса
Зависимость от платформ и заказчиков	Доход формируется через 1–2 канала	Потеря заказчика ведет к резкому падению выручки
Слабая договорная защита	Работа часто строится на упрощенных договоренностях	Сложности со взысканием оплаты и защитой интересов
Нестабильность социального положения	Нет стандартного пакета трудовых гарантий	Риски при болезни, перерывах в работе, семейных обстоятельствах
Ошибки с чеками и налогом	Несвоевременная фиксация дохода, аннулирование чеков	Штрафы и претензии налогового органа

Третий риск связан с зависимостью самозанятого от цифровых платформ и крупных заказчиков. Формально самозанятый считается самостоятельным участником рынка, но экономически он нередко находится в положении зависимого исполнителя, для которого один агрегатор, маркетплейс или корпоративный клиент становится основным источником дохода. Внешне такая схема выглядит как свободная занятость, однако реальная свобода здесь ограничена: тарифы устанавливаются платформой, правила взаимодействия определяются платформой, по-

рядок допуска к заказам и фактическая видимость услуги также зависят от платформы. В результате самозанятость может маскировать не автономный бизнес, а уязвимую форму цифровой зависимости, при которой человек несет предпринимательский риск без полноты предпринимательских инструментов [3, с. 120].

Четвертый риск проявляется в слабой договорной дисциплине. Многие самозанятые работают либо вообще без письменного договора, либо на основании примитивных шаблонов, не приспособленных к реальному спору. Пока

отношения складываются добросовестно, это не выглядит проблемой. Но при задержке оплаты, споре о качестве, отказе принять результат работы или внезапном прекращении сотрудничества выясняется, что налоговый чек сам по себе не заменяет полноценного договорного регулирования. Самозанятый часто входит в спор без четко зафиксированного технического задания, сроков, порядка приемки, ответственности сторон и механизма урегулирования разногласий. Для микродоходов это кажется терпимым, но при более серьезных суммах такая правовая небрежность становится прямым бизнес-риском.

Пятый риск касается налоговой аккуратности. Самозанятость воспринимается как почти автоматический режим, но налоговый контроль здесь не исчезает, а меняет форму. ФНС в разъяснениях 2025 года отдельно указывала, что аннулирование чека в целях ухода от налога рассматривается как уклонение от уплаты, влечет проверку, доначисление и штраф, 20 % от суммы сделки, а при повторном нарушении в течение полугода — 100 %. Для многих самозанятых это неожиданно, поскольку сам режим психологически ассоциируется с максимально мягкой моделью контроля. На деле простота режима не означает безразличия государства к порядку фиксации доходов.

Шестой риск связан с отсутствием нормальной стратегии развития. Самозанятость хороша как стартовая форма работы, но плохо подходит в качестве долгосрочной модели для бизнеса, который претендует на масштабирование. Человек может годами оставаться в удобной оболочке простого режима, избегая решения организационных вопросов, не выстраивая бренд, не формируя резерв, не структурируя расходы и не переходя к более устойчивой модели предпринимательства. В результате режим, который должен был быть стартовой площадкой, превращается в потолок развития. Особенно заметно это в сферах, где рост требует команды, системных вложений, аренды, маркетинга и распределения функций [2, с. 20].

Существует социальный риск, который обычно недооценивается. Самозанятый может иметь хороший текущий доход, но его правовое и финансовое положение часто оказывается менее устойчивым, чем кажется со стороны. Перерывы в работе, болезни, сезонные провалы спроса, прекращение сотрудничества с крупным заказчиком и иные обычные для рынка обстоятельства сильнее бьют по человеку, который формально работает на себя, но фактически не накопил ни финансовой подушки, ни институциональных гарантий. Это не означает, что самозанятость плоха сама по себе. Это означает, что она требует большей финансовой дисциплины и более трезвой оценки собственного положения, чем обычная занятость.

Самозанятость особенно опасна как форма иллюзии для малого бизнеса. Она создает впечатление, будто можно долго вести полноценное дело без бухгалтерии, без кадровых решений, без договорной системы и без организационной структуры. Пока объем операций невелик, это действительно работает. Но как только бизнес становится сложнее, накопленные упрощения начинают работать против самого предпринимателя. Именно тогда скрытые риски выходят наружу: налоговые, трудовые, договорные, платформенные и социальные [4, с. 390].

Таким образом, самозанятость как способ ведения бизнеса эффективна лишь в тех пределах, в которых она соответствует своей исходной идее: индивидуальная деятельность без наемного труда, с ограниченным объемом оборота и с реальной самостоятельностью исполнителя. Во всех остальных случаях ее внешние преимущества могут оказаться формой отсроченной проблемы. Чем раньше человек или компания начинают воспринимать режим НПД не как универсальное решение, а как инструмент для строго определенных ситуаций, тем меньше вероятность, что простота входа в этот режим обернется сложными последствиями на стадии роста, конфликта или проверки.

Литература:

1. Мешкова, Н. А. Самозанятость с публично-правовым элементом (публично-правовая самозанятость) / Н. А. Мешкова // Юстиция Беларуси. — 2024. — № 12(273). — С. 57–62.
2. Алдыбаев, С. Н. Неформальная занятость и самозанятость: проблемы, тенденции, появление институтов, регулирующих неформальную занятость и самозанятость / С. Н. Алдыбаев // Аспирант. — 2020. — № 4(55). — С. 20–25.
3. Михалев, А. А. Самозанятость в региональном аспекте: проблемы регулирования социально-правового статуса / А. А. Михалев // Теория и практика общественного развития. — 2026. — № 1(213). — С. 120–127.
4. Свердликова, Е. А. Институционализация самозанятости: особенности профессиональной социализации в цифровой среде / Е. А. Свердликова, А. С. Селезнева // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: Сборник докладов VII всероссийского социологического конгресса, Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, 12–14 ноября 2025 года. — Москва: Российское общество социологов, 2025. — С. 390–398.
5. Джонмамадов, Ш. Б. Самозанятость населения: происхождение, причины ее роста и влияние на социально-экономические проблемы региона / Ш. Б. Джонмамадов // Вопросы гуманитарных наук (Хорог). — 2024. — № 1. — С. 172–179.
6. Мурзагалиева, Ж. Н. Самозанятость-угрозы экономической безопасности в России / Ж. Н. Мурзагалиева // Гуманитарные и правовые проблемы современной России: Материалы XVII всероссийской студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 27 апреля 2022 года. Том Часть 2. — НОВОСИБИРСК: Издательский центр Новосибирского государственного аграрного университета «Золотой колос», 2022. — С. 185–188.

Ответственность предпринимателя за нарушение антимонопольного законодательства

Гуренков Денис Александрович, студент

Научный руководитель: Пахаруков Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Иркутский национальный исследовательский технический университет

Статья посвящена исследованию ответственности предпринимателей за нарушения антимонопольного законодательства. Автор рассматривает основные положения российского законодательства, судебную практику последних лет, а также выявляет ключевые проблемы, возникающие в правоприменении. Предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования данной сферы деятельности.

Ключевые слова: предпринимательство, антимонопольное регулирование, ответственность, судебная практика, конкуренция.

Современная экономика России характеризуется активным развитием малого и среднего бизнеса, который играет важную роль в обеспечении экономического роста страны. Однако недостаточная защита конкуренции зачастую становится причиной злоупотреблений предпринимателями своими позициями на рынке. Вопросы соблюдения правил добросовестной конкуренции являются одними из ключевых аспектов развития предпринимательской среды. Несмотря на значительные усилия государства по улучшению ситуации, проблема остается актуальной.

Нарушение антимонопольного законодательства на сегодняшний день проявляется в различных формах, в таких как:

- создание препятствий другим участникам рынка;
- ограничение свободы экономической деятельности;
- заключение антиконкурентных соглашений между хозяйствующими субъектами;
- а также использование доминирующего положения на рынке и другие деяния.

В соответствии со ст.10 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1] установлен запрет на злоупотребления доминирующим положением на товарном рынке. Также согласно ч. 1 ст. 11 указанного ФЗ запрещены соглашения и согласованные действия между участниками рынка, приводящие к ограничению конкуренции.

Примером практического применения указанных положений служит случай из Обзора судебной практики, утверждённым Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 апреля 2025г [2], согласно которому Антимонопольный орган признал два общества и двух предпринимателей, действующих на одном товарном рынке, нарушившими п.2 ч.1 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции». Они заключили устное соглашение о поддержании цен на торгах, которые проводились на открытых аукционах в электронной форме. Суд установил, что в аукционах, где участники торгов участвовали раздельно, снижение начальной (максимальной) цены контрактов составило от 14,33 до 47,5 %, а в аукционах, где они участвовали совместно и без третьих лиц, снижение составило от 0,5 до 5 % от начальной (максимальной) цены контрактов.

Их соглашение было признано незаконным двух крупных производителей строительных материалов региона, существенно снизившее уровень ценовой конкуренции на местном рынке.

В качестве еще одного примера может выступить решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области о нарушении антимонопольного законодательства [3]. ООО ГК «НовТел» и ООО «СофтМолл» признаны виновными в нарушении п.2 ч.1 ст.11 ФЗ «О защите конкуренции». По мнению антимонопольного органа, между организациями было заключено соглашение, возможно в устной форме, согласно которому они, вступая в торги и делая лишь по одному минимально возможному ценовому шагу для обладания статусом «участник аукциона», отказывались от дальнейшей конкурентной борьбы, когда кроме них в торгах не принимали участие иные лица.

К сожалению, отсутствие четких критериев оценки поведения компаний на рынках порождает сложности в правоприменительной практике. Так, среди экспертов активно обсуждается целесообразность введения конкретных индикаторов уровня концентрации рынка, позволяющих определить признаки монополизации отрасли. Ряд исследований последних лет подтверждает необходимость детализированного подхода к оценке рыночной власти отдельных участников экономики. Например, В. С. Белых в своей научной работе, подчеркивает важность учета специфики цифровых рынков, где принципы определения рыночного доминирования отличаются от традиционных отраслей [4].

Также ФЗ № 135-ФЗ предусматривает широкий спектр санкций за нарушение антимонопольного законодательства — от административных штрафов до уголовной ответственности. Вместе с тем многие эксперты отмечают сложность доказывания вины нарушителей в рамках арбитражных процессов.

Проблема объективности доказательств усугубляется отсутствием единых стандартов анализа конкурентных ситуаций, особенно в новых секторах экономики, таких как IT-индустрия и цифровые платформы. Так, И. Н. Дехтярь и Е. Н. Кониная в своем исследовании делают вывод о не-

достаточности нормативно закреплённых методов анализа товарного рынка для определения доминирующего положения и состояния конкуренции в случае, если субъектами экономической деятельности выступают цифровые платформы, авторы обосновывают необходимость внесения изменений в антимонопольное законодательство РФ [5].

Судебная практика демонстрирует тенденцию к ужесточению контроля над крупными компаниями, однако малый бизнес часто сталкивается с чрезмерностью штрафных санкций даже за незначительные правонарушения. Данный дисбаланс требует тщательного изучения и разработки сбалансированных механизмов воздействия на различные категории предпринимателей. Например, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 24.10.2024г. малому предприятию назначили штраф в размере 1/2 минимального размера за нарушение лицензионных требований в жилищной сфере. Действия компании посягали на охраняемые общественные отношения и нарушали права граждан на комфортное и безопасное проживание в многоквартирном доме [6].

Практическая реализация положений законодательства сталкивается с рядом сложностей. Во-первых, квалификация действий хозяйствующих субъектов вызывает затруднения у судов ввиду отсутствия ясных критериев признания фактов ограничения конкуренции. Это приводит к разрозненности выводов судебных инстанций и создает условия для произвола надзорных органов. Во-вторых, механизм выявления картельных сговоров нуждается в модернизации. Зачастую информация о противоправных действиях поступает после того, когда что-либо уже сделано, что снижает эффективность предотвращения негативных последствий для потребителей и конкурентов. Кроме того, привлечение мелких предприятий к ответственности сопровождается значительным административным бременем и финансовым ущербом, что ставит под угрозу выживаемость многих малых компаний.

Исследования показывают растущую озабоченность общества проблемами цифровизации экономики и рисков злоупотреблений, связанных с технологическими платформами. Т. А. Кузовкова и Т. Ю. Салютина в своем научном исследовании, обращают внимание на влияние цифровой трансформации экономики и социума на экономическую безопасность бизнеса, на рост числа жалоб пользователей на дискриминационные алгоритмы онлайн-магазинов и необходимость внесения изменений в нормативные акты для регламентации такого поведения [7].

Анализируя конкретные дела, рассматриваемые судами в период 2020–2025 годов, видно увеличение количества споров, связанных с установлением необоснованных ценовых барьеров и условий входа на рынок. Особенно ярко этот тренд проявился в сегменте розничной торговли, где крупные сетевые ритейлеры использовали свое положение для вытеснения небольших местных игроков путем установления монопольно низких закупочных цен.

Решение вопроса может заключаться во введении гибкой системы мониторинга ценообразования и создании прозрачных процедур оценки влияния политики крупных компаний на экономику регионов.

Для улучшения правового регулирования конкуренции мы представляем следующие пути решения:

Одним из возможных направлений реформирования выступает повышение прозрачности процедуры принятия решений органами Федеральной антимонопольной службы РФ. Сегодня ФАС РФ имеет широкие полномочия по контролю за соблюдением антимонопольного законодательства, однако процесс выдачи предписаний нередко носит субъективный характер, что негативно отражается на деловой активности российских предпринимателей. Предлагается внедрить обязательную процедуру общественного обсуждения проектов постановлений ФАС РФ перед их утверждением, аналогичную существующей процедуре публичного обсуждения законопроектов. Такой подход позволит привлечь заинтересованные стороны и обеспечить принятие взвешенных решений.

Другой важный аспект — введение дифференцированного подхода к назначению наказаний в зависимости от масштаба предприятия-нарушителя. Малое предприятие должно нести меньшую административную нагрузку, поскольку возможные штрафы могут серьезно ограничить развитие бизнеса.

Наконец, актуальным представляется внедрение специальных программ подготовки сотрудников антимонопольных служб, направленной на повышение качества экспертизы экономических показателей и предотвращение ошибок в квалификации деяний предпринимателей.

Отметим, пример положительного опыта, который представлен внесенными изменениями в КоАП РФ [8] начиная с 2022г по 2024г. теперь вместо штрафа за первое нарушение выносят предупреждение, а размер штрафов для субъектов МСП, крупных компаний и социальных НКО снизился до уровня штрафов для ИП [9].

Таким образом, исследование показало наличие ряда существенных проблем в современной практике антимонопольного регулирования предпринимательской деятельности. Отмечается недостаточность инструментов оценки нарушений и несовершенства судебного разбирательства, что ведет к негативному влиянию на экономическое развитие страны.

Для повышения эффективности правовой охраны конкурентных отношений предлагается ввести следующие меры:

- 1) Уточнить критерии доминирования на рынке и повысить прозрачность процедур принятия решений ФАС РФ.
- 2) Разработать специальные механизмы взаимодействия антимонопольных органов с малыми предприятиями.
- 3) Провести обучение специалистов ФАС РФ для усиления экспертиз и качественного анализа ситуации на рынках.

Данные шаги позволят снизить количество конфликтных ситуаций и создать благоприятные условия для дальнейшего устойчивого развития отечественной экономики.

Литература:

1. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Обзора судебной практики, утверждённым Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 апреля 2025г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vsr.ru/documents/all/34364/> (дата обращения: 11.05.2025)
3. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 27 апреля 2022 г. по делу № А45–36274/2021 // Судебные и нормативные акты РФ — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IbKsRWkLleVd/> (дата обращения: 11.05.2025).
4. Белых, В. С. Проблемы и перспективы определения доминирующего положения в условиях цифровой экономики / В. С. Белых, М. О. Болобонова, К. А. Коньков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 11(75). — С. 202–210. (дата обращения: 13.05.2025)
5. Дехтярь, И. Н. Вопросы применения положений антимонопольного законодательства к деятельности цифровых платформ / И. Н. Дехтярь, Е. Н. Кониная // Гуманитарные и юридические исследования. — 2022. — Т. 9, № 1. — С. 111–117. (дата обращения: 13.05.2025)
6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2024 № 13АП-25378/2024 по делу № А56–33055/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Кузовкова, Т. А. Риски цифровой трансформации экономики и общества и инструментарий управления экономической безопасностью бизнеса в цифровой среде / Т. А. Кузовкова, Т. Ю. Салютин // Век качества. — 2024. — № 1. — С. 63–87. (дата обращения: 11.05.2025)
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Снижение административной нагрузки на малый бизнес. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kdelu.vtb.ru/articles/snizili-razmer-administrativnyh-shtrafov-dlya-subektov-msp-krupnyh-kompanij-i-soczialnyh-nko/> (дата обращения: 11.05.2025)

Проблемные вопросы регулирования имущественных отношений

Дергунова Дарья Ильинична, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванова Наталия Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье автор подверг анализу проблемные аспекты правового регулирования имущественных отношений супругов. Рассмотрен ряд правовых проблем и предложены пути решения.

Ключевые слова: имущественные отношения, семейное право, супруги, семейный кодекс, правовое регулирование, брачный договор.

Имущественные отношения составляют экономическую основу страны. Однако понимание правового регулирования, имущественных отношений определяется исследователями неоднозначно, что влечет за собой проблемы реализации норм права, регламентирующих эти отношения.

Гражданский кодекс многократно упоминает об охраняемых им отношениях в сфере имущественных прав, однако точного определения конкретного понятия в нем не содержится. Е. А. Суханов определяет имущественные отношения как отношения, складывающиеся по поводу материальных и некоторых материальных благ товарного характера [1].

Вопрос уплаты алиментов остается в Российской Федерации очень острым и дискуссионным. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г., показывает, что по статистике количество дел, связанных со взысканием алиментов, возрастает. Так, в 2012 году судами и мировыми судьями окончено производством 318 763 дела, а в 2014 году количество таких дел равнялось 328 714. В 2012 году с вынесением решения или судебного приказа окончено 308 402 дела, а в 2014 году таких дел было уже 317 799. Согласно отчету Федеральной службы судебных при-

ставов о ходе реализации публичной декларации целей и задач ФССП России за 9 месяцев 2017 года, количество исполнительных производств хоть и пошло на спад с 204,7 тыс. до 156,4 тыс., все равно остается довольно высоким. Кроме того, официальная статистика показывает, что каждый третий плательщик алиментов уклоняется от исполнения своих финансовых обязательств.

Взыскание алиментов на несовершеннолетних детей производится в двух формах:

1. В долевом отношении к доходу плательщика;
2. В твердой денежной сумме.

Что касается расчета алиментов, исходя из долевого соотношения к заработку плательщика, то доли, закрепленные современным законодательством, были установлены еще до Великой Отечественной войны Постановлением ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г.: на одного ребенка — 1/4, на двух детей — 1/3, на трех и более детей — 1/2 дохода родителей. По мнению М. В. Матвеевой, за прошедшие 80 лет произошли существенные изменения в экономике страны, в связи с которыми применение данной нормы не всегда будет способно удовлетворить интересы несовершеннолетнего. Вместе с тем, как показывает практика, встречаются случаи снижения судами установленной доли алиментов. Так, мировой судья г. Нальчика Кабардино-Балкарской Республики принял решение о взыскании с ответчика алиментов на двух детей в размере 1/5 доли всех видов заработка, мотивировав его высоким (более 45 000 руб.) заработком ответчика, кредитными обязательствами ответчика, а также наличием и у истца обязанности по содержанию детей. Данное решение было изменено апелляционным определением Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики, ответчику была назначена доля в 1/3 дохода.

Одним из актуальных вопросов в данной сфере заключается принятие двух и более отдельных решений по уплате алиментов плательщиком. Закон не предусматривает различия между единовременным взысканием алиментов на указанное количество детей и последовательным взысканием на каждого несовершеннолетнего. Так, Справка по результатам изучения судебной практики по делам, связанным с взысканием алиментов, рассмотренным в 2013 г. судами Приморского края содержит данные о судебном приказе о взыскании алиментов в размере 1/6 части дохода ежемесячно на содержание несовершеннолетнего ребенка ввиду того, что плательщик уже имеет обязанность по содержанию ребенка от первого брака. Таким образом, соблюдение долевого распределения алиментов, установленное Семейным кодексом, влечет к уменьшению доли дохода плательщика в отношении отдельного ребенка при последующем судебном решении.

В случаях, отдельно предусмотренных СК РФ, допускается взыскание алиментов в твердой денежной сумме. Их размер будет определяться установленным в субъекте РФ прожиточным минимумом и равняться произведению величины прожиточного минимума для конкретной социально-демографической группы населения, т. е. несовер-

шеннолетних, и коэффициента, который, согласно ст. 117 Семейного кодекса, устанавливающей порядок индексации алиментов, может быть как больше, так и меньше единицы [2]. Стоит отметить, что на практике данная форма определения размера алиментов является менее приоритетной по отношению к долевым. Так, Приволжский районный суд г. Самары рассматривал апелляционную жалобу истца ФИО1 об установлении порядка взыскания алиментов в твердой денежной сумме, мотивируя это тем, что ответчик ФИО2 регулярно менял место работы, за счет чего истцом считался его доход как нерегулярный. Суд оставил решение мирового судьи без изменения, пояснив, что в случае, когда заявлено требование о взыскании алиментов в твердой денежной сумме, однако имеются установленные законом основания для взыскания алиментов в долевом отношении к заработку (доходу), и такое взыскание будет в наибольшей степени отвечать интересам ребенка и не нарушать интересы сторон, суд вправе поставить на обсуждение сторон вопрос о взыскании алиментов указанным образом и вынести соответствующее решение.

Исследователями подчеркивается специфичность права собственности на алименты: их собственником считается сам несовершеннолетний, в то время как право распоряжения ими передается родителям (лицам, их заменяющим) ввиду недееспособности ребенка [3]. Так как на практике широко распространены случаи растраты алиментов родителями на свои нужды в противоречии с интересами несовершеннолетнего, закон предусматривает возможность перевода не более 50 % суммы алиментов на счет несовершеннолетнего в банке.

По действующему законодательству несовершеннолетний имеет право собственности на целый ряд видов имущества:

1. Полученные им доходы:

- а) стипендия;
- б) доходы от трудовой деятельности (ст. 63 Трудового кодекса РФ предусматривает ряд случаев заключения трудовых соглашений с несовершеннолетними в любом возрасте);
- в) доходы от предпринимательской деятельности;
- г) доходы от научной и творческой деятельности (Гражданский кодекс предусматривает право несовершеннолетних выступать в качестве авторов произведений науки, литературы и искусства);
- д) алименты, пенсии, пособия;

е) денежные средства на вкладах на имя несовершеннолетних и причитающиеся по ним проценты (по мнению М. В. Матвеевой, данное правило необходимо распространить не только в отношении вкладов, но и любых счетов, открытых в банках на имя несовершеннолетних);

2. Имущество:

а) полученное в дар. Данный пункт следует рассматривать в его более широком смысле, чем дарение, предусмотренное ГК РФ, поскольку несовершеннолетний в первую очередь приобретает право владения, пользования и распоряжения вещами (игрушками, одеждой, спортивными

принадлежностями и так далее) именно на основании дарения таких вещей родителями и другими родственниками. Рассматривая данное явление с точки зрения имущественных прав несовершеннолетнего, остается неясным, сохраняет ли несовершеннолетний право собственности на данные вещи либо же родителями предоставляется лишь право распоряжения ими. С одной стороны, ст. 38 Семейного кодекса защищает право сохранения собственности за такими вещами в случае раздела общего имущества супругов, согласно которой вещи, необходимые для удовлетворения потребностей несовершеннолетнего, передаются без компенсации супругу, с которым будут проживать его дети. С другой стороны, полноценное сохранение права собственности несовершеннолетнего в отношении этих вещей представляется не совсем целесообразным ввиду того, что в силу физических и психических изменений им утрачивается необходимость в таких вещах (он вырастает из одежды, перестает играть в игрушки, меняет хобби, в связи с чем принадлежности для предыдущего становятся ему не нужны). Исходя из этого, можно сделать вывод о необходимости дополнения законодательства, касающегося права собственности несовершеннолетнего на подаренные родителями вещи, следующей нормой: «Вещи, переданные несовершеннолетнему во владение, пользование и распоряжение с целью удовлетворения потребностей несовершеннолетнего в физическом, психическом и нравственном развитии, признаются собственностью несовершеннолетнего до тех пор, пока обусловлена необходимость в таких вещах или возможность их использования. Утрата необходимости несовершеннолетнего в таких вещах или возможности их использования с признанием самим несовершеннолетним такой утраты (возможности) являются основаниями для утраты права собственности несовершеннолетних на такие вещи и перехода такого права родителям (лицам, их заменяющим)»;

б) полученное в порядке наследования. Н. В. Ростовцева дополнительно подчеркивает право несовершеннолетних быть наследником в любом возрасте. Более того, наследственное право предусматривает защиту имущественных прав еще не родившегося наследника, зачатого при жизни наследодателя;

в) приобретенное на средства (доходы) несовершеннолетнего.

Право собственности несовершеннолетнего на доходы и имущество дополнительно охраняется органами опеки и попечительства. Ст. 37 Гражданского кодекса РФ, регулирующая порядок распоряжения имуществом подопечного, также распространяется на родителей в отношении имущества их детей. Так, распоряжение доходами несовершеннолетнего (кроме случаев самостоятельно распо-

ряжения им своими доходами) производится в интересах несовершеннолетнего и предварительного согласия органов опеки и попечительства. Также закон предусматривает максимально полноценную защиту имущества несовершеннолетнего в его количественном исчислении. Для совершения сделок по отчуждению имущества, одним из собственников которого является несовершеннолетний, требуется принять меры по сохранению или увеличению его доли в таком имуществе. Наиболее часто эта норма применяется при продаже приватизированной недвижимости, в ходе приватизации которой несовершеннолетние приобрели право собственности на долю такой недвижимости. В таком случае несовершеннолетнему должно быть обеспечено право собственности на другое жилое помещение (долю в другом жилом помещении), равное доле, принадлежавшей несовершеннолетнему в отчуждаемом жилом помещении, либо являющееся больше такой доли. При этом при совершении таких сделок обязательным требованием является наличие предварительного разрешения органов опеки и попечительства, а в спорных вопросах они наделены правом подачи иска в признании таких сделок недействительными.

Таким образом, современный этап развития семейного законодательства России характеризуется рассмотренными особенностями алиментных обязательств супругов и бывших супругов. Постоянное совершенствование законодательства в рассматриваемой области и разработка практических рекомендаций по выработке сбалансированной последовательной политики в сфере алиментных обязательств супругов и бывших супругов имеют большое значение, и это свидетельствует о несомненной актуальности рассмотрения вопросов алиментных обязательств в семейном праве.

Имущественные права несовершеннолетних не нашли в семейном законодательстве столь подробного отражения, как личные неимущественные. Это обуславливается тем, что имущественные отношения находятся на стыке отраслей права и, помимо семейного, регулируются также гражданским и жилищным законодательством. Имущественные права несовершеннолетних закрепляются в рамках Семейного кодекса в той мере, в какой они соответствуют их отношениям с членами семьи, в первую очередь с родителями (лицами, их заменяющими). При этом, как отмечает Н. А. Чавкина, современное действующее законодательство не отражает их имущественное положение как субъектов права. Подобные нормы не находят закрепления даже в международном праве; Конвенция о правах ребенка содержит только положение, обязывающее родителей содержать своих детей в пределах финансовых возможностей.

Литература:

1. Суханов Е. А. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов. М., Волтерс Клувер, 2006. С. 445.
2. Матвеева М. В. Права ребенка в семейном праве: проблемы законодательства, теории и практики: дис... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 43.

3. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю. и др. Семейное право: учебник. Под ред. П. В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. С. 215.

Классификация, виды и основные методы оперативно-розыскных мероприятий

Джалалян Карлен Манвелович, студент магистратуры

Научный руководитель: Репетева Олеся Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент

Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются теоретические и правовые основы классификации и видов оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) как важнейшего элемента оперативно-розыскной деятельности. Проанализированы различные научные подходы к их систематизации, а также положения Федерального закона № 144-ФЗ, определяющего правовые основания их проведения. Особое внимание уделено характеристике отдельных видов ОРМ, их содержанию и особенностям оформления полученных результатов, от которых зависит возможность их использования в уголовном процессе. Делается вывод о необходимости системного подхода к классификации и применению ОРМ для повышения эффективности работы правоохранительных органов.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, классификация ОРМ, виды ОРМ, методы ОРМ, Федеральный закон № 144-ФЗ, правоохранительные органы.

Оперативно-розыскная деятельность считается одним из ключевых институтов российского права, поскольку именно через нее обеспечивается защита личности, общества и государства от преступных посягательств. В системе правоохранительных органов особую роль играют оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), которые выступают основным инструментом получения сведений о признаках преступлений, лицах, их совершающих, а также о процессах, представляющих угрозу национальной безопасности. Нормативной базой для их осуществления, как известно, служит Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором закреплены виды таких мероприятий, основания, условия, порядок их проведения.

Проанализировав оперативную обстановку за 2025 год, можно сделать вывод о разнонаправленных тенденциях в структуре преступности. В прошлом, 2025 году общее количество зарегистрированных преступлений снизилось на 7,3 % по сравнению с 2024 годом — это минимальный показатель за последние 15 лет [7]. Отмечается также сокращение числа преступлений против личности на 9,2 %, убийств и покушений на убийство — на 11,8 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 14,8 %, но на фоне общего снижения преступности, можно отметить рост числа тяжких и особо тяжких преступлений (627,9 тыс. за прошлый год) [4]. Благодаря активному развитию искусственного интеллекта практически во всех сферах, стоит отметить значительное снижение киберпреступности — количество преступлений, связанных с использованием ИКТ уменьшилось на 11,8 % [7]. Эти данные говорят нам о высокой нагрузке на оперативные подразделения и необходимости дальнейшего совершенствования тактики проведения ОРМ.

Актуальность изучения классификации, видов и методов оперативно-розыскных мероприятий также определяется рядом факторов. Современная криминальная среда отличается высокой степенью организованности и активным использованием информационно-коммуникационных технологий, что требует адекватного реагирования со стороны правоохранительных органов и совершенствования оперативного инструментария. Наряду с этим в правоприменительной практике сохраняются спорные вопросы разграничения отдельных видов мероприятий, например, проверочной закупки и оперативного эксперимента. Немаловажной остается и проблема соблюдения баланса между эффективностью оперативной работы и обеспечением конституционных прав граждан.

Вопросы классификации оперативно-розыскных мероприятий традиционно находятся в центре внимания исследователей. В научной литературе сформировалось несколько подходов к их систематизации, каждый из которых опирается на собственные критерии. Так, Е. С. Дубоносов предлагает классифицировать ОРМ в зависимости от степени их воздействия на конституционные права граждан, выделяя мероприятия, не требующие судебного решения, и мероприятия, проведение которых возможно только на основании судебного акта [3, с. 143].

Иной подход представлен в работах О. В. Фирсова, который предлагает группировать ОРМ по их целевой направленности: мероприятия, направленные на получение информации; мероприятия, предполагающие непосредственное взаимодействие с объектом; а также мероприятия идентификационно-познавательного характера [8, с. 102].

С точки зрения способа получения информации интересен подход К. К. Горяинова, который выделяет вербальные, визуальные, документальные, технические и комбинированные мероприятия [6, с. 199]. Подобная система

представляется обоснованной, поскольку различные способы получения информации требуют применения различных тактических приемов и технических средств.

В целом, можно отметить, что перечисленные подходы не противоречат друг другу, а дополняют, формируя целостное представление о природе ОРМ.

Перечень оперативно-розыскных мероприятий закреплён в статье 6 Федерального закона № 144-ФЗ и носит закрытый характер. В настоящее время законодатель выделяет пятнадцать видов ОРМ: опрос, наведение справок, сбор образцов, проверочную закупку, наблюдение, обследование и иные мероприятия [10]. Каждое мероприятие обладает собственной спецификой. Так, опрос представляет собой получение информации от лиц, обладающих сведениями о событии преступления, и проводится вне рамок уголовно-процессуальной регламентации. Наведение справок предполагает сбор информации посредством запросов в различные организации и базы данных. Сбор образцов используется для последующего сравнительного исследования и установления принадлежности объектов.

Отдельную группу составляют мероприятия, связанные с исследованием материальных объектов. Исследование предметов и документов направлено на их анализ и выявление значимой информации. Наблюдение представляет собой негласное визуальное отслеживание объекта. Отождествление личности осуществляется по внешним и иным признакам. Обследование помещений и иных объектов направлено на обнаружение следов преступной деятельности и может проводиться как гласно, так и негласно.

Контроль почтовых отправлений и иных сообщений заключается в негласном ознакомлении с корреспонденцией и всегда требует судебного решения. Прослушивание телефонных переговоров позволяет фиксировать содержание общения и является одним из наиболее эффективных способов получения информации. Снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации расширяют возможности контроля в условиях цифровой среды.

Особую категорию составляют мероприятия, направленные на выявление преступной активности путем со-

здания определенных условий. Например, проверочная закупка используется для фиксации фактов незаконного сбыта, контролируемая поставка позволяет отслеживать перемещение запрещенных предметов, оперативный эксперимент применяется для проверки возможности совершения действий, оперативное внедрение связано с проникновением в преступную среду [9, с. 14].

Рассмотрим также методы ОРД. Они представляют собой совокупность приемов и способов, применяемых при проведении ОРМ, и включают как общенаучные методы, так и специальные, характерные именно для данной сферы [2, с. 144].

К числу специальных методов можно отнести оперативное наблюдение, которое может быть как стационарным, так и подвижным. Оперативный опрос предполагает получение сведений в неформальной обстановке с использованием тактических приемов. Метод оперативного документирования направлен на фиксацию полученной информации с помощью технических средств и служебных документов, а метод оперативной комбинации связан с созданием условий, при которых лицо проявляет противоправную активность [1, с. 134].

В современных условиях особое значение приобретают методы, основанные на использовании информационных технологий. Снятие информации с каналов связи и получение компьютерной информации позволяют осуществлять контроль в цифровой среде, однако требуют строгого соблюдения законности. Выбор конкретных методов зависит от характера задач, особенностей объекта и оперативной ситуации. При этом их применение должно соответствовать принципам законности, соблюдения прав граждан, сочетания гласных и негласных способов, а также конспирации.

Таким образом, можно сказать, что система оперативно-розыскных мероприятий представляет собой сложную и многоуровневую структуру, требующую от сотрудников не только теоретических знаний, но и практических навыков. Совершенствование классификации и методов ОРМ является важным условием повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности в современных условиях.

Литература:

1. Горяинов К. К. Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и методов оперативно-розыскной деятельности, применяемых в деятельности УИС / К. К. Горяинов, Е. В. Латынин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 4 (48). — С. 134–137.
2. Гусев В. А. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: общая часть: электронный учебник / В. А. Гусев, В. Ф. Луговик, А. Е. Чечётин [и др.]; под ред. В. А. Гусева. — Омск: Омская академия МВД России, 2021. — 251 с.
3. Дубонос Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для вузов / Е. С. Дубонос. — 8-е изд., перераб. и доп. — М: Юрайт, 2023. — 399 с.
4. Интерфакс. В России в 2025 году снизилось количество убийств, разбоев и квартирных краж [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1070022> (дата обращения: 25.03.2026).
5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ: (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.

6. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. — 3-е изд., доп. и перераб. — М: ИНФРА-М, 2005. — 918 с.
7. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Итоги работы за 2025 год: сокращение числа IT-преступлений на 11,8 % [Электронный ресурс] // МВД России. — URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 25.03.2026).
8. Фирсов О. В. Оперативно-розыскная деятельность в схемах и таблицах с комментариями: учебное пособие / О. В. Фирсов. — М: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 179 с.
9. Хромов Е. В. Особенности применения оперативного эксперимента и проверочной закупки / Е. В. Хромов, В. Ю. Зябликов // Законность. — 2022. — № 7. — С. 14–16.
10. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349. — Ст. 6.

Договор поставки: проблемы правового регулирования и ответственности сторон

Дичалаев Абдул-Малик Мухамбетович, студент;

Ахунц Артур Николаевич, студент

Научный руководитель: Мичурина Елена Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается договор поставки, который занимает одно из центральных мест в системе гражданско-правовых обязательств, опосредующих предпринимательский оборот. Несмотря на относительно устойчивое законодательное регулирование, правоприменительная практика свидетельствует о наличии ряда системных затруднений, не устранённых ни законодателем, ни разъяснениями высших судебных инстанций в полной мере.

Ключевые слова: правовое регулирование, договор поставки, поставщик, Гражданский кодекс, регулирование, ответственность, товары, методы, признаки.

Основу правового регулирования договора поставки в Российской Федерации составляет параграф 3 главы 30 Гражданского кодекса РФ (статьи 506–524). Согласно статье 506 ГК РФ: «По договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием» [1]. Данная дефиниция закрепляет квалифицирующие признаки договора, которые отличают его от смежных договорных конструкций, прежде всего от розничной купли-продажи.

Договор поставки является разновидностью купли-продажи — на это прямо указывает пункт 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» [2]. Вместе с тем отождествление этих двух договоров было бы методологически неверным: их объединяет лишь общая правовая цель — передача права собственности на товар, — тогда как субъектный состав, целевое назначение передаваемых товаров и порядок исполнения обязательств принципиально разграничиваются. В силу пункта 3 того же постановления, при разрешении споров, связанных с заклю-

чением и исполнением договора поставки, и отсутствии необходимых норм в параграфе 3 главы 30 ГК РФ суду надлежит исходить из норм, закреплённых в параграфе 1 главы 30, а при отсутствии таковых — руководствоваться общими положениями ГК РФ о договоре, обязательствах и сделках. Это правило субсидиарного применения норм является важнейшим ориентиром при восполнении пробелов специального регулирования.

Предметом договора поставки выступают товары — движимые вещи, производимые или закупаемые поставщиком. Существенными условиями признаются наименование и количество товара (пункт 3 статьи 455 ГК РФ) [1]. Что касается срока поставки, судебная практика исторически не отличалась единообразием: часть судебных решений квалифицировала срок как существенное условие, другая — допускала его восполнение посредством диспозитивных норм статьи 508 ГК РФ, согласно которой при отсутствии согласованных периодов поставки товары должны поставляться равномерными партиями помесечно. Тем не менее применительно к государственным контрактам арбитражные суды последовательно придерживаются позиции об обязательности согласования срока, поскольку требование о его включении носит императивный характер в силу специального законодательства о контрактной системе.

Диспозитивный метод правового регулирования, преобладающий в данной сфере, означает, что нормы закона

применяются по умолчанию лишь в тех случаях, когда стороны не воспользовались возможностью самостоятельно урегулировать соответствующие вопросы в тексте договора. Это создаёт широкое пространство для договорной свободы, но одновременно — источник конфликтов, когда условия договора сформулированы недостаточно определённо или противоречат друг другу.

Одним из устойчивых затруднений правоприменения остаётся квалификация договора. Согласно пункту 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 18, при квалификации правоотношения участников спора суд должен исходить из признаков договора поставки, установленных статьёй 506 ГК РФ, независимо от наименования договора, состава сторон и обозначения способа передачи товара в тексте документа. Это разъяснение принципиально важно: в хозяйственной практике нередко встречаются договоры, именуемые «договором поставки», хотя по своим существенным признакам они могут тяготеть к розничной купле-продаже или, напротив, к договору подряда, а также к смешанным договорам.

Конструкция смешанного договора, предусмотренная пунктом 3 статьи 421 ГК РФ, применительно к отношениям по поставке порождает самостоятельную проблему: к отношениям сторон по такому договору применяются в соответствующих частях правила о тех договорах, элементы которых в нём содержатся. Это означает, что при возникновении спора суд вынужден разграничивать договорные условия по нормативной принадлежности и применять к каждой части самостоятельный правовой режим. На практике это приводит к неоднозначным судебным решениям и затрудняет прогнозирование правовых рисков для сторон договора [3].

Разграничение договора поставки и договора купли-продажи по критерию субъектного состава также не лишено сложностей. Покупателем по договору поставки может выступать как коммерческая организация, так и индивидуальный предприниматель — при условии, что товар приобретается для предпринимательской деятельности или иных целей, не связанных с личным потреблением. Вместе с тем в судебной практике встречались случаи, когда стороны, будучи субъектами предпринимательской деятельности, формально соответствовали критериям договора поставки, однако фактический характер сделки свидетельствовал о её потребительской направленности, что влекло применение к ней норм о розничной купле-продаже. Следует признать, что целевой критерий использования товара с трудом поддаётся объективной проверке в ходе судебного разбирательства.

Нарушение сроков поставки является наиболее распространённым основанием для возникновения споров. Статья 508 ГК РФ предусматривает периодичность поставки, а статья 511 устанавливает обязанность поставщика восполнить недопоставку товара в следующих периодах в пределах срока действия договора, если стороны не установили иное. Понятие недопоставки — ситуации, при которой поставщик передал товар в объёме

меньшем, чем предусмотрено договором за соответствующий период, — было сформировано в значительной мере именно судебной практикой: законодатель упоминал о возможности её возникновения, не раскрывая при этом самого понятия. Данный пробел до настоящего времени не устранён путём законодательного закрепления дефиниции.

Принятие товара покупателем регулируется статьёй 513 ГК РФ, обязывающей покупателя совершить действия, необходимые для обеспечения передачи и получения товара. Ненадлежащее исполнение этой обязанности влечёт возникновение института ответственного хранения: в соответствии со статьёй 514 ГК РФ, если покупатель отказывается от переданного поставщиком товара, он обязан обеспечить сохранность этого товара и незамедлительно уведомить поставщика. В этом случае поставщик обязан вывезти товар или распорядиться им в разумный срок; необходимые расходы покупателя подлежат возмещению поставщиком. Данная норма направлена на защиту имущественных интересов обеих сторон, однако на практике нередко возникают разногласия относительно объёма расходов, подлежащих возмещению, и критериев «разумного срока» [1].

Порядок доставки товара урегулирован статьёй 510 ГК РФ. По общему правилу выбор вида транспорта и условий доставки принадлежит поставщику, если стороны не определили иное. В пункте 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 18 разъяснено, что расходы по доставке распределяются между сторонами в соответствии с договором, а при его молчании — исходя из существа обязательства. Вместе с тем на практике формулировка условия о доставке зачастую оказывается неполной или неопределённой, что порождает споры о распределении транспортных издержек и рисков случайной гибели товара в пути. Применение международных торговых терминов ИНКОТЕРМС, на которые ссылаются комментаторы, не является обязательным для внутреннего оборота, однако при наличии прямой ссылки в тексте договора арбитражные суды допускают их применение в качестве согласованных сторонами условий обязательства [4].

Качество товара — ещё одна область, где правовое регулирование оставляет значительное пространство для конфликтов. ГК РФ предусматривает, что в отсутствие специальных требований к качеству товар должен быть пригодным для целей, для которых товары такого рода обычно используются. Проблема, однако, состоит в том, что стороны нередко уклоняются от детального закрепления требований к качеству в тексте договора, ограничиваясь общими ссылками на ГОСТы или технические условия без конкретизации их содержания. В результате при поставке товара, формально соответствующего указанным стандартам, но не отвечающего ожиданиям покупателя, возникает спор о надлежащем исполнении договора.

Система ответственности по договору поставки строится на общих началах гражданско-правовой ответствен-

ности с учётом специальных норм, закреплённых в параграфе 3 главы 30 ГК РФ. Ответственность поставщика наступает за нарушение сроков поставки, передачу товара ненадлежащего качества или некомплектного товара, недопоставку, а также за неисполнение или ненадлежащее исполнение иных договорных условий. Ответственность покупателя связана прежде всего с нарушением обязанности по оплате товара и обязанности по его принятию.

Статья 521 ГК РФ устанавливает, что неустойка за недопоставку или просрочку поставки товаров взыскивается с поставщика до фактического исполнения обязательства в счёт возмещения всех периодов, в которых имела место недопоставка. Данная норма конкретизирует принцип реального исполнения обязательства применительно к dealings поставочным отношениям: уплата неустойки не освобождает поставщика от возмещения недопоставленного количества товара. Это правило имеет существенное практическое значение в условиях долгосрочных договоров с периодическими партиями поставки.

Убытки взыскиваются в соответствии со статьёй 524 ГК РФ, закрепляющей особый порядок их исчисления при расторжении договора. Согласно части 1 указанной статьи, если в разумный срок после расторжения договора вследствие нарушения обязательства продавцом покупатель купил у другого лица по более высокой, но разумной цене товар взамен предусмотренного договором, покупатель вправе предъявить продавцу требование о возмещении убытков в виде разницы между установленной в договоре ценой и ценой по совершённой взамен сделке. Применение этой нормы на практике сопряжено с необходимостью доказывания «разумности» новой цены, что само по себе является предметом судебного усмотрения и влечёт значительную вариативность судебных решений [5].

Для привлечения к ответственности за нарушение сроков поставки необходимо наличие причинно-следственной связи между противоправным поведением поставщика и наступившими убытками покупателя. Например, при нарушении сроков поставки покупатель может понести убытки в связи с отказом конечного потребителя от заказа, то есть не приобрести доходы, на которые рассчитывал при условии своевременной поставки. В силу части 2 статьи 401 ГК РФ отсутствие вины в таком случае доказывается поставщиком, поскольку он осуществляет предпринимательскую деятельность и несёт риски её осуществления.

Специального внимания заслуживает норма статьи 520 ГК РФ, предоставляющей покупателю право при недопоставке товаров или невыполнении требований об устранении их недостатков либо доукомплектовании приобрести товары у других лиц с отнесением всех необходимых и разумных расходов по их приобретению на поставщика. Данная мера является самостоятельным способом защиты имущественных интересов покупателя и не исключает взыскания неустойки или убытков по иным основаниям. Вместе с тем понятие «разумных расходов»

в контексте данной нормы также не получило однозначного толкования в судебной практике: в одних решениях суды исходят из рыночной цены аналогичного товара, в других принимают во внимание конкретные затраты покупателя.

Статья 523 ГК РФ допускает односторонний отказ от исполнения договора поставки при существенном нарушении его условий одной из сторон. Нарушение поставщика признаётся существенным в 2 случаях: при поставке товаров ненадлежащего качества с недостатками, которые не могут быть устранены в приемлемый для покупателя срок, и при неоднократном нарушении сроков поставки. Нарушение покупателя предполагается существенным при неоднократном нарушении сроков оплаты товаров и неоднократной невыборке товаров. Данный перечень является открытым: стороны вправе согласовать и иные основания для одностороннего отказа.

Вопрос о понятии «неоднократности» как квалифицирующего признака существенного нарушения не получил нормативного закрепления в ГК РФ. В силу правовой позиции, сложившейся в судебной практике, «неоднократность» предполагает совершение аналогичного нарушения не менее 2 раз. Однако данный вывод носит прецедентный, а не нормативный характер, что порождает неопределённость в ситуациях, когда, например, нарушение имело место 1 раз, но носило грубый систематический характер.

В соответствии с пунктом 20 Постановления Пленума ВАС РФ № 18, сторона, заявившая об одностороннем отказе в связи с существенным нарушением условий договора со стороны контрагента, вправе предъявить требования о возмещении убытков, причинённых расторжением или изменением договора. Согласно пункту 4 статьи 523 ГК РФ, договор поставки считается изменённым или расторгнутым с момента получения одной стороной уведомления другой стороны об одностороннем отказе от исполнения договора полностью или частично, если иной срок расторжения или изменения договора не предусмотрен в уведомлении либо не определён соглашением сторон. На практике стороны нередко уклоняются от направления надлежащего уведомления, что существенно осложняет определение момента прекращения договорных обязательств.

Введение в Гражданский кодекс РФ статьи 317.1 (Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ) породило широкую дискуссию о правовой природе законных процентов применительно к договорным отношениям по поставке. Согласно правовой позиции, сформулированной в пункте 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7, проценты, предусмотренные статьёй 317.1 ГК РФ, не являются мерой ответственности — в отличие от процентов по статье 395 ГК РФ — и представляют собой плату за пользование денежными средствами. Это разграничение принципиально важно для правильного применения данных институтов при рассмотрении споров о просрочке оплаты поставленного товара.

Другой актуальной проблемой является рамочный договор поставки, широко используемый в хозяйственной практике. Его заключение направлено на оформление длительных правоотношений, в рамках которых конкретные параметры каждой партии товара согласуются путём направления заявок или спецификаций. В правоприменительной практике возникают споры о квалификации разовых сделок, совершённых во исполнение такого рамочного договора: часть судов рассматривает их как самостоятельные договоры купли-продажи, другая — как составную часть единого рамочного обязательства. Данная неопределённость влияет на применение норм об исковой давности, порядке начисления неустойки и исчисления убытков. В науке гражданского права звучат предложения о законодательном закреплении рамочного договора поставки с определением его основных параметров, однако до настоящего времени данная конструкция не получила самостоятельного нормативного урегулирования в ГК РФ.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема доказательной базы при рассмотрении споров о ненадлежащем исполнении договора поставки. В условиях электронного документооборота стороны нередко согласовывают условия поставки путём обмена электронными сообщениями без использования квалифицированной электронной подписи. Суды по-разному оценивают доказательственное значение такой переписки: в одних слу-

чаях она признаётся достаточным подтверждением согласования условий договора, в других — отклоняется как ненадлежащее доказательство. Правовая неопределённость в этой области существенно повышает риски сторон при ведении хозяйственной деятельности.

Итак. Правовое регулирование договора поставки в российском гражданском праве характеризуется сочетанием развитой нормативной базы и устойчивого массива судебной арбитражной практики, ориентированной на восполнение существующих законодательных пробелов. Вместе с тем ряд проблем — отсутствие законодательного закрепления понятия недоставки, неопределённость критериев существенности нарушения договора, дискуссионность квалификации рамочных договоров, вариативность судебной оценки «разумных» цен и расходов — сохраняет своё значение и требует системного решения. Совершенствование законодательного регулирования в данной области представляется возможным как путём точечного уточнения действующих норм ГК РФ, так и посредством принятия разъяснений, обеспечивающих единообразное применение существующих правил в судебной практике. Концептуальная задача при этом состоит в нахождении баланса между диспозитивностью договорного права — обеспечивающей предпринимательскую свободу — и необходимостью защиты законных интересов добросовестных участников коммерческого оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023). Параграф 3 «Поставка товаров» главы 30 (статьи 506–524) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // Вестник ВАС РФ. — 1998. — № 3.
3. Макарова Я. В., Смирнова В. В. Проблемы правового регулирования договора поставки // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 4–2 (91). — С. 34–36.
4. Ветрова М. А. Особенности договора поставки в Российской Федерации // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dogovora-postavki-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 16.04.2026).
5. Темякова А. С. Общие проблемы правового регулирования договора поставки // Материалы научно-практической конференции: [электронный ресурс]. — URL: <http://conf.omua.ru/content/obshchie-problemy-pravovogo-regulirovaniya-dogovora-postavki> (дата обращения: 16.04.2026).

К вопросу об определении непосредственного объекта состава преступления о незаконном предпринимательстве (статья 171 УК РФ)

Добросельский Дмитрий Андреевич, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуются основные доктринальные подходы к определению непосредственного объекта незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). Предлагается определить непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, как совокупность общественных отношений в сфере охраны законодательно установленного порядка регистрации субъектов предпринимательской деятельности, получения ими лицензии или аккредитации

в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств при условии обязательности получения данных лицензий и аккредитаций.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, преступление, непосредственный объект состава преступления.

В соответствии с ч. 1 ст. 171 УК РФ под незаконным предпринимательством понимается осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств в случаях, когда такие лицензия, аккредитация в национальной системе аккредитации или аккредитация в сфере технического осмотра транспортных средств обязательны, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству [1].

В настоящее время наблюдается тенденция уменьшения количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение незаконного предпринимательства. Так, за 2020 год по ст. 171 УК РФ было осуждено 107 человек, за 2021 год — 151 человек, за 2022 год — 144 человека, за 2023 год — 176 человек, за 2024 год — 78 человек [2]. Это объясняется проводимой в нашей стране уголовно-правовой политикой смягчения уголовной ответственности для субъектов экономики в условиях высокого санкционного давления, необходимости быстрого обеспечения импортозамещения. Последствиями данного процесса стали многочисленные изменения, вносимые в ст. 171 УК РФ, что осложнило ее правоприменение, особенно в вопросе определения объекта рассматриваемого состава преступления.

В теории уголовного права в зависимости от степени конкретизации выделяют общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления. Смысл выделения непосредственного объекта преступления состоит в том, чтобы конкретизировать степень общественной опасности деяния и определить пределы преступного поведения. Именно благодаря правильному определению непосредственного объекта преступления возможно его отграничение от иных смежных составов правонарушений, что особенно актуально для ст. 171 УК РФ, так как она является общей нормой для целого ряда специальных уголовно-правовых норм — ст.ст. 171.2, 171.3, 171.4, 172, 222, 223, 234 УК РФ.

В доктрине уголовного права существует несколько основных подходов к определению непосредственного объекта незаконного предпринимательства.

Первый из них основывается на формулировании непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, как общественных отношений в сфере законодательно установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности. Представителями данного подхода являются И. С. Васильчиков [3, с. 23], В. Котин [4, с. 16], И. Н. Соловьев [5, с. 12], В. И. Тюнин [6, с. 27] и другие правоведы. Как отмечает Б. В. Волженкин, нарушение порядка ведения предпринимательства ведет к несоблюдению экономических прав и интересов общества и государства, так как в доход государства не поступают налоги и пошлины, уплачиваемые организа-

цией или индивидуальным предпринимателем в процессе прохождения процедуры государственной регистрации или получения лицензии на осуществление определенного вида деятельности [7, с. 156]. На наш взгляд, данный подход излишне широкий. В ст. 171 УК РФ в качестве преступного деяния признается лишь осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без обязательных разрешительных документов (лицензии или аккредитации), нарушение каких-либо иных основ порядка осуществления этой деятельности не охватывается рассматриваемым составом преступления.

Второй подход состоит в определении непосредственного объекта незаконного предпринимательства как общественных отношений в сфере осуществления предпринимательской деятельности. Представителями данной точки зрения (А. А. Павловым [8, с. 9], К. В. Питулько [9, с. 180], Т. Д. Устиновой [10, с. 27], Б. В. Яценко [11, с. 106]) исключается термин «порядок» из конструкции рассматриваемого элемента состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Представляется необоснованным подобное еще более расширительное толкование объекта незаконного предпринимательства, так как оно не позволяет отграничить незаконное предпринимательство от иных смежных составов преступлений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В осуществление предпринимательской деятельности, как и в порядок ее осуществления, включаются и иные, не связанные с государственной регистрацией или лицензированием, общественные отношения, которые диспозицией данной статьи не охватываются и не могут быть включены в состав непосредственного объекта.

Третий подход заключается в рассмотрении непосредственного объекта незаконного предпринимательства через призму прав, свобод и интересов, которые нарушаются при совершении рассматриваемого состава преступления. Так, Л. Д. Гаухман считает, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, являются «общественные отношения, обеспечивающие интересы экономической деятельности в сфере предпринимательства» [12, с. 138]. Автором не указывается, каким именно интересам наносится ущерб вследствие совершения преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Схожей позиции придерживается Ю. П. Кравец, выделяя в качестве непосредственного объекта интересы отдельных участников экономических отношений (потребителей, партнеров и т. д.), организаций, финансовые интересы государства [13, с. 92]. Рассмотрение непосредственного объекта через экономические интересы отдельных субъектов может относиться и к иным составам преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, вследствие чего данная позиция также не применима с точки зрения практического подхода и реализации назначения непосредственного объекта в уголовном праве.

Иной точки зрения придерживается С. А. Щеглова, согласно позиции которой непосредственным объектом незаконного предпринимательства являются «общественные отношения между регистрирующими органами, органами лицензирования и гражданами в части соблюдения процедур постановки на учет в качестве субъекта предпринимательской деятельности и получения разрешения на определенные законом виды хозяйственной деятельности» [14, с. 308]. Данное определение, исходя из буквального толкования диспозиции ч. 1 ст. 171 УК РФ, представляется наиболее верным, однако нуждается в некоторой корректировке в части использования термина «разрешение». В диспозиции ст. 171 УК РФ четко указан такой признак, как отсутствие лицензии, а не разрешения. Данный подход также закрепился в судебной практике. Кассационным постановлением Третьего кассационного суда общей юрисдикции отменен приговор нижестоящей инстанции. Одним из оснований для отмены послужило то, что «в апелляционном приговоре при описании преступного деяния суд апелляционной инстанции указал, что Черкасов Г. А., Нарышкин И. С., Тихашин И. С., Григорьев В. О., Григорьев И. О. (каждый) совершили незаконное предпринимательство, то есть осуществление

предпринимательской деятельности, без разрешения, совершенное организованной группой, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере. Между тем, диспозиция ст. 171 УК РФ предусматривает квалификацию незаконной предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии. Ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность без разрешения уголовным законом не предусмотрена» [15].

Таким образом, в настоящее время в доктрине уголовного права не выработано единого подхода к определению сущности непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Исходя из проанализированных положений доктрины, можно вывести следующую дефиницию рассматриваемого элемента состава преступления: непосредственным объектом незаконного предпринимательства являются общественные отношения в сфере охраны законодательно установленного порядка регистрации субъектов предпринимательской деятельности, получения ими лицензии или аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств при условии обязательности получения данных лицензий и аккредитаций.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Данные о назначенном наказании по статьям УК за 2020–2024 гг. [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ [сайт]. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 11.04.2026).
3. Васильчиков И. С. Преступления в сфере экономики / И. С. Васильчиков. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 220 с.
4. Котин В. Ответственность за лжепредпринимательство // Законность. 1997. № 6. С. 15–20.
5. Соловьев И. Н. Незаконное предпринимательство. Вопросы квалификации совокупности с налоговыми преступлениями // Следователь. 2002. № 3. С. 11–13.
6. Тюнин В. И. Уголовная ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт немаркированных товаров и продукции // Законность. 2000. № 1. С. 27–31.
7. Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. 296 с.
8. Павлов А. А. К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ // Вестник института: преступления, наказание, исправление. 2013. № 3. С. 9–11.
9. Питулько К. В. Уголовное право. Особенная часть: учебное пособие / под ред. Питулько К. В., Коряковцев В. В. Санкт-Петербург: Питер, 2010. 223 с.
10. Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: автореф. дис.... док. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2005. 54 с.
11. Яценко Б. В. Объект преступления / Б. В. Яценко // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева. В. В. Лунева, А. В. Наумова. Москва: Юрист, 2005. Гл. 7. С. 106–121.
12. Гаухман Л. Д. Преступления в сфере экономической деятельности. / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. М.: ЮрИнфоР, 1998. 294 с.
13. Кравец Ю. П. Ответственность за преступления в сфере предпринимательства по действующему законодательству // Государство и право. 1999. № 4. С. 90–94.
14. Щеглова С. А. К вопросу об определении объекта незаконного предпринимательства в сфере медицинского обслуживания и фармацевтической деятельности // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2014. № 3 (42). С. 305–308.
15. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2023 г. № 77–2837/2023 // Третий кассационный суд общей юрисдикции [сайт]. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15654101&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 11.04.2026).

Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 108 УК РФ

Епифанов Сергей Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Ишигеев Владимир Степанович, доктор юридических наук, профессор
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Автором статьи рассматриваются основные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 108 УК РФ. В числе таких проблем упоминается отсутствие внимания суда к конкретным обстоятельствам дела, невнимание к личности нападающего и обороняющегося. Итогом статьи становится вывод о том, что субъективность критериев и отсутствие конструкций для оценки действий обороняющегося или задерживающего лица требует внесения изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: необходимая оборона, Уголовный кодекс Российской Федерации, убийство, угроза, нападающий.

Институт необходимой обороны берет своё начало ещё в XI веке, когда происходило становление и формирование «полноценного» государства. Конфликты между людьми имеют место на протяжении всего существования человечества, и вопросы самозащиты всегда оставались востребованы и актуальны. Социально-политическая концепция базируется на «живом праве», то есть на системе правоотношений, которые постоянно развиваются. В соответствии с данной концепцией становление института необходимой обороны напрямую связано с обществом.

Статья 37 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает обстоятельство, исключающее преступность деяния, — необходимая оборона, что, по сути дела, является развитием и конкретизацией конституционной нормы в области реализации права человека на защиту.

Для того, чтобы оборонительные действия лица не превратились в уголовно наказуемые, действующим уголовным законодательством установлена совокупность требований, которые в науке уголовного права получили название условий правомерности необходимой обороны.

В теории уголовного права принято выделять несколько условий правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите.

Одно из таких условий связано с определенными объектами, которые подпадают под защиту в рамках ст. 37 УК РФ и в отношении которых в целом допустима защита. Законодатель закрепляет перечень объектов в ст. 37 УК РФ, относя туда не только личность и права обороняющегося или других лиц и их интересов, но и охраняемые законом интересы общества и государства [1].

Второе условие также прямо вытекает из положений ст. 37 УК РФ, а именно то, что потерпевшим может быть только посягающий, а не третье лицо.

Представляется необходимым более подробно остановиться на третьем условии, которое связано с соразмерностью защиты и посягательства, поскольку данное условие является наиболее оценочным и именно на этом основании обжалуется большинство судебных приговоров. Непосредственно связанным с данным условием является понятие о превышении пределов необходимой обороны,

которое означает совершение умышленных действий, которые явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства. При этом все условия совершения посягательства должны оцениваться правоприменителем в совокупности и только тогда можно дать правильную оценку соответствия защиты и посягательства.

Субъективность оценки данных условий приводит к тому, что по ст. 108 УК РФ осуждено сравнительно небольшое количество людей, в сравнении, например, со ст. 105 УК РФ или ст. 109 УК РФ. Так, согласно официальным данным портала «Судебная статистика РФ», за 2024 по этой статье осуждено 143 человека, оправдано — 8, в 2023 году осуждено 192 человека, оправдано — 3 [6].

Ж. В. Виденькина объясняет такое небольшое количество приговоров по данной статье тем, что чаще всего деяния, образующие состав преступления, предусмотренного ст. 108 УК РФ, квалифицируются как более тяжкое преступление — умышленное убийство, предусмотренное ст. 105 УК РФ [2]. Суд чаще всего исходит не из показаний обвиняемого или свидетеля, а из оценки повреждений, нанесенных потерпевшему. При этом суд оценил посягательство со стороны потерпевшего как «угрозу, не опасную для жизни и здоровья» [2]. Также причиной обжалования приговора часто становится неверная оценка судом всей обстановки произошедшего, а также отсутствие внимания к личности посягающего лица.

Безусловно, превышение пределов необходимой обороны может быть связано и с неверной оценкой лицом угрозы, которая исходит от оппонента. При этом потерпевшие часто сами становятся инициаторами конфликта и первыми начинают наносить повреждения обвиняемым, что должно учитываться судом. Ж. В. Виденькина приводит еще один пример аргументации судом своего решения: при рассмотрении одного из дел было установлено, что конфликт был спровоцирован потерпевшим, который набросился с ножом на обвиняемую, однако, в ходе конфликта нож перешел к обвиняемой. По мнению исследователя, факт перехода оружия не может говорить об изменении характера угрозы, однако, для суда данный аргумент стал решающим [2].

Э. Ф. Джаббаров в одной из своих статей обращает внимание на то, что признаки необходимой обороны не систематизированы в отдельный перечень в отечественном законодательстве, что также затрудняет квалификацию деяний по данной статье. Исследователь отмечает, что превышение пределов необходимой обороны связано с излишней интенсивностью защитных действий [4]. Однако здесь важно учитывать тот факт, что обороняющийся во время событий, предшествующих наступлению смерти оппонента, находится в состоянии стресса и не всегда имеет возможность объективно оценить исходящую угрозу и степень ее реальности. Действовать ему приходится быстро и без промедления, а в этом случае часто многие решения принимаются уже на рефлекторном уровне. Э. Ф. Джаббаров указывает на то, что в данном случае условные рефлексы, привычки часто служат негативную службу обвиняемым, если они относятся к военным или сотрудникам правоохранительных органов, поскольку отточенные годами службы привычки стимулируют быструю ответную реакцию на экстремальную ситуацию [4]. Поэтому суд в каждом случае должен отдельно рассматривать особенности совершения преступления, отдельные черты личности обвиняемого и потерпевшего.

Н. В. Шахов обращает внимание на сложившийся в практике обвинительный уклон при принятии решения в данных случаях. Сегодня обороняющееся лицо изначально ставится в невыгодное положение: ему сложно предвидеть умысел нападающего, последствия его противоправных действий и, соответственно, в сжатые сроки нападения, когда речь идет о сохранении жизни и здоровья обороняющегося или иного лица, соизмерить силу, с которой противодействие посягающему не станет преступлением [5]. Суды же считают, что, оказывая отпор, нужно так рассчитать свою силу, чтобы обеспечить свою безопасность, охладить пыл нападающего, но при этом не причинить ему вред.

М. Д. Гарилова в своей статье приводит перечень оправдательных обстоятельств, составленный ей на основании анализа приговоров по ст. 108 УК РФ:

- убийство, совершенное после предупредительного выстрела, если ему отказались подчиниться;
- убийство с применением ножа безоружных, но агрессивно настроенных нападавших, избивавших жертву;
- случайный удар ножом, отобранном у нападавшего, после высказанной последним угрозы убийством;
- причинение травмы в результате рикошета от предупредительного выстрела;
- убийство женой мужа, неоднократно избивавшего ее и угрожающего ножом, в ситуации, имеющей реальную угрозу жизни потерпевшего [3].

Однако законом данный перечень нигде не зафиксирован.

Подводя итог, мы делаем вывод, что в сложившейся практике при рассмотрении обстоятельств, образующих состав ст. 108 УК РФ, существуют такие проблемы, как неверная оценка судами фактических обстоятельств дела, а также отсутствие установленных законом конструкций для оценки действий обороняющегося или задерживающего лица. Преодоление данных проблем возможно путем дополнения ст. 108 УК РФ примечанием следующего содержания: «Исключают преступность деяния следующие действия, ставшие причиной смерти потерпевшего: убийство, совершенное после предупредительного выстрела, если ему отказались подчиниться; убийство с применением ножа безоружных, но агрессивно настроенных нападавших, избивавших жертву; случайный удар ножом, отобранном у нападавшего, после высказанной последним угрозы убийством; причинение травмы в результате рикошета от предупредительного выстрела; убийство женой мужа, неоднократно избивавшего ее и угрожающего ножом, в ситуации, имеющей реальную угрозу жизни потерпевшего».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026)// Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.09.1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Виденькина, Ж.В., Басин, Д. В. Актуальные проблемы квалификации убийств, предусмотренных статьей 108 УК РФ. На основе обзора правоприменительной практики/ Ж. В. Виденькина, Д. В. Басин// Закон и право. — 2019. — № 05. — С. 103–106.
3. Гарилова, М. Д. Проблемы квалификации при применении необходимой обороны: спорные вопросы и их решения/ М. Д. Гарилова// E-Scio. — 2021. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-pri-primenении-neobhodimoy-oborony-spornye-voprosy-i-ih-resheniya> (дата обращения: 01.04.2025)
4. Джаббаров, Э. Ф. Проблемные аспекты квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) / Э. Ф. Джаббаров // Молодой ученый. — 2022. — № 40 (435). — С. 80–83.
5. Шахов, Н. В. Теоретические проблемы квалификации преступлений по ст. 108 УК РФ/ Н. В. Шахов// Вопросы экономики и права. — 2022. — № 1 (163). — С. 40–44.
1. Судебная статистика РФ. — URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=mng5dsuwwa163096579> (дата обращения: 01.04.2025)

Обязательный финансовый контроль в деятельности предпринимателей: баланс между публичными интересами и банковской тайной

Жукова Анастасия Николаевна, студент

Научный руководитель: Рубцова Наталья Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается институт банковской тайны как частноправовой феномен, подвергшийся существенному влиянию публичноправового регулирования в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Анализируется содержание понятия банковской тайны, установленные законодательные основания для её раскрытия государственными органами, а также конфликт между публичными интересами государства и частноправовыми интересами субъектов предпринимательской деятельности. Автор обращает внимание на негативные последствия необоснованного применения ограничительных мер в рамках финансового мониторинга (блокирование операций, снижение деловой репутации, препятствование хозяйственной деятельности) и обосновывает необходимость баланса публичных и частных интересов. Предлагается совершенствование системы ПОД/ФТ путём чёткой регламентации оснований, порядка и пределов раскрытия сведений, содержащих банковскую тайну, усиления ответственности органов, допускающих её разглашение, и развития рискориентированного подхода в финансовом контроле деятельности.

Ключевые слова: банковская тайна, частноправовые интересы, публичные интересы, противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма, ПОД/ФТ, финансовый контроль, финансовый мониторинг, ограничение банковской тайны, деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности, рискориентированный подход, законность раскрытия.

Институт банковской тайны традиционно рассматривается как право, вытекающее из конституционных положений о неприкосновенности частной жизни, о личной и семейной тайне. Согласно положениям ст. 857 Гражданского кодекса РФ, банковская тайна включает сведения о банковском счёте и вкладе, операциях по счёту, а также о клиенте. В то же время по справедливому замечанию Грачева С. А., конкретизированный перечень сведений, содержащих банковскую тайну, не установлен законом и актами Банка России, ввиду чего банки самостоятельно исходят из его определения [3, С.12].

В соответствии с гражданским законодательством сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть переданы в бюро кредитных историй на законных основаниях, а также — в предусмотренных законом случаях — государственным органам и должностным лицам. Иными словами, право на банковскую тайну может быть ограничено законом.

Аналогичные положения закреплены в ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности». Специальное законодательство исходит из того, что сохранение банковской тайны является обязанностью служащих банков, если иное не предусмотрено федеральным законом. Указывается, что сведения, составляющие банковскую тайну, помимо самих клиентов, могут предоставляться судам, органам предварительного расследования, иным правоохранительным органам, налоговым органам, а также другим государственным органам в случаях проведения проверок, связанных с государственной службой, избирательным процессом или банкротством, а также при осуществлении деятельности по противодействию отмыванию доходов и коррупции — органам финансового контроля.

Таким образом, предоставление сведений, содержащих банковскую тайну, органам финансового контроля является лишь одним из оснований ограничения данного права. В данном случае следует исходить из положений ст. 55 Конституции Российской Федерации, допускающих ограничение прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны и безопасности государства, охраны нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц.

Таким образом, передача государственным органам сведений, составляющих банковскую тайну, в рамках публично-правового регулирования в целом представляется обоснованной, поскольку направлена на защиту публичных интересов и не должна использоваться в целях, противоречащих безопасности государства и его граждан. Противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), будучи одним из приоритетных направлений государственной политики, напрямую связано с охраной основ конституционного строя и обеспечением национальной безопасности.

Вместе с тем в рассматриваемой сфере объективно возникает конфликт между публичными интересами государства, реализуемыми через механизмы финансового контроля в системе ПОД/ФТ, и частноправовыми интересами субъектов предпринимательской деятельности, заинтересованных в сохранении конфиденциальности банковских операций. Как отмечает И. Ю. Кулагин, институт банковской тайны формировался изначально именно как частноправовой институт, но под влиянием международного права и деятельности таких организаций как ОЭСР и ФАТФ, этот частноправовой институт подвергся

влиянию публичной сферы [5, С.34]. В сфере финансового контроля разработка требований ФАТФ способствовала внедрению на национальном уровне комплаенс-контроля и активное вовлечение банков в деятельность и информационное взаимодействие с государственными органами по вопросам ПОД/ФТ [6, С.331].

Учитывая значимость публичного интереса, не следует нивелировать значение частноправового интереса на сохранение банковской тайны. Частный интерес носит легитимный характер, поскольку раскрытие информации о движении денежных средств, а также применение банками необоснованных ограничительных мер в рамках процедур финансового мониторинга (отказ в проведении операции, ограничение доступа проведению платежей, запрос информации о проводимой операции, и др.) способны оказывать негативное влияние на деловую репутацию хозяйствующих субъектов, их взаимоотношения с контрагентами и, в конечном счёте, на стабильность осуществления предпринимательской деятельности. По справедливому замечанию Восканян Р. О. и Вольдиминова Н. Г., особенно актуальна проблема разглашения банковской тайны в условиях цифровизации экономики и развития онлайн-банкинга, когда сведения о счетах и операциях клиентов банков используются для совершения мошеннических действий [2, С.38].

Дополнительные вопросы вызывает и сама модель функционирования системы ПОД/ФТ, в которой контроль не исключает вовлечения добросовестных субъектов в процедуры проверок и временные ограничения распоряжения денежными средствами. В результате, для добросовестных субъектов предпринимательской деятельности последствия контрольных мер с учетом налагаемых ограничений влечет более высокие негативные риски, чем реализация контроля в иных сферах государственного регулирования.

Указанный дисбаланс интересов, с одной стороны, обусловленный необходимостью обеспечения прозрачности финансовых потоков, а с другой — потребностью в свободном осуществлении предпринимательской деятельности, может привести к снижению уровня доверия к банковской системе со стороны предпринимателей. Одним из косвенных последствий этого может выступать переориентация части добросовестных субъектов на альтернативные инструменты хранения и перемещения активов, в том числе криптовалюты и виртуальные активы уровень контроля за которыми существенно ниже, а риски, согласно национальной оценке рисков в сфере отмывания доходов, высокие [7].

Таким образом, выявленная проблема не ограничивается рамками института банковской тайны, а затрагивает эффективность функционирования всей системы финансового мониторинга. Взаимообусловленность в данном случае проявляется в том, что передача информации, содержащей банковскую тайну, не должна полечь для добросовестного и законопослушного субъекта предпринимательской деятельности последствия, ущемляющие его

репутацию, наносящие убыток и препятствующие осуществлению им дальнейшей хозяйственной деятельности. В связи с этим достижение баланса публичных и частных интересов должно рассматриваться в качестве одного из ориентиров совершенствования механизма ПОД/ФТ.

Прежде всего, передача сведений, составляющих банковскую тайну, государственным органам должна осуществляться при условии минимизации коррупциогенных рисков, что предполагает чёткую регламентацию оснований, порядка и пределов такого раскрытия.

Кроме того, на субъектов, получающих доступ к соответствующей информации, включая должностных лиц Росфинмониторинга, возлагается обязанность по сохранению банковской тайны и ответственность за ее разглашение на основании ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395–1, включая обязанность по возмещению нанесенного ущерба. Такой механизм, как представляется, направлен на обеспечение баланса публичных и частных интересов, однако практика по его применению не распространена. Неоднозначность в то же время вызывают исключения из обязанности по неразглашению банковской тайны Росфинмониторингом.

В частности, исключением выступает право передавать информацию в правоохранительные органы и налоговые органы при наличии оснований, свидетельствующих о фактах ОД/ФТ. Однако судебное толкование пошло по пути расширения перечня органов, которым может быть передана соответствующая информация. К примеру, к ним отнесена Прокуратура РФ [1]. Судами также признается законной передача информации, содержащей банковскую тайну, в Минюст России [4], хотя в ст. 8 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ соответствующее основание прямо не предусмотрено. Как представляется, в обеспечение принципа законности требуется установление исчерпывающего перечня субъектов, которым могут быть переданы соответствующие данные, с учетом того, что основания по передаче сведений, содержащих банковскую тайну, устанавливаются законом.

Одновременно необходимо исключить возможность необоснованной инициации контрольно-надзорных мероприятий и применение ограничительных мер в отношении добросовестных субъектов предпринимательской деятельности, поскольку действующее законодательство с учетом положений ст. 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ устанавливает широкие полномочия для банка как агента финансового мониторинга. Согласно законодательству о ПОД/ФТ, ограничения могут налагаться в зависимости от меры от 5 до 30 дней.

Представляется принципиально важным, чтобы процедуры финансового контроля не приобретали характер фактического препятствия осуществлению хозяйственной деятельности. Применение мер в рамках ПОД/ФТ должно быть соразмерным выявленным рискам и не приводить к блокированию текущей деятельности хозяйствующих субъектов без достаточных на то оснований и надлежащего обоснования. В противном случае фи-

нансовый контроль утрачивает свою превентивную и защитную функцию и трансформируется в фактор негативного воздействия на экономическую деятельность, что может выражаться в снижении деловой активности, ухудшении финансового положения субъектов предпринимательства и, в крайних случаях, их банкротстве. В этой связи целесообразно дальнейшее развитие риск-ориентированного подхода при применении мер финансового

мониторинга и ускорению сроков проверки субъекта, на которого наложены ограничения. Также необходимо обеспечить возможность проведения расчетов по постоянным статьям расходов предпринимателей, поскольку основной интерес субъектов предпринимательства во взаимодействии с банками заключается в эффективной реализации расчетов с контрагентами, безопасного хранения и беспрепятственного движения денежных средств.

Литература:

1. Апелляционное определение СК по административным делам Московского городского суда от 05 декабря [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: 2023 г. по делу № 33а-7432/2023 <https://arbitr.garant.ru/#/document/338508058>(дата обращения 21.03.2026).
2. Восканян Р. О., Вольдимарова Н. Г. Проблемы регламентации уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны // Безопасность бизнеса. — 2021. — № 3. — С. 34–39.
3. Грачев С. А. Банковская тайна в уголовном судопроизводстве: коллизии толкования и правоприменения // Российский следователь. — 2021. — № 8. — С. 11–15.
4. Кассационное определение СК по административным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: от 17 января 2024 г. по делу № 8а-36679/2023 <https://arbitr.garant.ru/#/document/338114884> (дата обращения 21.03.2026).
5. Кулагин, И. Ю. Банковская тайна и ФАТФ / И. Ю. Кулагин // Наука XXI века: актуальные направления развития. — 2024. — № 2–2. — С. 329–333. С.331.
6. Кулагин И. Ю. Некоторые исторические и правовые аспекты зарождения, становления и кризиса института банковской тайны // Международное публичное и частное право. — 2025. — № 1. — С. 32–36.
7. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов 2021–2022 гг. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://www.fedsfm.ru/fm/nor> (дата обращения 21.03.2026).

Организация прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность

Загайнов Максим Романович, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье рассматриваются вопросы организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Анализируются правовые основы, цели, задачи и особенности прокурорского надзора в данной сфере, а также полномочия прокурора по выявлению, предупреждению и устранению нарушений закона. Особое внимание уделяется обеспечению законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, защите прав и свобод человека и гражданина, а также повышению эффективности взаимодействия прокуратуры с органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Делается вывод о значении прокурорского надзора как важнейшего механизма обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность, законность, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, полномочия прокурора.

Organization of prosecutor's oversight of law enforcement by agencies carrying out operational investigative activities

This article examines the organization of prosecutorial oversight of law enforcement by agencies carrying out operational investigative activities. It analyzes the legal foundations, goals, objectives, and specific features of prosecutorial oversight in this area, as well as the prosecutor's powers to identify, prevent, and eliminate violations of the law. Particular attention is paid to ensuring the rule of law during operational investigative activities, protecting human and civil rights and freedoms, and enhancing the effectiveness

of interaction between the prosecutor's office and agencies authorized to carry out operational investigative activities. It concludes that prosecutorial oversight is a crucial mechanism for ensuring the rule of law in law enforcement activities.

Keywords: prosecutorial oversight, operational investigative activities, rule of law, agencies carrying out operational investigative activities, prosecutor's powers.

Нормативно-правовое регулирование прокурорского надзора за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, представляет собой совокупность правовых норм, определяющих содержание, пределы, формы и методы надзорной деятельности прокуратуры в сфере обеспечения законности. Актуальность данной темы обусловлена тем, что оперативно-розыскная деятельность носит специфический характер, связанный с использованием негласных методов и средств, а также возможностью ограничения конституционных прав и свобод граждан. В этих условиях особое значение приобретает эффективный прокурорский надзор, позволяющий обеспечить баланс между необходимостью борьбы с преступностью и соблюдением прав человека [8].

Оперативно-розыскная деятельность направлена на выявление, предупреждение и раскрытие преступлений, а также на получение информации о лицах, их подготавливающих или совершающих. Вместе с тем ее скрытый характер и применение специальных технических средств создают риски злоупотреблений. В связи с этим законодатель сформировал систему нормативного регулирования, в рамках которой прокурорский надзор выступает ключевым элементом внешнего контроля за законностью действий оперативных подразделений.

Правовую основу прокурорского надзора составляют положения Конституции Российской Федерации, закрепляющие принципы законности, верховенства права и приоритета прав и свобод человека и гражданина [1]. Развитие этих положений осуществляется в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», который определяет статус прокуратуры, ее функции и полномочия в сфере надзора за исполнением законов [2]. Особое место занимает Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [3], регулирующий порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий и устанавливающий гарантии соблюдения прав граждан. Существенную роль играет и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, поскольку результаты оперативно-розыскной деятельности используются в уголовном судопроизводстве [4].

Нормативное регулирование предусматривает, что прокурорский надзор распространяется на все стадии организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Прокурор осуществляет проверку законности оснований для проведения таких мероприятий, правомерности решений должностных лиц и соблюдения установленного порядка их проведения. Особое внимание уделяется мероприятиям, связанным с ограничением конституционных прав, таким как контроль телефонных переговоров, получение информации о соединениях, про-

никновение в жилище и другие формы вмешательства в частную жизнь.

Важнейшим направлением прокурорского надзора является обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Законодательство обязывает прокурора предотвращать незаконное вмешательство в личную жизнь, нарушение тайны переписки и иных коммуникаций. В условиях развития информационных технологий данное направление приобретает особую значимость, поскольку расширяются возможности сбора и обработки информации о гражданах. В этой связи возрастает роль прокурора как гаранта законности и правопорядка.

Существенное значение имеет контроль за документированием оперативно-розыскных мероприятий. Закон требует, чтобы все действия оперативных подразделений были надлежащим образом оформлены и могли быть проверены с точки зрения законности. Прокурор анализирует материалы, служебные документы и отчеты, оценивает их соответствие требованиям закона, а также соблюдение режима секретности и защиты государственной тайны.

Нормативно-правовое регулирование предусматривает контроль за сроками проведения оперативно-розыскных мероприятий и сроками ведения соответствующих дел. Оперативные подразделения обязаны прекращать мероприятия при достижении их целей либо при отсутствии оснований для их продолжения. Прокурор осуществляет надзор за соблюдением этих требований, выявляет факты необоснованного продления мероприятий и принимает меры прокурорского реагирования [5].

Особое значение имеет контроль за использованием результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе. Прокурор оценивает законность получения таких материалов и их допустимость в качестве доказательств. Материалы, полученные с нарушением закона, не могут использоваться в уголовном судопроизводстве, что подчеркивает важность надзорной функции прокуратуры.

Нормативное регулирование закрепляет основные принципы прокурорского надзора, к которым относятся законность, объективность, независимость и публичность. Принцип законности предполагает строгое соблюдение требований законодательства, объективность — всестороннее и беспристрастное исследование обстоятельств, независимость — недопустимость вмешательства в деятельность прокурора, а публичность — обязательность реагирования на выявленные нарушения.

Значительную роль в формировании правовых основ прокурорского надзора играют решения Конституционного Суда Российской Федерации и практика Верховного Суда Российской Федерации. Эти органы формируют

правовые позиции, уточняющие пределы допустимого вмешательства в права граждан и устанавливающие стандарты оценки законности оперативно-розыскной деятельности [7].

Ведомственные нормативные акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации детализируют порядок организации надзорной деятельности, устанавливают требования к проведению проверок и оформлению актов прокурорского реагирования. Они обеспечивают единообразие практики и способствуют повышению эффективности надзора.

Важным элементом нормативного регулирования является порядок рассмотрения обращений граждан, связанных с возможными нарушениями их прав при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Прокурор обязан проверять такие обращения, истребовать необходимые материалы и принимать меры по восстановлению нарушенных прав [10].

Нормативно-правовое регулирование также предусматривает ответственность должностных лиц за нарушения законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Прокурор вправе инициировать привлечение виновных лиц к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности, а также принимать меры по восстановлению нарушенных прав граждан.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование прокурорского надзора за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, представляет собой сложную и многоуровневую систему правовых норм. Она направлена на обеспечение законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также повышение эффективности борьбы с преступностью. Прокурорский надзор в данной сфере выступает важнейшим инструментом обеспечения правопорядка и гарантией недопущения злоупотреблений со стороны органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности»
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025)
5. Афанасьева С. А. Прокурорский надзор за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы // Муниципальное право. — 2023. — № 7. — С. 41–49.
6. Гурина О. В. Формы государственного контроля (надзора): правовой анализ // Экономика и управление. — 2023. — № 2. — С. 75–84.
7. Дружинин А. В. Аккредитационный мониторинг как инструмент оценки соответствия образовательных программ высшего образования аккредитационным показателям // Юридические исследования. — 2022. — № 12. — С. 32–43.
8. Дружинин А. В. Внутренняя система оценки качества в образовательных организациях высшего образования в свете обязательных требований // Журнал юридических исследований. — 2023. — Т. 8. — № 4. — С. 26–35.
9. Лукашов А. И. Государственный финансовый контроль: современные вызовы и направления совершенствования // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2023. — № 1. — С. 20–38.
10. Машевская О. В. Контроль государства за распределением ресурсов: теоретический подход // Научный результат. Экономические исследования. — 2025. — Т. 11. — № 3. — С. 94–106.
11. Терентьева Н. Н. Риск-ориентированный подход в контрольно-надзорной деятельности: экономико-правовой аспект // Вектор экономики. — 2021. — № 12. — С. 112–121.
12. Фомин А. Г. Прокурорский надзор за соблюдением законности при применении мер административного принуждения // Журнал российского права. — 2024. — № 4. — С. 98–108.

Актуальные проблемы организации расследования отдельных видов мошенничества

Захаров Андрей Сергеевич, студент;

Фролов Глеб Александрович, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье анализируются актуальные проблемы организации расследования отдельных видов мошенничества на современном этапе. Особое внимание уделено вопросам, связанным с усложнением схем преступной деятельности, активным использованием цифровых технологий и средств коммуникаций, а также недостаточной разработанностью криминалистической методики для новых способов совершения мошенничества. Рассматриваются трудности взаимо-

действия правоохранительных органов с банками, операторами связи и специалистами, а также проблемы квалификации и доказывания умысла при расследовании преступлений. Подчеркивается необходимость постоянного повышения квалификации следователей и улучшения инструментов для пресечения и качественного расследования мошенничества. В работе предлагаются направления совершенствования организации расследования и анализ существующей структуры. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность расследования и обеспечить более надёжную защиту прав и законных интересов граждан и организаций.

Ключевые слова: мошенничество, расследование, криминалистика, организация расследования преступлений, актуальные проблемы, цифровые технологии, кибермошенничество, квалификация преступлений.

Организация расследования в широком смысле представляет собой сложный вид интеллектуальной деятельности, осуществляемой следователем, целью которого является структурирование и упорядочивание системы расследования. Что касается групповой принадлежности преступлений, в настоящее время мошенничество является одним из наиболее частых совершаемых преступлений.

Каждое совершаемое преступление имеет собственную специфическую криминалистическую характеристику, но исходя из методики расследования, их можно объединить в типовые структуры. Применяя данный тезис к расследованию мошенничества, его можно разделить на группы, исходя из Уголовного кодекса Российской Федерации:

- 1) организация расследования мошенничества в сфере кредитования;
- 2) организация расследования мошенничества при получении выплат;
- 3) организация расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа;
- 4) организация расследования мошенничества в сфере страхования;
- 5) организация расследования мошенничества в сфере компьютерной информации [4];

Рассмотрим актуальные проблемы организации отдельных видов мошенничества и проанализируем их:

1. Усложнение механизма совершения преступлений

Мошенники используют сразу несколько каналов связи: телефонные звонки, СМС, электронную почту, мессенджеры, фишинговые сайты. За первый квартал 2026 года было заблокировано более 107 млн подозрительных звонков и почти полмиллиарда мошеннических СМС, что на 18 % больше, чем годом ранее. Это требует от правоохранительных органов новых подходов к анализу цифровых следов и координации с операторами связи [3].

Данный факт обусловлен расширением возможностей создания организованных групп мошенников в сети «Интернет», а также недостаточная квалификация следователей в области информационных технологий и анализа больших данных. Преступления становятся всё более высокотехнологичными, а преступники — более подготовленными технически.

2. Использование современных научно-технических средств для совершения мошенничества.

Преступники активно применяют методы поиска потенциальных жертв мошенничества, вредоносное ПО,

удалённый доступ к устройствам, а также возможность вывода незаконно полученных денежных средств — через цифровые зашифрованные карты, которые в настоящее время невозможно отследить. Также, организаторы мошенничества, действующие из-за рубежа, размещают на территории РФ специальные программно-аппаратные комплексы, позволяющие переадресовывать иностранные звонки на номера российских операторов.

Российский законодатель предпринимает все усилия для взятия сложившейся ситуации под контроль. В 2026 году расширен перечень признаков мошеннических операций, которые банки обязаны отслеживать, включая нетипичную активность, смену номера телефона, наличие вредоносного ПО на устройстве клиента и др.

3. Проблемы взаимодействия между банками, операторами связи и правоохранительными органами

Несмотря на усиление контроля, мошенники продолжают обходить системы защиты, используя фиктивные названия компаний, личные номера сотрудников и другие методы. Эффективное расследование требует оперативного обмена информацией между банками, операторами связи и госорганами, однако на практике этот процесс не всегда отлажен.

4. Рост числа заявлений и сложность доказывания

С 2025 года упрощена подача заявлений о мошенничестве через банковские приложения, что привело к увеличению числа обращений, в том числе по небольшим суммам. Однако процесс доказывания вины банка или мошенника остаётся сложным: требуется сбор доказательств, подтверждающих факт обмана или некачественной проверки операции, а самым трудным этапом является вычисление самого субъекта мошенничества.

Проанализировав основные проблемы мошенничества, необходимо проработать механизм действий следователя по расследованию мошеннических преступлений. Профессор В. Д. Зеленский разделяет организацию расследования преступлений на несколько взаимосвязанных элементов: структурирование упорядочение, целеполагание, планирование, взаимодействие, обеспечение и руководство расследованием. [2, с. 43] Необходимо поэтапно применить данную структуру для решения основных проблем организации расследования мошенничества:

Структурирование — первоначальный этап организации расследования, представляющий собой процесс конкретизации элементов расследования и их взаимосвязи. Следователь изучает криминалистическую характе-

ристику конкретного вида мошенничества, а также содержание методики расследования. При помощи методики следователь определяет и комплектует известные ему факты, а также определяет следственные действия, необходимые при расследовании.

Что касается методики расследования мошенничества, особое внимание в ней уделяется первоначальным неотложным следственным действиям, таким как осмотр места происшествия, осмотр документов, допрос свидетелей-очевидцев и назначение судебной экспертизы. Также, стоит обратить внимание, что при совершении мошенничества с использованием электронных средств платежа и в сфере компьютерной информации, допрос подозреваемого на первоначальном этапе не представляется возможным, так как в большинстве случаев он оказывается неустановленным лицом, поэтому, главной целью для планомерного и качественного расследования служит установление подозреваемого.

Вторым этапом организации расследования является упорядочение, это связанная со структурированием деятельности, целью которой является определение порядка функционирования каждого из элементов расследования на основе их взаимосвязи и методики расследования мошенничества. Структурирование и упорядочение протекают во всей организации, составляют сущность организационно-аналитического процесса [1, с 144]

Целеполагание — Деятельность по построению первоначальных следственных версий и определению обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, а также имеющих значение для расследования.

При формировании тактических целей расследования, формируется предмет расследования. Применительно к расследованию мошенничества, первоначальные следственные ситуации могут быть таковыми:

1. Подозреваемый задержан непосредственно на месте совершения преступления, либо его личность и местонахождение установлены. В подобной ситуации проводятся такие следственные действия, как задержание и личный обыск подозреваемого, его допрос, обыск, допрос потерпевшего или лица, а также допрос свидетелей. Кроме того, осуществляется осмотр места происшествия, исследуются документы, даются поручения на проведение оперативно-розыскных мероприятий

2. Подозреваемый не задержан, однако у следствия есть определённые сведения, позволяющие его установить. В этом случае проводятся допрос потерпевшего, изъятие и осмотр предметов и документов, полученных

от подозреваемого, осмотр места происшествия и допрос свидетелей. Также осуществляется предъявление для опознания лиц, заподозренных в совершении преступления, по их фотографиям, и поручается проведение оперативно-розыскных мероприятий.

3. Личность подозреваемого установлена, но его действия имитируются сделками, совершенными законно. В таких ситуациях анализируются характер и правовая основа операций, совершённых подозреваемым. Производятся выемка и осмотр документов, связанных со сделкой, устанавливаются и допрашиваются должностные лица, содействовавшие её оформлению (например, нотариусы, бухгалтеры, сотрудники банков и других организаций), проводятся обыски по месту жительства и работы подозреваемых. Необходимо также проведение оперативно-розыскных мероприятий для выявления следов преступной деятельности, установления местонахождения похищенного имущества и выявления лиц, причастных к совершению преступления, установлению в ходе его производства.

Рассмотрев типичные следственные версии мошенничества, перейдем к следующему этапу — обеспечение оптимального производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятия для оптимизации расследования. Применительно к расследованию мошенничества, необходимо грамотно построить тактику по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий с целью полного изобличения подозреваемого в совершении преступления. Важную роль играют исследование предметов и документов, снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации.

Заключительным этапом, завершающим организацию расследования мошенничества, является управление процессом расследования со стороны следователя. Именно он определяет следственные действия, проводимые для расследования, а также дает поручения по проведению оперативно-розыскных мероприятий.

Подводя итог исследованию, можно прийти к выводу, что в современных условиях расследование отдельных видов мошенничества сталкивается с рядом системных проблем, которые требуют комплексного решения. Основными трудностями остаются недостаточная квалификация следователей, а также сложности, связанные с цифровизацией преступной деятельности. Особое внимание следует уделить развитию криминалистических средств и методов, направленных на выявление и фиксацию цифровых следов.

Литература:

1. Зеленский В. Д. Организация расследования преступлений: основные положения: монография / В. Д. Зеленский. — Москва: Юрлитинформ, 2025. — 158 с.
2. Зеленский В. Д., Агеев Н. В. О структуре организационного процесса отдельного расследования // Вестник Самарского юридического института. 2019. С. 42–45
3. Тренды мошенничества в 2026 году: от простых атак к сложным схемам // РБК 2026. 08 апреля. URL: <https://vo.plus.rbc.ru/pressrelease/69d66bcd7a8aa9c48ccc9c2c> (дата обращения: 14.04.2026).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 — № 25 — ст. 2954.

Некоторые проблемы квалификации убийства в состоянии аффекта

Игнатьков Антон Витальевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Кравченко Ирина Олеговна, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье исследуются современные проблемы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта, с учетом действующей редакции ст. 107 УК РФ, актуальной судебной практики и новейших междисциплинарных подходов, сформировавшихся на стыке уголовного права, судебной психологии и психиатрии. Особое внимание уделяется терминологической неопределенности соотношения категорий «сильное душевное волнение» и «аффект».

Ключевые слова: убийство в состоянии аффекта, аффект, сильное душевное волнение, статья 107 УК РФ, квалификация преступлений.

Some problems of qualification of murder in a state of passion

The article examines contemporary issues involved in the legal qualification of murder committed in a state of affect, taking into account the current wording of Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation, relevant judicial practice, and the latest interdisciplinary approaches developed at the intersection of criminal law, forensic psychology, and psychiatry. Special attention is paid to the terminological uncertainty in the correlation between the categories of «sudden intense emotional disturbance» and «affect».

Keywords: murder committed in a state of affect, affect, sudden intense emotional disturbance, Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation, qualification of crimes.

В системе преступлений против жизни убийство, совершенное в состоянии аффекта, занимает особое место, поскольку представляет собой привилегированный состав, в котором законодатель сознательно смягчает уголовную ответственность субъекта.

Как отмечал Бабичев А. Г.: «...состояние виновного во время совершения убийства аффектом, отечественный законодатель не различает также аффект физиологический — состояние психического расстройства, не исключающее вменяемости, и аффект патологический — психическое расстройство, исключающее вменяемость и являющееся субъективным основанием, исключающим ответственность за содеянное...» [6, С. 91]. Это уже вопрос нейрофизиологический и психологический, и не так связан с вопросом квалификации, потому рассмотрен в настоящем исследовании не будет. Однако стоит отметить, что уголовный закон фактически сближает, а во многом и отождествляет понятия «внезапно возникшее сильное душевное волнение» и «аффект». В современной литературе эта формула продолжает вызывать критику, поскольку психологическая категория аффекта значительно уже и строже, чем широкое эмоционально насыщенное состояние, обозначаемое как сильное душевное волнение.

В новейших работах 2025 года подчеркивается, что такая терминологическая недоработка создает риск подмены юридически значимого аффекта любым фактором

«эмоциональной короткости» («взрыва эмоций»), который не достигает степени, способной существенно ограничить осознанно-волевою регуляцию поведения лица. Отсюда вытекает ключевая методологическая трудность квалификации по ст. 107 УК РФ, поскольку такая квалификация требует установления не просто сильной эмоции, а именно такого эмоционального состояния, которое возникло внезапно, имело непосредственную причинную связь с «провокационным» поведением потерпевшего и повлияло на способность субъекта осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, не исключая при этом вменяемости полностью.

При этом особо подчеркивается необходимость отличать «аффект» от сходных эмоциональных реакций, в частности от «кумулятивного аффекта», когда причиной является не психогенное поведение потерпевшего в психотравмирующей ситуации, а в результате внутреннего когнитивного «замыкания» и «возгорания» эмоционального возбуждения самим субъектом. Отметим, что Пленум Верховного суда РФ на данный вопрос ответа не дал.

Именно разграничение аффекта и иных эмоциональных состояний составляет одну из наиболее острых практических проблем. Исследование К. М. Солдатовой, основанное на массиве из 1572 судебных решений за 2013–2023 гг., показывает, что, хотя в целом между выводами экспертов и судебной квалификацией чаще наблю-

дается согласованность, наиболее конфликтной зоной остается интерпретация индивидуально-психологических особенностей обвиняемого и их значения для вывода о наличии либо отсутствии юридически значимого аффекта [3, С. 34–36]. Автор также фиксирует случаи, когда суд, формально соглашаясь либо не соглашаясь с экспертами, фактически подменяет психологический критерий собственным усмотрением, что создает риск либо неоправданного расширения, либо, наоборот, чрезмерного сужения сферы применения ст. 107 УК РФ, в частности, «...назначение судебной экспертизы при рассмотрении аффективных преступлений реализуется только в половине актов (45 %) (с 2013 по 2023 гг.). В 28 % (441 случай) суд не назначал экспертизы на предмет психического и/или психологического состояния подсудимого на момент совершения им правонарушения. При этом в 10 % (155 случаев) суд самостоятельно устанавливал сильное душевное волнение, либо посредством использования стандартных психологических формулировок, либо основываясь на юридическом критерии аморальности. Остальные 18 % решений (286 случаев) с отказом в большинстве своем ссылаются на отсутствие вышеуказанного юридического критерия и также используют феноменологическую оценку эмоционального состояния подсудимого в момент совершения инкриминируемого деяния («отсутствовала эмоциональная вспышка высокой степени, которая тормозила бы его сознательную интеллектуальную деятельность» и др.)»

Следовательно, в современный период проблема квалификации убийства в состоянии аффекта переместилась из сугубо догматической плоскости уголовного права в междисциплинарную. Суд уже не может ограничиться констатацией того, что потерпевший вел себя аморально или противоправно, а обвиняемый был «сильно взволнован». Для правомерной квалификации необходимо установить сложный комплекс обстоятельств: характер провоцирующего поведения потерпевшего, его субъективную значимость для виновного, внезапность эмоциональной реакции, временную близость между провокацией и убийством, отсутствие предварительного обдумывания мести, а также сохранение причинной связи между психотравмирующим воздействием и насильственным результатом, жизненно важные органы в качестве областей насильственного воздействия подсудимого, использование орудия, имеющего высокую поражающую способность и способного нанести значительный ущерб человеку, подробность описания и возможность воспроизведения в памяти, многократность насильственного воздействия и др.

Особое место среди проблем в квалификации занимает вопрос о временном интервале между поведением потерпевшего и причинением смерти. Буквальное понимание признака «внезапности» нередко вводит правоприменителя в заблуждение, будто ст. 107 УК РФ применима исключительно к ситуации мгновенной реакции, почти совпадающей по времени с оскорблением или насилием. Однако сама диспозиция статьи, включающая длительную

психотравмирующую ситуацию, свидетельствует о том, что уголовный закон признает модель аффекта, когда эмоциональное напряжение накапливается постепенно, а последующее, иногда внешне не самое тяжкое действие потерпевшего становится спусковым механизмом аффективного «всплеска» эмоций. Именно здесь начинается один из самых сложных моментов разграничения.

Если между систематическим унижающим или насильственным поведением потерпевшего и убийством имеется понятная причинно-следственная связь, выраженная в сохранении эмоционального напряжения и очередной провокации, то речь может идти о кумулятивном аффекте. Если же накопленное раздражение трансформировалось в устойчивую месть, в обдуманный план возмездия, в выбор времени, места и орудия, то привилегированный состав отпадает, а содеянное должно квалифицироваться по общей норме об убийстве (ст. 105 УК РФ). Современные психологические исследования как раз подчеркивают, что внешнее сходство криминальной стадии не отменяет различия психологических механизмов: аффект и условное «самовзвинчивание» могут выглядеть похоже, но возникают и развиваются качественно по-разному [2, С. 142].

Еще одной существенной проблемой является оценка провоцирующего поведения потерпевшего. Статья 107 УК РФ использует одновременно конкретные и оценочные категории: «насилие», «издевательство», «тяжкое оскорбление», «иные противоправные или аморальные действия (бездействие)». С одной стороны, такая конструкция позволяет учитывать многообразие жизненных ситуаций; с другой стороны, она открывает пространство для опасной моральной релятивизации, при которой в качестве «аморального» начинают интерпретироваться действия, не обладающие достаточной степенью объективной унизительности или противоправности. Поэтому в науке обоснованно подчеркивается, что поведение потерпевшего должно быть не просто неприятным для виновного, а юридически и социально значимым раздражителем, способным объяснить возникновение именно аффективной реакции, а не обычного раздражения, ревности или эгоцентрической агрессии [4, С. 531].

Например, виновный, будучи в состоянии алкогольного опьянения, нанес ножом-бабочка потерпевшему (своему собутыльнику, нанесшему ему оскорбления) колото-резаное ранение в область левого подреберья. По заключению комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, виновный в момент инкриминируемого деяния не находился в состоянии аффекта, вызванного экстремальным (однократным) психотравмирующим воздействием либо длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с поведением погибшего, либо в ином выраженном эмоциональном состоянии (возбуждения, напряжения), оказывающем существенное влияние на его сознание и поведение (т. 2 л.д. 78–80). То есть это дело в очередной раз показывает, что «эмоциональный взрыв» во вменяемом состоянии в части одномоментных оскорблений в ходе ссоры или иных одномо-

ментных действий при почти бытовых обстоятельствах не могут являться основанием для рассмотрения вопроса о квалификации преступления в качестве аффективного. На этом фоне особенно важным становится вопрос о роли комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Современная литература и эмпирические исследования не поддерживают ни крайность, при которой суд полностью перекладывает решение вопроса об аффекте на эксперта, ни противоположную крайность, при которой экспертное заключение рассматривается в качестве не имеющего главенствующую роль доказательств, а весь процесс ложится на судебное усмотрение. Более убедительной представляется позиция, согласно которой эксперт устанавливает психологическую структуру состояния, его динамику и влияние на осознанно-волевую регуляцию, тогда как окончательная уголовно-правовая квалификация остается за судом. Но эта формула работает только тогда, когда суд не искажает смысл экспертных выводов и не подменяет научные критерии житейскими представлениями. Именно в этой точке, как показывает анализ судебных решений, возникают наиболее заметные проблемы квалификации.

В условиях современного общества рассматриваемая проблематика обретает особую актуальность. Конфликтные ситуации все чаще формируются в цифровой среде, где психологическое насилие, систематическая травля, распространение унижающих сведений, публичное оскорбление в социальных сетях и иные формы цифрового давления способны выступать не менее значимыми психотравмирующими факторами, чем офлайн-воздействие. Именно поэтому «современный век» ме-

няет не столько формальную диспозицию ст. 107 УК РФ, сколько содержательную сложность ее применения: источники травматизации становятся более разнообразными, латентными и растянутыми во времени, а доказательственная база смещается в сферу цифровых следов, переписки, аудиозаписей, публикаций и длительных паттернов коммуникации.

Представляется, что дальнейшее развитие правового регулирования и практики должно идти не по пути чрезмерного расширения привилегированного состава, а по пути его концептуального уточнения. Во-первых, назрела необходимость более последовательного разграничения в законе и в судебных разъяснениях категорий «сильное душевное волнение» и «аффект». Во-вторых, требуется более детальная позиция Верховного Суда РФ о критериях кумулятивного аффекта, о допустимом временном интервале между очередной провокацией и убийством, а также о роли цифровой психотравмирующей среды. В-третьих, судебная практика нуждается в унифицированном подходе к оценке экспертных заключений, исключающем как их абсолютизацию, так и произвольное игнорирование. Наконец, в делах данной категории необходима особая осторожность в моральной оценке поведения потерпевшего, чтобы привилегированный состав не превращался в средство скрытой легитимации мстительного насилия.

Именно здесь, на стыке уголовного права, судебной психологии, психиатрии и современной конфликтологии, решается вопрос о справедливой квалификации, и пока законодательство остается прежним, основная нагрузка по обеспечению должного толкования обстоятельств в контексте раскрытия «идеи» законодателя ложится на суд, эксперта и органы следствия [5, С. 235].

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Сафуанов Ф. С., Солдатова К. М. Уголовно-релевантный аффект и реакция самовзвинчивания // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 140–151.
3. Солдатова К. М. Анализ судебных решений по преступлениям, включающих вопрос о квалификации аффекта // Психология и право. 2025. Т. 15. № 2. С. 34–46.
4. Кульманова А. О. Понятие и уголовно-правовое значение аффекта при совершении убийства // Вестник науки. 2025. № 12 (93). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-ugolovno-pravovoe-znachenie-afekta-pri-sovshenii-ubiystva> (дата обращения: 14.03.2026).
5. Пилипенко А. А. Актуальные вопросы теории и практики квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Epomen.Global. 2025. № 65. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-teorii-i-praktiki-kvalifikatsii-ubiystva-sovshennogo-v-sostoyanii-afekta> (дата обращения: 14.03.2026).
6. Бабичев А. Г. Уголовное законодательство об ответственности за убийство в состоянии «оправданного» аффекта: системная характеристика и серьезный анализ // ВЭПС. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-zakonodatelstvo-ob-otvetstvennosti-za-ubiystvo-v-sostoyanii-opravdannogo-afekta-sistemnaya-harakteristika-i-kriticheskyy> (дата обращения: 12.02.2026).

Зарубежный опыт правового регулирования в области сохранения и защиты региональных языков

Казымова Шафаг Шакир кызы, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует особенности правового регулирования в сфере языковой политики по вопросам сохранения и защиты региональных языков, а также языковых прав национальных меньшинств в ряде зарубежных стран. Проводится ретроспективный анализ становления основ правового регулирования языковой политики в таких странах, как Канада, Швейцария и Индия, а также определяются ее характерные черты на примере каждого государства.

Ключевые слова: зарубежный опыт, региональные языки, языковое меньшинство, языковая политика, билингвизм, мультикультурализм.

Сохранность языков национальных меньшинств — это проблема, актуальная для каждого государства, в составе которого проживают малочисленные народы. Особенно острый характер данная проблема приобретает в настоящее время в связи с возрастанием масштабов глобализационных процессов и все большим размыванием границ между разными культурами. Подобные процессы имеют ряд положительных черт, однако анализ данных тенденций приводит к пониманию того, что именно стремление к сохранению культурного многообразия, в частности, в рамках языковой политики, является важным фактором устойчивого и гармоничного развития многонациональных государств.

Важно обратить внимание на то, что исследования зарубежного опыта по защите региональных языков имеют особую ценность в связи с наличием ряда проблем в сфере правового регулирования данного вопроса в нашей стране [2]. При этом стоит заметить, что опыт международной практики по данному вопросу довольно обширен, стран, для которых актуальны проблемы реализации языковых прав граждан, весьма немало. Однако, очевидно, что основная цель языковой политики имеет схожий характер и для каждого из анализируемых государств — это, так или иначе, но сохранение единства внутри страны. При этом, конечно, пути достижения этой цели совершенно разные и в каждом из случаев языковая политика имеет множество своих особенностей, обусловленных культурными, историческими, территориальными и рядом других факторов.

В современной Канаде активно поддерживаются и защищаются два официальных языка — английский и французский — и одновременно признается важность сохранения языков коренных народов и, что особенно интересно, языков иммигрантов. Конечно, корни языковой политики Канады уходят в далекое колониальное прошлое, когда само становление государства началось с совместного проживания французского и английского сообществ. Однако наиболее ценно отметить, что во второй половине XX в. в стране ярко обострились сепаратистские настроения, которые создали угрозу целостности федерации. Одним из основных факторов, способствовавших созданию такой ситуации, являлся языковой фактор, выразившийся в недовольствах франкофонов, т. е. франко-

говорящей части населения и одновременно в мощном подъеме квебекского национального движения. Несмотря на формальное закрепление двух официальных языков — английского и французского — французский язык оставался языком меньшинства, что остро ощущалось в провинции Квебек. Особенная роль в решении острых противоречий в данной период была отведена так называемой комиссии Лорендо-Дантона (1963–1969 гг.), которая провела всестороннее исследование языковой ситуации в стране и заложила основу для формирования ключевых принципов по защите языковых прав в Канаде — это принцип языкового многообразия и билингвизма. Стоит отметить, что такая языковая политика была удивительно эффективна, и в результате привела не только к признанию и повышенному использованию французского языка наравне с английским в самых разных провинциях государства, но и в Квебеке французы начали признавать канадский французский язык законным подвидом стандартного французского языка [4]. Заметим, что несмотря на федеральные гарантии, сфера образования и культуры в стране находятся в том числе в юрисдикции провинций. Это означает, что каждая провинция имеет право разрабатывать свою собственную языковую политику, которая может значительно отличаться от федеральной и от политики других провинций. Собственно, Квебек — это единственная провинция с франкоязычным большинством, которая является ярким примером провинциальной автономии в языковой политике.

Отдельного внимания заслуживает опыт правового регулирования языковых прав иммигрантов, чьи языки также можно внести в категорию региональных языков Канады. Ключевая ценность, которой следует правительство Канады — это установка, направленная на продвижение «мультикультурализма в рамках официального двуязычия», что предполагает использование официальных языков для коммуникации между различными этническими группами при сохранении приверженности принципам мультикультурализма [6]. Государство и различные организации здесь активно работают над тем, чтобы языковые права иммигрантов имели реальные пути реализации. Среди таких путей можно выделить: бесплатные программы изучения английского и французского языков,

услуги по переводу информации, информационные материалы, предоставленные на различных языках, поддержка в трудоустройстве, программы адаптации и ряд других.

Анализ опыта правового регулирования статуса региональных языков на примере Канады демонстрирует, что официальное закрепление статуса языка меньшинства на конституционном уровне недостаточно. Необходимо правовая гарантия защищенности языка, включающая реализацию конкретных действий, среди которых: предоставление равных возможностей получения образования на официальных языках, использование его в государственном управлении, расширение представительства языковых меньшинств в федеральных органах власти и других. Зачастую реализация правовых гарантий сохранности региональных языков имеет больший успех при наделении административных единиц рядом автономий, позволяющих ориентироваться на исторические, культурные и иные особенности конкретной местности.

Швейцария представляет собой одно из наиболее децентрализованных государств Европы, в котором столетиями мирно сосуществуют 4 разных официальных языка в условиях существования 26 кантонов. Как федерация данная страна также имеет свои характерные особенности, которые представляют особый исследовательский интерес. Конституция Швейцарии признает четыре национальных языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Из них немецкий, французский и итальянский являются официальными языками на федеральном уровне, что означает их равный статус в сферах законодательства, управления и судопроизводства. Среди ключевых принципов, обеспечивающих успешность политики, направленной на защиту региональных языков, можно обозначить следующие: равноправие языков, свободный языковой выбор и принцип языковой территориальности. Принцип равноправия языков является краеугольным камнем швейцарской языковой политики. Принцип свободного языкового выбора дополняет принцип равноправия языков, предоставляя индивидуумам право использовать предпочитаемый ими язык в различных сферах жизни. Однако этот принцип имеет свои ограничения, особенно в контексте языковой территориальности. Стоит заметить, что в Швейцарии границы языковые и внутригосударственные не совпадают, то есть в ряде кантонов наблюдается ситуация многоязычности. Каждый кантон самостоятельно определяет свои официальные языки. Большинство кантонов являются одноязычными (немецкий, французский или итальянский), но есть и двуязычные (например, Берн, Фрибур, Вале) и даже трехязычный кантон Граубюнден (немецкий, ретороманский, итальянский). В двуязычных кантонах оба языка имеют равный статус в администрации, образовании и общественной жизни. Несмотря на то, что ретороманский является национальным, но не официальным языком на федеральном уровне, Конституция обязывает Конфедерацию поддерживать его сохранение и развитие. Это выражается в финансовой поддержке кантона Граубюнден, где

ретороманский является официальным языком, а также в признании его в качестве языка общения между ретороманцами и федеральными властями [1].

Особенностью швейцарской языковой политики является то, что лингвистические границы не совпадают с границами политическими, экономическими и религиозными, в отличие от многих других многоязычных стран. Так, принцип территориальности способствует сохранению языковых границ, предотвращает ассимиляцию и обеспечивает стабильность языкового ландшафта. Он также упрощает администрирование, поскольку государственные органы работают на одном или нескольких четко определенных языках. Здесь можно заметить одну интересную особенность: если человек переезжает, например, из немецкоязычного кантона в франкоязычный, он должен адаптироваться к официальному языку нового места жительства. Принцип территориальности способствует сохранению языковых границ, предотвращает ассимиляцию и обеспечивает стабильность языкового ландшафта. При этом, несмотря на определенную правовую строгость принципа, существуют определенные исключения и механизмы гибкости, особенно в пограничных регионах и в кантонах с несколькими официальными языками. Например, в двуязычных кантонах государственные услуги предоставляются на обоих языках.

Опыт в сфере языковой политики такой страны как Индия можно с уверенностью назвать уникальным. Численность населения Индии составляет около 1,2 млрд. человек, при этом, в этом многонациональном государстве исследователи насчитывают порядка 3000 языков, из которых 22 признаны официальными [3]. Государственными языками являются хинди и английский, статус которых закреплен на конституционном уровне. Общеизвестно, что английский язык существует на территории Индии с периода нахождения ее в составе колоний Великобритании. Однако после обретения в 1947 г. независимости в стране начались острые дискуссии касаясь статуса и значения английского языка в индийском обществе, а также в принципе выбора официального государственного языка. Язык воспринимался важной частью самоидентификации, наряду с религией и споры относительно выбора официального языка действительно имели непростой характер и были ярко эмоционально окрашены. Важно обратить внимание на то, что в столь сложный для страны период члены от каждого регионального представительства в Учредительном собрании готовы были идти на уступки и не требовали того, чтобы их язык — распространенные тамильский и бенгальский — был выбран в качестве официального — они соглашались на становление главенствующей роли языка хинди, однако ожидали уступок от хиндиязычной части собрания. Выбор тогда пал на язык хинди, как на язык большинства, но предполагалось что к 1965 г. он повсеместно заменит английский язык. Однако, с течением времени было обнаружено, что английский язык выполняет важную «миротворческую» функцию — его официальный статус и распространенность позволяли снизить

градус напряженности в обществе в условиях борьбы за главенствующую роль «своих» языков. Так, английский язык приобрел нейтральный характер, стал широко употребляемыми и даже престижным. Однако признание языка хинди в качестве официального стало важным фактором сплочения нации и формированием национального суверенитета. Также важной особенностью языковой политики стала так называемая «трехязычная формула», которая предполагала, что человек, окончивший среднюю школу, будет владеть тремя языками — хинди, английским и родным [5]. Что, надо отметить, было вновь своего рода компромиссом в условиях столь яркого лингвистического плюрализма, который можно наблюдать в Индии и по сей день. Наряду с этим, важным в правовом регулировании статуса региональных языков в данной стране стало административно-территориальное разделение, при котором учитывались доминирующие региональные языки, иными словами, власти выделили так называемые языковые провинции, благодаря чему административные единицы совпадали с центром расположения конкретного языкового ареала.

В целом, языковая политика Индии имела довольно гибкий характер, ее успешность обусловлена поиском и нахождением компромиссов и одновременно в понимании

роли языка как связующего звена. Обострение языкового вопроса могло угрожать территориальной целостности страны, обострению межнациональных конфликтов и поэтому данный опыт свидетельствует о важности компромиссного подхода и проявлению толерантности как языковой, так и национальной.

Таким образом, в настоящей работе были проанализированы ключевые особенности правового регулирования в области защиты и сохранения региональных языков в таких странах как Канада, Швейцария и Индия. Выявленные особенности, а также принципиальные основы языковых политик в данных государствах были обусловлены весьма непростыми историческими событиями, а также социально-политическими угрозами. Изучение зарубежного опыта позволяет выявлять наиболее успешные пути реализации конституционных и языковых прав граждан. Так, например, опыт Канады с ее политикой официального двуязычия может быть полезен для стран, сталкивающихся с необходимостью управления двумя или более крупными языковыми группами. Швейцария, с ее четырьмя официальными языками и развитой системой кантонального самоуправления, демонстрирует, как можно успешно управлять языковым разнообразием без ущерба для национального единства.

Литература:

1. Зарипова, А. Р. Языковая политика Швейцарии в условиях федерализма / А. Р. Зарипова, Я. П. Кузнецов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2023. — Т. 23, № 2. — С. 221–226.
2. Казымова, Ш. Ш. Ключевые проблемы в вопросе конституционно-правового регулирования статуса государственных языков в субъектах Российской Федерации / Ш. Ш. Казымова // Историко-правовой, философский и социокультурный опыт развития российской государственности: Сборник докладов по материалам II Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 06 ноября 2025 года. — Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2025. — С. 390–394.
3. Курченкова, Е. А. Характеристики языковой политики в Индии и Нигерии / Е. А. Курченкова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. — 2015. — № 2(61). — С. 60–65.
4. Максимова, О. Б. Языковая политика Канады в отношении иммигрантов / О. Б. Максимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10–1(76). — С. 138–141.
5. Чуприна, М. В. Языковая политика в Республике Индия / М. В. Чуприна // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 2. — С. 293–297.
6. Шитова, Е. А. Языковая политика: становление англо-французского двуязычия в Квебеке / Е. А. Шитова // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 марта 2017 года. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2017. — С. 52–55.

Особенности возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетних

Каймакова Анастасия Ивановна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена особенностям возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетних. В качестве опоры автор использует обзор судебной практики и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации с целью выявления характерных особенностей производства следственных действий в отношении несовершеннолетних лиц.

Критический анализ позволяет сделать вывод о том, что возбуждение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего имеет свою специфику, требует от правоприменителя всестороннего и полного исследования обстоятельств совершенного деяния и учета особенностей личности.

Ключевые слова: несовершеннолетний, возбуждение уголовного дела, законный представитель, возраст уголовной ответственности.

В уголовно-процессуальном законодательстве существуют некоторые особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Это особые процессуальные правила производства по делам о преступлениях несовершеннолетних, которые установлены законом с учетом возрастных, психических, психологических и физиологических свойств и состояний лиц, не достигших совершеннолетия. Кроме того, этот сегмент процессуальной деятельности нуждается в повышенном внимании со стороны законодательства, так как необходимо четкое понимание практического действия норм уголовно-процессуального закона в отношении лиц, которые в силу возраста не в состоянии самостоятельно и эффективно осуществлять свою защиту от уголовного преследования.

Именно стадия принятия решения о возбуждении уголовного дела является некой отправной точкой для начала уголовного преследования и возможности производства предварительного расследования или дознания по уголовным делам и зачастую от этой стадии зависит дальнейшее успешное раскрытие и расследование уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела определено уголовно-процессуальным законодательством как первая стадия уголовного процесса, для которой необходимо установить наличие повода и основания [2, с. 146]. Возбуждение уголовного дела по преступлениям несовершеннолетних осуществляется по общим правилам, но несмотря на это на практике нередко возникают некоторые трудности с ее выполнением.

Например, уголовно-процессуальное законодательство не выделяет специальные нормы, регламентирующие осуществление процессуальных действий с участием несовершеннолетних в ходе проверки сообщений о совершенных ими противоправных деяниях, что свидетельствует об общем порядке ее проведения. Но если уже в рамках проверки сообщения о преступлении фигурирует несовершеннолетнее подозреваемое лицо, возникает ряд вопросов, касающихся порядка работы с ним: необходимо ли участие законного представителя на этой стадии?

В пункте 2 части 1 ст. 51 УПК РФ содержится норма об обязательном участии защитника в судопроизводстве, если несовершеннолетний наделен статусом подозреваемого, обвиняемого, но следует ли здесь закрепить обязательность участия защитника и с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы несовершеннолетнего лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении?

При этом, «согласно пункту 6 части 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, то есть до придания несовершеннолетнему указанного выше статуса» [6, с. 150].

— обязательно ли участие педагога или психолога при проведении опроса?

В статье 425 УПК РФ обозначены порядок и основания обязательного участия педагога (психолога) в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении них. Тем не менее исследователи практики в этом вопросе утверждают, что «нарушения норм в части обеспечения участия в следственных действиях педагога, психолога, защитника и законного представителя несовершеннолетнего лица допускаются в основном на стадии предварительного расследования» [6, с. 150].

— возможно ли в случаях, не терпящих отлагательства, опросить его без участия законного представителя и психолога?

В научной литературе существует несколько точек зрения на этот вопрос, что для практической реализации не есть хорошо. «Профессор В. В. Николюк считает, что поскольку закон специально не регламентирует эти вопросы ... в случаях, не терпящих отлагательств или при временном отсутствии законных представителей опросить несовершеннолетнего вправе сотрудник подразделения по делам несовершеннолетних, но с последующим уведомлением законных представителей или лиц, их заменяющих» [7, с. 224].

Так, другой особенностью является то, что уголовное дело в отношении несовершеннолетнего должно возбуждаться только тогда, когда следователь (дознатель) установил возраст лица. Данное обстоятельство является предметом доказывания в ходе проведения предварительного расследования в соответствии с частью 1 ст. 421 УПК РФ, но устанавливаться должно на этапе проведения процессуальной проверки.

Это нужно, во-первых, для того, чтобы понять, является ли лицо субъектом преступления, а также выявить наличие обстоятельств, которые могут исключить противоправность поступка. Тогда как выявление таких обстоятельств означает отсутствие основания для возбуждения уголовного дела и требует принятия иного процессуального решения по результатам проверки, такого как постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

Во-вторых, преждевременное возбуждение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего может негативно повлиять и нанести серьезную психологическую травму ребенку, а также повлечь необратимые последствия, вплоть до совершения суицида.

Еще одной особенностью можно назвать исчисление возраста несовершеннолетнего в уголовном процессе, который учитывается не с наступления дня его рождения, а с 00 часов суток, следующих после дня его рождения. В том случае, если у лица отсутствуют документы, подтверждающие возраст, или при сомнениях в подлинности и принадлежности данному лицу, то следователь обязуется по законодательству назначить экспертизу, где возраст определяется уже экспертом. Эксперт может только указать год рождения несовершеннолетнего, а датой и месяцем рождения будет считаться последний день указанного экспертом года, то есть 31 декабря. Соответственно, возраста уголовной ответственности такое лицо достигнет с 00 часов 01 января следующего года [3].

Таким образом, возбуждение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего имеет свои особенности, требующее от следователя или дознавателя применения всестороннего и полного исследования обстоятельств совершенного деяния, а принятие к ним мер воздействия, соответствующих совершенному деянию и особенностям личности, способствующих предупреждению преступности среди несовершеннолетних. Это связано с тем, что несовершеннолетние являются наиболее уязвимой категорией, подверженные влиянию взрослых лиц, и потому государство должно обеспечивать им повышенную охрану и защиту. Именно для этого необходимо совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство в этой сфере, на законодательном уровне запрещать свободное толкование норм УПК РФ, а также учитывать реальную практику, стремясь к ее единообразию для того, чтобы обеспечить всестороннюю и полную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года].
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. — 2011. — 11 февраля.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 2019 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 27.10.2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 4.
5. Корякина З. И. Процессуальный алгоритм обеспечения права на защиту несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу // Юридические исследования. 2019. № 10.
6. Смелова С. В. Особенности проверки сообщений о преступлениях, совершенных несовершеннолетними // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 4. — С. 150–151.
7. Солонникова Н. В. Несовершеннолетний участник проверки сообщения о преступлении: его права и обязанности // Общество и право. 2008. № 2 (20). — С. 224.
8. Третьякова Е. И. Особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершенным несовершеннолетними // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 3–2.
9. Шаракшанова И. Н. Особенности возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего // Вестник магистратуры. 2022. № 11–4 (134). — С. 56–57.

Правовое регулирование договора купли-продажи недвижимости: существенные условия и порядок регистрации

Карпова Кристина Игоревна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются ключевые элементы правового регулирования договора купли-продажи недвижимости в Российской Федерации. Особое внимание уделено существенным условиям договора и порядку государственной регистрации перехода права собственности — факторам, определяющим юридическую силу сделки и обеспечивающим защиту интересов сторон. Подчеркивается, что нарушение существенных условий или установленной процедуры регистрации влечёт риск признания сделки недействительной или несостоявшейся, что порождает правовую неопределённость для всех участников.

Ключевые слова: договор купли-продажи, недвижимость, сделка, правовые последствия, регистрация, стороны, законодательство, имущество.

Legal regulation of real estate sale and purchase agreement: essential conditions and registration procedure

This article examines the key elements of the legal regulation of the contract of sale and purchase of real estate in the Russian Federation. Special attention is paid to the essential conditions of the contract and the procedure for state registration of the transfer of ownership, which are factors that determine the legal force of the transaction and ensure the protection of the parties' interests. It emphasizes that violations of the essential conditions or the established registration procedure may result in the invalidation or non-execution of the transaction, creating legal uncertainty for all parties involved.

Keywords: purchase and sale agreement, real estate, transaction, legal consequences, registration, parties, legislation, property.

Договор купли-продажи — обязательный документ при продаже недвижимости, необходимый для фиксации условий сделки и постановки на учёт перехода права собственности. Это один из самых востребованных и важных документов в гражданском обороте. Его нормативное регулирование направлено на обеспечение надёжности сделок с недвижимостью и охрану интересов всех сторон.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) гласит, что по договору купли-продажи недвижимого имущества (договору продажи недвижимости) продавец обязуется передать в собственность покупателя земельный участок, здание, сооружение, квартиру или другое недвижимое имущество [1].

Предмет договора купли-продажи недвижимости является обязательным элементом соглашения, такое правило установлено в ст. 554 ГК РФ. В соответствии с законодательством, в документе должна быть точно определена недвижимость — указан её тип, кадастровый номер, адрес, площадь, а также иные характеристики, позволяющие однозначно выделить объект среди аналогичных. Также в договоре должны быть отражены сведения из ЕГРН: сведения о правах, зафиксированных на объект, обременениях (ипотека, аренда, сервитут) и ограничениях (арест, запрет на регистрацию). При продаже зданий или сооружений в соглашении необходимо указать данные о прилегающем земельном участке: его кадастровый номер, категорию земель и разрешённое использование. В силу п. 1 ст. 432 ГК РФ и п. 3 ст. 555, отсутствие точной идентификации предмета влечёт признание договора незаключённым.

В судебной практике существует мнение, что самый главный идентификационный признак недвижимого имущества — это его кадастровый номер, который должен указываться в договоре. И действительно, кадастровый номер отличный способ идентифицировать предмет договора, который позволит исключить какие-либо споры и несостыковки [3].

Итак, ключевым элементом договора купли-продажи является предмет, однако этого недостаточно для полного правового регулирования. В соглашении о продаже не-

движимости присутствуют иные обязательные условия. Наиболее распространённым из них является цена. Согласно статье 555 ГК РФ, она должна быть либо заранее определена, либо подлежать определению в соответствии с условиями самого договора.

Указанные условия — предмет и цена — являются существенными для любого договора купли-продажи недвижимости. Однако при рассмотрении отдельных видов объектов могут учитываться дополнительные обязательные пункты. Например, согласно статье 558 ГК РФ, при оформлении сделки купли-продажи жилого помещения в число существенных условий входят: лица, обладающие правами на данное жилое помещение, объём этих прав, а также характер их отношений к объекту недвижимости [4].

Сторонами договора являются продавец и покупатель, ими могут выступать как физические, так и юридические лица. Для того, чтобы стать одной из сторон данного договора нужно подтвердить свою дееспособность. В Российской Федерации она наступает по достижению 18 лет, однако некоторые люди ограничены в своей дееспособности в виду болезней или недостижения совершеннолетнего возраста. Несовершеннолетние могут совершить сделку купли-продажи недвижимости, но только от лица их законных представителей: родителей, опекунов, попечителей или усыновителей.

Продавец должен быть законным владельцем недвижимости, либо иметь на неё ограниченное вещное право. Особое внимание при продаже недвижимости уделяется несовершеннолетним собственникам и защите их интересов. Для заключения договора купли-продажи недвижимости несовершеннолетним или их законным представителям требуется предварительное согласие органов опеки и попечительства [5].

Форма договора купли-продажи недвижимости, являющаяся ключевым аспектом, претерпела изменения в связи с новыми законодательными актами. Государственная регистрация теперь осуществляется не самого договора, а перехода права собственности. Для действительности договора и его юридической силы необходимо соблюдение следующих условий:

— Договор оформляется в письменном виде, в виде единого или нескольких документов, подписанных сторонами.

— В договоре должны быть четко отражены данные о сторонах (наименование, реквизиты, адрес), объекте недвижимости (адрес, площадь, вид права), цене и сроках оплаты, а также прочие условия сделки.

— Для заключения договора требуется нотариальное удостоверение подписей сторон, при обязательном личном присутствии каждого участника или их представителей.

— В определенных случаях допускается оформление сделки в электронном виде с использованием электронной подписи. Передача права собственности на недвижимость, как правило, происходит после заключения договора купли-продажи и оформляется в Федеральной регистрационной службе.

— Если одной из сторон является нерезидент (иностранное физическое или юридическое лицо), сделка проводится согласно законодательству РФ, регулиющему подобные операции.

Договор считается окончательно исполненным в момент передачи имущества покупателю и перехода всех прав на него к новому собственнику. Согласно статье 556 ГК РФ, факт передачи подтверждается составлением передаточного акта, который фиксирует переход имущества в пользование новому владельцу.

Отдельно стоит отметить, что, если переданный объект не соответствует оговорённым условиям, покупатель имеет право потребовать расторжения сделки и компенсации причинённого ущерба.

Ключевой юридический момент возникает в момент перехода права собственности после заключения договора купли-продажи. Большинство соглашений подразумевают мгновенную передачу прав, то есть сделка считается заключённой с момента подписания. Однако, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, фактический переход права собственности происходит только после его государственной регистрации.

Эта особенность перехода права собственности касается исключительно тех сделок, которые подлежат обязательной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). К таким объектам относятся недвижимое имущество, включая: земельные участки, индивидуальные жилые дома, квартиры, коммерческие и промышленные объекты, а также доли в указанном имуществе.

Государственная регистрация проводится в порядке Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [2]. Процедура предполагает подачу пакета документов: заявления, договора купли-продажи, акта приёма-передачи, квитанции об уплате госпошлины, а также согласия кредитной организации (при наличии ипотеки) и супруга (если требуется). Далее регистрирующий орган проверяет соответствие сделки законодательству, отсутствие правовых

противоречий, а также наличие обременений. При отсутствии оснований для приостановки или отказа осуществляется внесение сведений в Единый государственный реестр недвижимости, после чего выдаётся выписка из ЕГРН, подтверждающая факт перехода права собственности на покупателя.

Срок регистрации зависит от способа подачи документов: 7 рабочих дней — при обращении в Росреестр, 9 рабочих дней — через МФЦ, 3 рабочих дня — при нотариальном удостоверении договора (часть 9 статьи 16 закона № 218-ФЗ). Приостановление или отказ в регистрации возможны в случае нарушения требований к документам, несоответствия заявленных и зарегистрированных прав, отсутствия согласия заинтересованного лица (например, банка или супруга), а также при наличии ареста или запрета на регистрационные действия.

Типичный процесс перехода права собственности выглядит следующим образом:

— Сначала заключается договор купли-продажи, который содержит условие о передаче права собственности. Необходимо учесть, что законодательство позволяет оформлять многие сделки в простой письменной форме, что может создавать трудности в процессе регистрации.

— После подписания договора пакет документов направляется в Росреестр — орган, отвечающий за внесение сведений в ЕГРН. Для успешной регистрации требуется полный комплект документов, подтверждающий законность совершенной сделки.

— По завершении установленного срока данные вносятся в ЕГРН. С момента проведения государственной регистрации происходит фактическое изменение права собственности: права продавца прекращаются, а права покупателя возникают.

Возникает вопрос: какой юридический статус у имущества в тот момент, когда сделка уже заключена, договор подписан, а право собственности ожидает регистрации? В этот промежуток объект находится в двойственном положении: с одной стороны, покупатель ещё не обладает полным правом собственности, поскольку оно ещё не вступило в силу — говорить о его полноценном владении можно лишь после регистрации; с другой — продавец, хотя формально и остаётся собственником, уже не может распоряжаться имуществом, поскольку оно передаётся по договору покупателю. Таким образом, в период ожидания регистрации ни одна из сторон не вправе распоряжаться объектом. В момент внесения сведений в реестр продавец полностью утрачивает право собственности, а покупатель — приобретает его.

Таким образом, правовое регулирование договора купли-продажи недвижимости способствует стабильности гражданского оборота и защите интересов всех сторон. Основные требования включают точное определение объекта сделки, соблюдение порядка государственной регистрации и грамотное оформление перехода прав собственности. На практике наиболее распространёнными спорами становятся нарушения существенных условий договора,

ошибки при регистрации, а также вопросы, касающиеся прав третьих лиц. Чтобы снизить вероятность возникновения конфликтов, рекомендуется подробно описывать объект с указанием кадастрового номера, заранее проверять наличие обременений и согласие заинтересованных

лиц, строго придерживаться процедуры подачи документов на регистрацию, а при необходимости — привлечь нотариуса для удостоверения сделки. Соблюдение этих мер обеспечит юридическую прозрачность сделки и позволит избежать длительных судебных тяжб.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ», 1996, № 5, ст. 410.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 31.07.2025) О государственной регистрации недвижимости (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, № 29, 20.07.2015, ст. 4344.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (ред. от 23.06.2015) // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.
4. Гладких, Т. В. Договор куплипродажи недвижимости / Т. В. Гладких, С. В. Старцева // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2022. — Vol. 113 (74).
5. Зыкова, И. Н. Особенности договора купли-продажи недвижимости в гражданском праве / И. Н. Зыкова, Ф. Ф. Шпангель. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 20 (467). — С. 533–535.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 16 (619) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 29.04.2026. Дата выхода в свет: 06.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.